

№ 3
2013

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НИВА

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Зам. главного редактора Р. К. БЕГЕМБЕТОВА

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Б. М. КАНАПЬЯНОВ**
(г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ** (г. Астана), **А. Ю. КУРЛЕНЯ**
(г. Петропавловск), **Р. Ю. МАХАТАДЗЕ** (г. Караганда),
Ю. Д. ПОМИНОВ (г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ** (г. Караганда),
Т. И. СЫЗДЫКОВ (г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана),
И. Б. ТЕТЕРИНА (г. Астана), **В. В. ШУПЕЙКИН** (г. Алматы),
Л. Ю. ЮРКОВА (г. Усть-Каменогорск).

В номере:

Проза

- А. Омар.** Бозкурт. *Повесть* 3
С. Викарий. Два рассказа (*Лучшая роза дня; Осмерти и любви*)... 26
В. Дёминский. Эти горы — наши 46

Поэзия

- О. Шиленко.** «Дай мне любви, смирения и силы...». *Стихи* 16
Е. Воробьева. «Любовь — бесконечное лето...». *Стихи* 35
Л. Розин. Немых отцов немые дети. *Цикл стихов* 65

Память

- Л. Смирнова.** «За днями тороплюсь летящими...» 76

Документальная проза

- Е. Мосина.** Когда реки текли в гору (*продолжение*) 79

К 60-летию целинной эпопеи

- В. Владимиров.** Оглянись не в досаде. Ещё раз о том, что такое
Целина (*продолжение*) 102

© «Нива», 2013, Астана

Параллели и меридианы

А. Волков. Дневник отдыхающего путешественника
(продолжение)..... **123**

Критика и литературоведение

Л. Кашина. «Мне светит истиной в строке находка...» **136**

Искусство

С. Беккулова. Приобщение к вечности **152**

Далёкое — близкое

Л. Бахтиярова. Казахстан, любовь моя. Главы из повести **156**

В семейном кругу

С. Назарова. Из книги «Моё карагандинское детство». Рассказы ... **171**

Приключения. Детектив. Фантастика

И. Масалин. Строптивая и Чудовище. Повесть..... **179**

Сатира и юмор

Тэффи. Два гостя **203**

Изоальбом «Нивы»: из работ Натальи Баженовой. На первой странице обложки – «Похищение Европы», на четвёртой – «Автопортрет».

К сведению читателей

В январе 2013 года сайты нашего журнала www.niva-kz.narod.ru и www.niva.ucoz.kz посетили 1526 читателей из 20 стран: 780 из них — жители Казахстана, 471 — россияне. Остальные представляют США, Исландию, Германию, Молдову, Польшу, Кыргызстан, Грузию, Беларусь, Армению, Бельгию, Канаду, Францию, Грецию, Израиль, Литву, Латвию, Нидерланды, Норвегию.

Асель ОМАР

Бозкурт

Повесть

*По мотивам древнетюркской мифологии**

На базаре Сарайшика шаман Еринчин видел, как капли воды, нечаянно обронённые им из кувшина, закипали на зеркалах, разложенных продавцом зеркальной лавки.

Зеркала никто не покупал. Зеркал было много – круглые, треугольные, продолговатые, в металлических гнутых рамах и без них. Лежали под палящим солнцем.

В одном из них отразилось лицо шамана.

Он обменял у торговца золотую монету на хлебные зёрна. Молодая женщина протянула торговцу серьги удивительной красоты. Тот придиричиво осмотрел их и отсыпал ей зёрен – побольше.

Шаман шёл вдоль торговых рядов – повсюду предлагалась лишь сушёная рыба. С минарета доносился призыв к молитве.

Вернувшись на пасеку, шаман надел шляпу с сеткой и заглянул в улей. Осторожно достал соты и со вздохом осел на землю: все пчёлы погибли.

В своём саманном домике, расстегнув на груди рубаху, он полулежал в трагической и потому даже какой-то величавой позе на простом топчане. Он обмахивался круглым китайским веером. Из слюдяного окошка он видел, как, заслышав призыв с минаретов, горожане спешили на службу со слезами.

1.

Эмир Сарайшика вошёл к муфтию, который восседал в своём кабинете. Имам встал ему навстречу, они обнялись.

По знаку эмира слуги внесли подношения – дорогие ткани, золотые монеты.

Эмир припадал к руке муфтия, опустил перед ним на колено:

– Я не знаю, что делать, хазрет. Обмелел Яик, травы выгорели, и начался падёж скота. Хлеба не взошли, и наш процветающий, богатый город кормится лишь рыбой... Молитесь, хазрет, молитесь, как только вы можете... Просите о дожде, о спасении от смерти.

* Источники – Кляшторный С. Г. «История Центральной Азии и памятники рунического письма»; Ксенофонтов Г.В. «Культ сумасшествия в урало-алтайском шаманизме. (К вопросу об «умирающем и воскресающем боге)»; Малов С.Е. «Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования»; Потапов Л.П. «Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных»; Стеблева И.В. «Жизнь и литература доисламских тюрков»; Жубанов А. «Струны столетий»; «Shamanism, History & the State». Edited by N. Thomas & C. Humphry; Hultrantz A. «Ecological and phenomenological aspects of shamanism» и др.

– Великий эмир, ваши слова будут переданы имаму каждой мечети... Тем временем высочайшая супруга городского эмира в своих покоях вызвала визиря:

– Пошлите гонцов к Еринчину, пусть немедленно явится во дворец.

Визирь поклонился:

– Будет исполнено...

Еринчин нахлобучил на голову войлочный башлык, подбитый лисой и с пером филина на макушке, запахнулся в выходной стёганый бешмет, выправил наружу воротник белой рубахи, сверху набросил лебяжью накидку. Также он захватил комуз, надел браслет из высушенных ягод барбариса, нанизанных на суровую нить, всунул ноги в остроносые туфли на высоких каблуках, украшенные совиными перьями, и поспешил вслед за гонцами.

По прибытии во дворец эмира Еринчин сразу был препровождён в покои высочайшей супруги.

Шаман склонил голову, едва ступив под высокие деревянные своды приёмной залы, освещаемые солнцем из высоких стрельчатых окон. Стражники подталкивали его вперёд, по шитому золотыми нитями шёлковому ковру, ведущему к подножию трона.

– Целуй! – шепнули ему.

Еринчин упал на колени, не поднимая глаз, высунул голову вперёд, узрел край белоснежной парчовой одежды, вышитой мелкими розовыми камешками, и ткнулся в неё губами. И только тогда поднял глаза.

Сверху, с трона, на него смотрела красивая женщина, тугие её косы, как змеи, разметались по белой парче платья, сапфиры блистали в диадеме, спускаясь на цепочках по голубым, будто мраморным, вискам, вниз, на плечи.

Она сделала властный знак тонкой и нежной рукой, униженной перстнями:

– Поднимись, Еринчин.

Тот повиновался.

Теперь ему удалось разглядеть свиту, безмолвно обступившую трон по правую и левую стороны, и наследника, десятилетнего мальчика дивной красоты, сидевшего на стульчике рядом с матерью.

Девушки из свиты все были в шёлковых одеждах и чудесно вышитых маленьких шапочках, облежавших голову плотно и сходящихся треугольником на переносице. Подобно небесным пери, девушки блистали драгоценными камнями на шапочках и длинных серьгах.

Все с ожиданием смотрели на шамана, а он в испуге – на них. Лишь наследник, не обращая ни на кого внимания, всё натягивал игрушечный лук, пуская маленькие стрелы в пол.

– Тебе известно, Еринчин, что страну постигла беда, большая засуха, и наш народ питается одной только рыбой и икрой? Слава Тенгри, рыба пока водится в изобилии в Яике и Едиле. Ты знаешь также, что наш супруг отдал приказ всем приходам молиться о дожде. И мы вызвали тебя, Еринчин, и просим тебя помочь нашему городу... – высочайшая супруга замолчала, обдумывая что-то, а шаман склонил голову в знак признательности за доверие.

– Мы приказываем тебе, – продолжила супруга, – мы просим тебя вызвать дождь, как делали это наши предки, уповая на способности такие, как у тебя.

Она встала и знаком руки поманила за собой шамана, удаляясь в комнату за троном.

Придворные расступились, пропуская госпожу и шамана, цокающего каблуками по мраморному полу. Повелительница ввела Еринчина в небольшую комнату со стенами, задёрнутыми занавесками.

– Здесь, – сказала она, – устроена слуховая дверца, из всего дворца сюда стекаются трубы, по которым разговоры всех, кто находится во дворце, можно услышать своими ушами, прикинув сюда.

И она распахнула одну из штор, за которой обнаружилась маленькая квадратная латунная дверца, и открыла её.

– Это сделал зодчий, строитель дворца, по нашему приказу. Так мы можем знать о заговорах. Но никто не может слышать того, кто находится в этой комнате. Стены её обиты многослойно мягкими материями и металлом. Еринчин, расскажи мне о бозкуртах... – неожиданно тихо, но требовательно сказала госпожа.

– О бозкуртах я могу только спеть, если вы прикажете, – ответил Еринчин.

Госпожа кивнула:

– Пой прямо здесь.

И Еринчин, настроив свой комуз, уселся на пол и запел.

– Есть в Дешт-и-Кипчаке братство небесных людей... – начал Еринчин.

Госпожа, привстав в кресле, пристально посмотрела в глаза шаману.

Смычок его скользил по струнам комуза, проникая в самое человеческое сердце, и голос его пронзал слушателя насквозь, да так, что у госпожи пот выступил на лбу и задрожали руки.

Шаман на это не обращал внимания, он не впервые наблюдал, как тяжело людям слушать его пение.

– Среди людей, – звучал речитативом голос Еринчина, – живут духи и бозкурты – синие волки. Мы не видим их, они словно бы обычные люди – скотоводы, охотники, рыболовы, водители кораблей, воины, ремесленники, ханы или женщины. Но когда Земле и Небу становится так тяжело, что не выдерживают ни люди, ни духи, тогда среди людей появляются синие волки – бозкурты – небесные люди. Никто не знает, откуда они появляются, но они рождаются, чтобы спасти мир, и возникает на земле братство небесных людей...

Когда Еринчин окончил свой рассказ, госпожа, взволнованная, встала, скрестила руки на груди и, страстно блистая прекрасными тёмными глазами, зашептала:

– Еринчин! Заклинаю тебя! Укажи бозкурта! На нас готовит поход хромой Шах-Тимур по прозвищу Железный, красноголовые персы грозят войной. А мы обескровлены джутом и засухой. Спаси наш великий эль! Найди хотя бы одного бозкурта, хотя бы одного небесного! Я озолочу тебя, если укажешь, кто он – среди живущих? Где бы он ни был, наши верные слуги найдут его!

– Госпожа, к сожалению, – отвечал Еринчин, – бозкурты не всегда повинуются ханам и эмирам...

– Пусть! – перебила госпожа. – Не говори глупостей, они никогда не пойдут против своего народа!

– Повинуюсь, госпожа, только это произойдёт не быстро. На всё нужно своё время....

– Сколько времени тебе нужно, чтобы отыскать бозкурта? – спросила госпожа.

– Велите принести чан с водой, а на дворе развести костёр, заколоть белоголовую корову и принести в дар подземному царству драгоценности, и я спрошу об этом.

– У кого ты спросишь, шаман?

– У кого-то, кто умер, и сейчас в Эрлике – Нижнем мире.

Госпожа приказала выполнить требование Еринчина, и вместе с ним и слугами спустилась во двор.

2.

В дворцовом саду, среди некогда цветущих, а ныне сухих жасминов, персиковых деревьев, кипарисов, платанов, безжизненных клумб с увядшим розмарином, орхидеями и диким виноградом, уже был разведён костёр, и свита вместе со слугами толпилась вокруг.

Еринчин, не обращая ни на кого внимания, снова настроил комуз и стал играть.

Глаза его стали медленно закатываться, гортанные звуки полились из его горла, порой они расходились на два и даже три голоса, отчего слушающие впадали в трепет.

В своём пении Еринчин стал спускаться в Эрлик.

От подземного холода его стало знобить, мурашки покрыли тело, он стучал зубами, хотя на улице стояла невыносимая жара.

Еринчин миновал уже первый круг Эрлика.

В руках его были драгоценности, принесённые по приказу госпожи, навстречу ему устремились сыновья и дочери Эрлика, наглые и бесстыдные.

Хохоча и глумясь над шаманом, толкая его, они требовали отдать им драгоценности, предназначенные для Эрлика. Но шаман крепко держал в руках перстни, цепи, ожерелья, браслеты, и, укрываясь дымом горящего жертвенного животного, спешил вниз.

Дочери Эрлика стали скидывать с себя одежды и бесстыдно соблазнять Еринчина обнажёнными телами, красивыми и холёными, пытаясь таким образом завладеть сокровищами.

Еринчин зажмурился, чтобы не смотреть на них, и продолжил свой путь.

Спускаясь всё ниже, он чувствовал, как крепчает потусторонняя стынь, он увидел мёртвое ледяное озеро, и жутким загробным холодом повеяло со стороны покоев Эрлика.

Наблюдавшие за шаманом люди во дворце эмира Сарайшика, в том числе и высочайшая супруга, видели, как он кружит вокруг костра, и даже не заметили, как во дворе появился сам эмир.

Все видели, как знобит шамана, и брови, борода и усы его покрывались инеем.

Наконец, Еринчин достиг нижнего подземного яруса. Перед ним был Эрлик.

– Что нужно тебе, зачем беспокоишь меня своим камланием? – грозно спросил Эрлик.

Эрлик был в латах из синего металла, лицо его, всё в волосах, грубое и бутристое, напугало Еринчина, но он постарался скрыть свой страх и протянул Эрлику драгоценности.

– Сюда! – скомандовал повелитель подземного царства и указал на подножие своего трона. Еринчин опустился на колени и положил дары перед его сапогами. Эрлик носком сапога разворошил дары, склонил голову, рассматривая подношение. Потом спросил:

– Что ты ищешь здесь, несчастный?

Еринчин в душе обрадовался, значит, дары пришлись по душе грозному Эрлику.

Собравшись с духом, шаман сказал:

– По велению земного эмира я ищущу бозкурта!

– Ты с ума сошёл, шаман? Или дым твоих костров совсем затуманил тебе мозги? Бозкурты живут на земле! – и он рассмеялся раскатистым страшным смехом, от которого у Еринчина в жилах стыла кровь.

– Или ты не можешь сам распознать бозкурта? Ищешь помощи аруахов?

– Мудрость твоя велика! – трясаясь от страха, промолвил Еринчин и упал на колени перед Эрликом, как бы подтверждая его слова.

– Что, на земле так плохи дела, что люди обращаются к мёртвым?

– Да, о великий Эрлик!

Повелитель подземного царства задумался. Потом крикнул:

– Эй, Кутлы-Кая, где ты там?

3.

Перед Еринчином в облаках пара и в отблеске костров, горящих здесь, в Нижнем мире, без дыма, появилась фигура аруаха.

Когда пар рассеялся, Еринчин узнал в призраке бывшего сокольничего самого хана Тохтамыша:

– О, великий, это же Кутлы-Кая! – вскричал шаман.

– Говори с ним! – приказал Эрлик аруаху, и исчез, будто его и не было.

– Что привело тебя, Еринчин? – спросил тихим голосом Кутлы-Кая.

– Мне кажется... я так думал, – промямлил измождённый шаман, – не ты ли отец бозкурта?

– Раньше я не сказал бы тебе ничего, опасаясь за его жизнь, пока он был ребёнком. Но теперь он вырос и окреп. Хотя от вас, людей, ничего хорошего ожидать нельзя...

– Ты ушёл из нашего мира с обидой в душе? – спросил шаман.

– Я им не прощу... никогда не прощу... – словно преодолевая внутреннюю нестерпимую боль, отвечал бывший шахский сокольничий. – Но он отомстит и за меня... Слушай...

Еринчин опустил эти слова, и через себя – для людей, стоявших сейчас у дворца эмира, не стал их передавать, все услышали только рассказ сокольничего о бозкурте. Для этого шаман специально пошире раздул свои ноздри, чтобы слова выходили через его тело из Нижнего мира на землю.

В это время во дворе дворца эмира публика наблюдала, как Еринчин упал на землю навзничь, рассыпав по земле драгоценности.

Пот выступил у Еринчина на лбу. Ноздри его раздувались, он глубоко дышал. И вдруг из уст его послышался другой, не Еринчина, голос.

Эмир и его супруга в ужасе вздрогнули, они узнали голос бывшего ханского сокольничего:

– Когда я жил в Сарайшике, как-то на охоте, в лесу, неподалёку от города, я встретил Лесную женщину удивительной красоты. Я полюбил её сразу и предложил стать моей женой...

Она ответила: «Я тоже полюбила тебя, но я выйду замуж только при одном условии. Условие таково: ты никогда не должен видеть меня обнажённой при лунном свете».

– Я был удивлён, но любовь была сильна, и я согласился. Мы стали жить вместе, и вскоре она забеременела. И вот однажды летней ночью, когда она купалась в реке, я не удержался и стал наблюдать за ней, она была прекрасна...

Жена смело вышла из воды обнажённая, думая, что находится в одиночестве. Но вдруг почувствовала взгляд из-за зарослей ивы. И тогда я увидел: тело её было совершенно прозрачным. Она ведь не была человеком.

Она обернулась, увидела меня, своего мужа. Тогда она сказала: «Теперь я не смогу жить с тобой. А ребёнка, который во мне, я отдам, ведь он человек, я не смогу забрать его с собой в Лес. Придёт срок, я принесу ребёнка и положу на дороге».

После этих слов она исчезла. Я корил себя, плакал, кричал: «Верни-и-ишь, верни-ишь...».

Ранней весной на дороге недалеко от города я наткнулся на тряпичный свёрток, который шевелился и жалобно пищал.

Подняв его, я увидел в нём младенца мужского пола, и понял, что Лесная женщина принесла мне сына.

Шаман продолжал вещать голосом Кутлы-Каи:

– Я назвал сына Эдиге. Теперь ему восемнадцать лет, он живёт у моей сестры в Новом Сарае – с тех пор, как я отправился в мир иной... Я умер, и я свидетельствую об этом...

Голос Кутлы-Каи смолк, а Еринчин, обессиленный, так и остался лежать на земле, только грудь вздымалась от тяжёлого дыхания.

Эмир сделал знак слугам, и те подняли его на руки и пронесли в покои. Там его уложили на постель и оставили подле няньку, а у дверей – стражника.

Еринчин спал.

Нянька, взрослая крупная женщина, принесла ему изысканные блюда, медовый напиток в кувшине, поставила на стол. Посмотрела на шамана, вздохнула, будить не решилась, села рядом. Потом всё же осторожно тронула его за плечо, позвала:

– Еринчин!

Но он не отзывался.

Нянька грустно глядела на яства.

Темнело, она заварила тимьяновый настой. Поставила на стол подле шамана.

Вдруг рука его шевельнулась, нянька вздрогнула. Еринчин открыл глаза:

– Сколько я проспал, Хадиша?

– Сегодня – седьмой день.

Она поднесла ему настой, помогла привстать, облокотила на подушки, Еринчин выпил.

4.

В Новом Сарае юного Эдиге вместе с другими детьми кормили обедом тётушка и служанка.

Отличало мальчика от других то, что у него была очень светлая кожа, почти белые волосы, бледно-голубые глаза.

– Торопись, Эдиге, учитель пришёл, – сказала тётушка.

В маленькой полупустой комнате, где висела на стене грифельная доска, учитель уже ждал Эдиге, листая книгу, лежавшую перед ним на подставке. Мальчик поклонился и сел напротив него за маленький столик.

Учитель написал на доске по-арабски, прочитал:

– «Книга примеров по истории арабов, персов и берберов и их современников, имевших большую власть»... После распада Римской империи, в семнадцатом году Хиджры войско под предводительством халифа Умара подступило к Иерусалиму... Повтори, Сахарная голова.

Эдиге повторил. Учитель задумался, глядя в окно.

– Учитель, в «Мукаддима» написано про «асабийя»... Я решил, что это хорошо.

– Почему?

– Это основа военно-аграрных империй...

Учитель написал на доске по-арабски.

– Записал?.. Хорошо, и ты понимаешь это? Это нравственная сила, связь боевого духа и солидарность общества... Повтори.

Эдиге повторил в точности и добавил:

– Учитель, Ибн Хальдун пишет, что...

– Теперь вернёмся к арабским глаголам, пиши на доске. Итак, как будет «я читаю»?..

Эдиге писал на доске длинный список спряжений. Мимолётом он взглянул в окно: на площадке уже собирались его друзья для кулачных боёв.

Юноша от нетерпения подпрыгивал на своём месте – так ему хотелось бежать к ним.

Наконец, учитель сказал:

– Выучи наизусть третью часть второй главы «Мукаддимы», Сахарная голова. Можешь идти.

Эдиге поклонился учителю, и когда тот покинул комнату для занятий, опротясь выбежал на улицу.

На площадке стреляли из лука по пустым тыквам, торчавшим на частоколе. Эдиге натягивал лук, целился. Получилось не сразу, но он был упорен.

Тётушка из окна любовалась им:

– Как будто от пери родился, – сказала она няньке.

5.

Шаман, сидя за столом, разглядывал прекрасную комнату, в которой он находился – резной потолок, колонны, балдахин над кроватью, каменные плиты пола.

Раздался шёпот слуг из коридора: приближался эмир.

Шаман поспешил встать, чуть шатаясь ещё от слабости. «Не вставай, Еринчин», – махнул рукой эмир и присел на край постели, где лежал шаман:

– Во дворец «Золотой камень» к хану послан гонец со свитком, на котором писарь записал всё, что ты говорил о бозкурте... А дождя всё нет... – прибавил он, помолчав.

– Не располагает ли временем величайший эмир? – спросил шаман.

Эмир посмотрел на него:

– Говори.

– Прикажете принести комуз! – попросил Еринчин.

Эмир сделал знак слугам, комуз тотчас принесли.

Шаман стал напевать, кружиться по комнате.

Эмир уже испугался вначале, что тот от усталости выжил из ума, но перечить не стал.

– Помоги, помоги, Хозяин дождя, помоги, Буркут-баба́, помоги, богиня Йер-Суб, мы просим вас... мы просим тебя... мы просим тебя... Побойся гнева Тенгри, заклинаю тебя, заклинаю, заклинаю, – шептал Еринчин.

Танец продолжался, потом шаман отбросил комуз, стал вскидывать руки кверху, обращаясь к Хозяину дождя.

И вдруг на глазах эмира и няньки, а также стражника, охранявшего его, на чистом голубом небе стали собираться маленькие облачка, они сгустились, превращаясь в огромные грозовые тучи, и с небес обрушился мощный, сокрушающий ливень!

Павлины эмира сложили свои хвосты и спрятались в беседке. Вода заливала всё вокруг.

На заднем дворе служанка развешивала бельё. Она, удивлённо глядя вверх, как бы вопрошая бога, раскинула руки и стала танцевать, подставляя лицо живительным дождевым струям.

Люди в городе оторвались от своих повседневных забот, высыпали на улицы, стали прыгать по лужам и возносить хвалу Всевышнему.

Вода заливала лавки торговцев на городском рынке, стучала по зеркалам, лежавшим на земле возле лавки зеркальщика, барабанила по жестяным тазам, блюдам и кувшинам в лавке бондаря...

Вода в Яике стала прибывать, голуби, кошки и собаки жадно пили воду из луж, стоя рядом мирно, как в раю.

Женщины выносили на улицу чаны, вёдра, крынки, кувшины, чтобы наполнить их водой.

Эмир, оторвав взгляд от окна, обернулся к Еринчину:

– Почему ты раньше не сделал этого?

– Раньше не мог, великий эмир. Дождь будет идти три дня. А через неделю – ещё три дня...

Эмир обрадованно смотрел в окно на дождь, заливавший подоконник. – Завтра тебя отвезут к хану, – сказал эмир, обернувшись к Еринчину, и вышел.

6.

Рано утром паланкин с Еринчином слуги несли во дворец «Золотой камень».

Дождь всё лил, и шаман, отодвинув шторку паланкина, с удовольствием наблюдал, как иссохшая, растрескавшаяся земля, ещё недавно покрытая солончаками, напоявается водой, как оживают травы и радуются люди.

В приёмной зале на церемонии, посвящённой дождю, собралось немало народу. Хан Тохтамыш принимал муфтия с его свитой.

Муфтий почтительно наклонился к хану:

– Наконец, наши молитвы были услышаны, и Всевышний послал на землю дождь.

Хан наградил муфтия золотыми тенге, принесёнными слугами на подносе, и отпустил.

Уходя, муфтий заметил ожидающего приёма Еринчина:

– Тьфу, дьявол! – бросил он. – И зачем только великий хан слушает язычника?

В тронной зале постепенно не осталось никого, кроме двух стражников.

Хан принял шамана ласково. В руках Тохтамыша был свиток со словами Кутлы-Каи, переданными посредством Еринчина.

– Эмир и его супруга почитают тебя... Так ты найдёшь синего волка? – спросил хан. – Хотя бы первого?

– Второго... Я найду второго, великий хан, – сказал Еринчин.

– Почему второго? Как ты смеешь говорить с ханом загадками? Или хочешь, чтобы я отрубил тебе голову? – вскричал он, но тут же замер от удивления, глядя на Еринчина.

Глаза шамана блеснули холодным стальным блеском, уши его заострились, лицо вытянулось.

– Я знаю только одного... – повторил Еринчин и, как показалось хану, хищно улыбнулся, обнажив зубы.

Хан переменился в лице: это были не человеческие зубы, а волчьи клыки.

– Если ты вздумаешь шутить со мной, используя свои колдовские штучки, тебе точно не поздоровится. Даю тебе три дня, приведёшь бозкурта – останешься жив, нет – пеняй на себя. Ступай! – сказал хан зло, и встал.

Шаман пал ниц, и так и лежал на полу, пока за ханом не закрылась дверь.

Ночью из городских ворот вылетел, как стрела, степной волк, в лунном свете шерсть на его загривке отдавала синевой.

Пустовал дом Еринчина, лишь бешмет его, в котором он посещал дворец великого хана, висел на стуле, а оставленная открытой калитка поскрипывала на ослабленной петле.

Эдиге сидел на полу, перед подставкой с книгой, в маленькой комнате, служившей домашней библиотекой. Он внимательно читал.

Вечерело. Он зажёл огонь и снова читал, освещая страницы огнём масляной лампы.

Выйдя из библиотеки, он неслышно проскользнул мимо комнаты, где спала его тётка, и направился на поляну за город, где ещё занимались стрельбой из лука его товарищи, и тут почувствовал, что за ним кто-то наблюдает.

На стрельбище его тоже не оставляло это ощущение, он всё оборачивался, искал глазами, вглядываясь во тьму, кого-то неизвестного.

Эдиге один пошёл по направлению к своему дому по тихой пригородной улочке. Он даже несколько раз обернулся, но никого не увидел, в глазах его появилась тревога.

Вернувшись домой, он всё ворочался на своей постели, всё никак не мог уснуть и, наконец, вышел во дворик, усаженный вишнёвыми деревьями, чтобы попить воды из колодца.

Было темно, лунный свет ложился затейливым узором на землю сквозь кроны тополей.

Только он отпил воды, как перед ним, словно из-под земли, вырос незнакомец в островерхой войлочной шапке, лебяжьей накидке поверх бешмета, на руке его был барбарисовый браслет. Это был Еринчин.

– Ну вот я и нашёл тебя, Сахарная голова, – сказал он. – Дай и мне напиться, я три дня был в пути.

Эдиге протянул ему ковш со студёной водой.

– Пойдём, повоем на луну, я тебе всё расскажу, – предложил незнакомец.

Повинуясь внутреннему голосу, Эдиге пошёл за этим человеком, будто знал его сто лет, и даже не удивился этим странным словам о луне.

Как замороженный, шёл он на лунный свет вслед за незнакомцем.

– У тебя клыки волчьи, как и мои. Посмотри, – сказал в свою очередь Эдиге и продемонстрировал шаману ряд своих белых зубов. Они были в точности такие, как и у Еринчина.

– Так ты знал, что ты бозкурт? – удивлённо спросил шаман.

– Нет. Я узнал об этом, только когда увидел тебя. Кто твои родители?

– Они люди, – отвечал шаман.

– А моих родителей нет, они умерли... – грустно сказал Эдиге. – Меня воспитала тётка. Я ждал тебя, Еринчин.

7.

Запозднившийся подвыпивший прохожий, добираясь домой по окраинной улочке Нового Сарая мимо стрельбища, увидел вдруг на стрельбище под луной двух волков – чёрного и белого, они выли на луну.

Прохожий протёр глаза, тряхнул головой, снова поглядел вдаль: волков уже не было.

– Привидится же такое, надо меньше пить вина... – сказал он себе и двинулся дальше.

Но снова пугающий вой раздался в ночной тишине, и прохожий с криком кинулся прочь.

На самом деле это были Еринчин и Эдиге. Они продолжали свою ночную беседу.

Утром шаман в сопровождении Эдиге явился в дом товарища Эдиге – Эртюрка. Семья мальчика готовилась к тою. Эртюрк вместе с отцом резали на дворе барана.

Глядя, как мальчик с лёгкостью поднимает тяжёлую тушу, Еринчин и Эдиге стали смотреть за ним внимательно, притаившись за оградой. Мальчик был сложен прекрасно, крепок и силен.

Мать вынесла мальчику воды в кувшине, чтобы тот умылся. Он смыл кровь с рук, потом с удовольствием обливался холодной водой, затем улыбнулся.

Шаман сразу заметил его небольшие кльки. Еринчин кивнул Эдиге, показывая на него, вошёл во двор.

Отец мальчика встретил незнакомца на крыльце.

– По приказу хана Тохтамыша государство наше рекрутирует вашего сына на службу в ставку в Сарайшике.

Он предъявил отцу ханский ярлык. Мать мальчика запричитала, отец остановил её:

– Ты вздумала противиться ханскому приказу?..

Снаряжённые родителями для военной службы, на конях и с амуницией, девять товарищей Эдиге и сам юный бозкурт отправились в Сарайшик, впереди ехал на коне Еринчин.

8.

В это время в Сарайшике поднялись травы и цветы. Плоды цвели необычайно, и обилием своим поражали воображение. Крестьяне снимали невиданный урожай яблок и слив. Пастбища покрылись густой и сочной травой, и скот жевал траву с утра до вечера.

Леса были полны ягод, и сливочные йогурты с ягодами взбивались в каждом доме. Еринчин с новыми товарищами подъезжали ко дворцу «Золотой камень».

Во дворце их встретил эмир:

– Великий хан объявил соревнование воинов по стрельбе, скачкам и борьбе. Хан желает испытать бозкуртов.

Но поле для состязаний уже был устроен помост под навесом для хана и свиты. Народ толпился вокруг.

Великий хан объявил:

– Победитель будет назначен темником!

Эдиге вышел победителем в стрельбе, на скачках и в борьбе – сразу.

Еринчин болел за него, но молча – он не привык, как публика, выражать свои эмоции. Но гордость за юного бозкурта не покидала его, она светилась в глазах.

9.

Эдиге готовил молодых воинов на стрельбище вместе со своими друзьями. Они с товарищами зашли в шатёр, чтобы отобедать, как вдруг услышали конский топот и крики людей:

– Персы!

Юноши выглянули из шатра – ханский гонец, летевший на коне во весь опор, остановил коня возле них.

– Хан требует во дворец темника Эдиге!.. Хан требует во дворец темника Эдиге!..

В лето семнадцатого года правления великого хана Тохтамышша страшная битва произошла, когда к границам ханства подошли красноголовые и краснородые персы. Их лёгкие и быстрые колесницы, снаряжённые пушками, со всех сторон катились к городским стенам. Число персидских воинов было настолько велико, что закрывало собой горизонт от края до края. Но войско Тохтамышша было наготове. Город приготовился к осаде. Тюрки бились с персами три месяца днём и ночью. Немало славных воинов Тохтамышша полегло в этой битве, но и персы потеряли многих.

С городской каменной стены подступающих захватчиков горожане встретили кипящей смолой, градом стрел из бойниц городских стен.

– Кутлы-Кая! – крикнул Эдиге и бросился на врагов.

Он и его товарищи бились бесстрашно. Эдиге на коне каждым взмахом своей сабли лишал жизни одного нападающего.

Стрела пронзила его плечо, кровь сочилась из раны, но он не останавливался. Обескровленные, побитые, персы откатились назад:

– Будь ты проклят, темник Эдиге! – раздавались крики персов.

10.

В город Сарайшик входил караван из Китая. Генуэзский купец приказал остановиться у караван-сарая, где навстречу ему уже выбежал слуга.

Слуги разгружали шелка, фарфор и пряности.

Купец ревностно следил за разгрузкой, подсчитывал тюки. Во дворе караван-сарая слышится многоязыкая речь, под навесами, в тени, пьют чай китайские, генуэзские купцы. Жизнь в Сарайшике наладилась.

С балкона караван-сарая было видно, как Эдиге в окружении женщин, смеющихся и ярко одетых, поднимает чарки с вином в кабаке:

– Эй, подайте-ка нам ещё вина! – крикнул он службе.

– Бутыль вина темнику Эдиге! – крикнул служка виночерпию, и тот поспешил наполнить ещё одну бутыль.

– Какой ты красивый, Эдиге! – говорит женщина. – Какой сильный! Ты настоящий воин...

– В детстве меня называли Сахарная голова, – сказал Эдиге и поцеловал её в губы.

– Ты и сладкий, как сахар! – рассмеялась женщина.

Новое увлечение появилось у Эдиге – он стал искусным каменотёсом. Он выстроил себе мастерскую – пристройку к своему скромному одноэтажному дому, подаренному ему эмиром. В мастерской стояло несколько туфовых и гранитных валунов. Некоторые были неотёсанные, а два уже готовые – это были надгробные камни с узорами и картинами на сюжеты старинных легенд и сказаний.

Эдиге ходил на реку, выбирал камни.

Однажды, выбрав один из них, он поднял его и потащил в свою мастерскую под соломенным навесом.

Эдиге выбивал рисунок стрелка с луком на каменной стеле.

Пришёл Еринчин.

– Похоже, ты знаешь души камней, – сказал он, когда они присели отдохнуть, и шаман закурил длинную медную трубку.

– Знаешь, Еринчин, люблю угадывать по внешней стороне камня, даже обветренной и просоленной, что у него внутри, сколько в нём слюды, белых и голубых кристаллов, – ответил Эдиге. – Жизнь так прекрасна, Еринчин...

Ночью, чувствуя приятную усталость от праведных дневных трудов, Эдиге мирно спал в своей постели под балдахином из выкрашенной синей кобальтовой краской шкуры дикой козы.

Как-то раз во сне Эдиге явилась богиня Умай в шапочке с тремя рожками, в длинном развевающемся платье, с чашей в руках. Она сказала:

– Ты не закончил мою статую, это плохо, я сержусь на тебя. Довольно грешить ночами с замужними красавицами, тебя ожидает другая жизнь.

Она достала из чаши, в какой обычно приносит новорожденным молоко, маленький камешек и вложила в раскрытую ладонь Эдиге. Когда юноша проснулся, в его ладони и вправду лежал маленький слюдяной камешек, на котором ясно очерчивался образ богини.

Он помолился духам предков и отправился в мастерскую под соломенным навесом.

Камень поддавался легко, и, глядя на данный ему свыше образец, в волнении и воодушевлении Эдиге нанёс на подготовленную плиту круглолицый образ Умай в короне из трёх колпачков с цветочными бутонами на конце каждого из них.

Покуда он увлечённо работал, мимо его открытого навеса по крутой каменистой дороге прошли девушки, которые несли на головах изготовленный ими сладкий сыр-иримшик, обёрнутый в красные, с шерстяными кисточками полотенца.

Эдиге бросил взгляд на их загорелые босые ноги в подоткнутых к поясу по бокам длинных юбках (так удобнее им было взбираться по камням), и вдруг что-то заставило его бросить своё занятие и прильнуть к плетёной ограде мастерской.

Внимание его привлекла одна из девушек, Шолпан, прелестница, словно пришедшая из персидской сказки.

Девушка, заметив его взгляд, остановилась и под хохот спутниц сказала ему:

– Чего ты смотришь? Хочешь свежий иримшик? Я сама его приготовила!

– Хочу, – ответил Эдиге.

Шолпан сняла с головы тюрбан с иримшиком, развязала узел и, отломив кусочек, протянула ему.

Эдиге откусил иримшик.

– Очень вкусный.

Девушки, и с ними Шолпан, уже удалились, оборачиваясь на застывшего у плетня Эдиге и всё подшучивая над ним, а он ещё долго стоял, сжимая в руках иримшик, не в силах отвести глаз от Шолпан.

Окончание в следующем номере.

Ольга ШИЛЕНКО

*“Дай мне любви,
смирения и силы...”*

Злая душа

I

Одна сестра была хороша.
Другая умна, а у третьей —
У третьей злая была душа.
Шальная душа, как ветер.

Но рыбак полюбил её — злую душой.
Были кудри её нежнее, чем шёлк.
Были взоры любимой синее леса.
Не боялся рыбак в них ни ада, ни беса.

II

Как-то выждал рыбак тот колдунью в лесу:
— Дай-ко, бабушка, хворост я твой донесу.
Дам я злата тебе и железных рублей.
Сделай душу любимой добрей.

... Усмехнулась колдунья: — Ступай за мной...
И мигнуть не успел — он в пещере лесной,
А в пещере три девушки спят лесных.
Да не девушки это, а души их!

III

Вот старшая спит, будто птица летит!
Спит средняя — чисто младенец в зыбке.
А младшая, руки скрестив на груди...
А младшая, руки скрестив на груди —
Кикимора с язвой в улыбке!

IV

Ты в самую язву её поцелуй, —
Рекла тут ведунья, — не дай ей очнуться.
А очи откроет, ласкай и милуй,
Пока в небе звёздочки льются.

V

Всю ночь он кикимору-душу ласкал.
Пел песни, тальянкою тешил.
Уснул и проснулся. И видит – пропал,
Занёс его к дьяволу леший.

VI

Одна сестра была хороша.
Другая умна, а третья –
А третья его на болоте нашла
И, может быть, больше себя на свете
Того рыбака полюбила.
... Давным-давно это было.
2009

Р.Г.

Привет, мураш! Поужинай со мной,
Коль ты зашёл на стол за хлебной крошкой.
День отзвучал кукушкой и весной,
Так почему бы нам не влезть в окошко
Во-он той звезды?

Как слабо и уютно
Она горит и светит надо мной,
Словно отец и мать в избушке углой
Под абажуром ждут меня домой.

А я всё медлю, всё пишу пейзаж
Эпохи новой, яростной и грозной,
О веке скоростей... Ты ешь, мураш,
Пока ветров не завихрились розы.

Пока сюда не забрело торнадо
Каких-нибудь вселенских катастроф.
Ты пей, мураш, и, может быть, не надо
Других гостей мне, света и костров.

Хочу я, чтоб смеялась и сквозила,
Святая Русь, во мне твоя душа.
Дай мне любви, смирения и силы
Тобою грезить, плакать и дышать.

Отсевок твой, на солнечной чужбине
Я, как былинка тоненькая, гнусь.
И слышу зовы песни лебединой,
И слышу боль твою, Святая Русь.

Среди жнивья надежды, над бурьяном
 Стоят у Волги-матушки реки
 И дух твой сильный, от мороза пьяный,
 И плоть твоя, шальная от тоски.

Г.

Волшебник Гудвин, а глаза влюблённого,
 Ворота распахнул туда, где трудно мне.
 И подарил очки, очки зелёные,
 Чтоб город мне казался изумрудным.

А город из стекла и из бетона.
 Там раньше времени желтеют клёны,
 Там раньше времени стареют души.
 Там музыка играет, но там душно.

А я поморочка. Я Иссык-Кульская,
 Я внучка водяного. Я июльская,
 Я дочь лягушки, что была царевной.
 Ивана дочь. Из века древнего.

Отсох мой хвост... русалочий, чешуйчатый,
 Не пахнут волосы водою йодистой.
 Лишь дом, одетый в розовый ракушечник,
 Напоминает голубую родину.

Сниму очки, а город дымный, серый.
 Ты обманул меня, печальный Гудвин.
 Сниму очки — зелёные «консервы»,
 И взгляд мой потускнеет изумрудный.

Ведь... я поморочка. Я Иссык-Кульская,
 Я внучка водяного. Я июльская,
 Я дочь лягушки, что была царевной.
 Ивана дочь. Из века древнего.

2007

Огонёк

Горит за отрогом в долине,
 Помигивая, огонёк.
 Горит он под вечностью синей.
 Горит, как и я, одинок.

О кто там за дальним окошком,
 Что светит тепло по ночам?
 Там душу сжигает художник?
 Там солнце в безумных очах?

А может, там робкое счастье,
Не знавшее горя, живёт,
И дети играют там в мячик.
И ходит счастливый Федот...

А может, а может, а может,
там зеркало с тайной судьбы?
Пойти б и взглянуть осторожно,
Да страшно обратной тропы.
2007

Год 1973

Я видела как распускается лотос,
Как гасла над крышей звезда.
Как с рыбой серебряной мокрую лодку
Качала живая вода.

Я видела взгляд твой, исполненный неги,
И линии жизни руки:
Здесь линия сердца, здесь линия века,
Здесь счастье — излучкой реки.
— Ты будешь счастливым, вот знак чудотворства
К тебе благосклонен Уран,
К тебе благосклонны Венера и Солнце,
Увидишь цветы многих стран!

— ... Ты, может быть, будешь любима нежнее
И крепче меня, но твой рок,
Твой рок — это я, — ты ответил, бледнея.
И розами выстлал порог.

Я знаю, как молятся ночи и свету.
Как маги творят приворот.
Но нету страшней приворота поэта.
... Не знает никто отворот.
2008

Бродяга

Не сложилось, не спелось, не сладилось.
Человек очень хрупкий храм.
Сотворил его бог, но по слабости
Человек себя рушит сам.

И текут денёчки зелёные,
Звёзды встанут: поют, поют...
Как ходили в обнимку влюблённые,
Но не ходят они больше тут.

Миражи огоньков зазывные.
А пойдя на них — там обман.
Ни друзей, ни родни, только сирые
Окна светятся, да туман.

Не сложилось, не спелось, не сладилось.
У бродяги, хоть волком вой.
Лёг бродяга и, глупый до святости,
Порешил себя под луной.
2006

Пропахший яблоками домик,
Последних хризантем букеты,
А у камина спит садовник,
Ему приснилось нынче лето.

Как ездил он на Иссык-Кульский
Лазурный берег и купался.
Цветок засушенный июльский
На память у него остался.

Остался дух еловой серы.
Осталось на косе песчаной
Его загадочное сердце.
В тоске немой и окаянной.

Листопады. Солнце. Воскресенье.
Золото и пурпур под ногами.
Не было давно такой Осени,
Чистоты и свежести утрами.

Пью напиток яри и прохлады,
Уродилась винограда прорва.
Листопады, листопады, листопады.
Дом пропах мелиссой и апортом.

Огненные нынче георгины.
Голубые в небушке пожары,
Ничего не тронул синий иней.
Это чары, чары, чары, чары.

Это с Теплоключенки теплынью
К нам дохнуло. И река Весновка
Радость нажурчала нам, колдовка,
Это степь повеяла полынью.

Улетели сойки и синицы.
Пеночки, скворцы и свистели.
Лишь любовь моя одна томится.
Никуда она не улетела.

Где-то в хлябях родного пространства
Шлялись Лихо, Прокуда и Ложь.
Повстречали они мою радость
И наставили к сердцу ей нож:

«Что ты, радость, лучишься и светишь?
Аль не знаешь, что горе кругом?
Аль не знаешь, что северный ветер
Выдул счастье твоё и твой дом?»

Нет надежд у тебя, разлетелись.
Нет любви, потускнела, как грош.
И визжали своё и свистели
Злые Лихо, Прокуда и Ложь.

Но всё светится радость от солнца,
От реки, где танцует карась.
От цветов, заблудившихся в соснах.
Будто вечной на свет родилась.

Верит радость в звезду своих странствий
И сияет слепая, как дождь.
... Где-то в хлябях родного пространства
Злятся Лихо, Прокуда и Ложь.
2008

На улицах судьбы. Годы 1986-2007

На улице судьбы росли деревья
С плодами, что имели привкус соли.
Была заря любви. И было время.
Когда плоды те назывались Совесть.

По улице большого Простодушья
Мы честными прошли и очень честно,
Мы улицу Гармонии и дружбы
Построили, и не было нам тесно.

О скверики сомнений! О проспекты
Раздумий, как возвышенные оды,
И вот стоим на площадях Свободы.
Но тех деревьев добрых больше нету.

И вот очнулись в суете. Под нами
Грохочет трасса мировых тщеславий,
Дороги в пробках, Судьбы с тупиками,
Решётки в окнах, нищие с мешками,

... Хочу назад. В дремучий лес застоя
Последним соловьём оплакать время,
Когда с плодами под названьем Советь
Росли, светясь, волшебные деревья.

2007

Яблоня

Здравствуй, дорогое дерево-подросток.
Вспомню вдруг: тебе пятнадцать лет.
Май. И ты сегодня стало взрослым.
Расцвело, как розовый рассвет.

Милый мой питомец, добрый вечер.
Жизнь кипит коварно-хороша.
Всё у вас, как и у нас, не вечно.
И судьба, и раны, и душа.

Грянет время, и за каждый, каждый
За погубленный ваш краткий век
Будет высший суд, как за сограждан.
И за всё ответит человек.

Мы всё выше. Вы всё ниже, мельче.
Будет время, когда всех подряд
Вас не то чтобы очеловечат.
Вас когда-нибудь обожествят.

2006

Кликал ласточкой, кликал веточкой,
А сам выстудил всю до клеточки.
Звал то реченькой, а то Солнышком,
А сам высушил всю до донышка.

Да и ты не луг — голый выпасень.
Медный грошик, орлом мне выпавший.
Кличешь цветиком, кличешь зорюшкой,
А сам думаешь: «Моё горюшко».

Бледный космос мой, утром тающий.
Уходя шепнёшь: «А ты та ещё!»
Жизнь не поле, крутая башня!
Легко подняться. Спускаться страшно.

2007

Архейские сны

Мы попадали с неба
в барханы, в пески.
Мы травинками слепо
проросли у реки.

Мы хвощами взметнулись,
уплыли в моря
и из моря вернулись,
кто дракон, кто змея.

Мотыльки и амёбы,
кто крылат, кто ползуч,
не творенья, а пробы —
долетали до туч.

Вот лежу, точно ящерка,
и слюда на спине...
И, наверно, от ящера
что-то есть и во мне.

Снились мне перепонки
крыльев нежных, как снег.
О, как сладко ребёнком
я летала во сне.

2008

Певец и нечистая

Который раз он слышал этот голос...
Сирена, Гамаюн ли, человек?
Иль дева неба, за какой на горе,
на боль и муки шёл и шёл бы век.

Он закрывал глаза и видел райский
хрустальный взгляд, волшебные черты
И гибкий стан. Но более прекрасной
мнил душу, что звала из темноты.

Казалось, потускнели звёзды мира.
В сравненье с песней той. И соловей,
И несравненная его золотая лира
Всё смолкло. Пел лишь голос из ветвей.

— А кто ты — ангел или дивный демон?
Ударясь ниц, он крикнул: — Покажись,
я раб твой вечный, прикажи, и тело
отдам тебе своё, а хочешь — жизнь?!

Дай мне, боже, по этой лестнице
Возвратиться в твои огни.
И увидеть, как окна светятся,
Предрекая добрые дни.

Люблю провожать зарницы
И долго смотреть им вслед.
Прибласнится ли, приснится.
Чреда отшумевших лет.

Родные, линиялые дали.
Любимые лица людей.
Тоску мне о них нашептали
Зелёные губы ветвей.

Весёлые гроздя акаций.
Серебряный девичий смех.
Мне нравилось целоваться
С Серёжкой в одной из телег.

В телеге, в цветах и сене
Глядели мы в россыпь звёзд.
И месяц стоял весенний
Горбатенький, точно мост.

И звезда — словно в скирдах сена,
Сухих медуниц и мят!
Серёжка ты мой, Весенин,
Всё так же ты чист и свят.

г. Алматы.

Светлана ВИКАРИЙ

Два рассказа

Лучшая роза дня

Я открыла глаза за тридцать секунд до звонка, зная, что он прозвучит в предрассветной тишине не раньше и не позже, чем сейчас, когда дымка занимающего утра обняла город, занавесив окна пеленой самого сладкого сна. И он прозвучал, как артиллерийский залп, распорол нежную тишину, разметал осколки сна по углам спальни.

– Это я.

Будто я сомневалась и могла принять её на рассвете за другого человека!

– Что?.. – прямо спросила я. – Ну, что?

– Я не могу так жить, – с обречённостью произнесла моя подруга Роза. – Больше не могу.

Она помолчала, пытаясь уловить мою реакцию.

– Он издевается надо мной! – теперь уже возмущённо продолжала она. – Ну чего ему не хватает! Ведь всё есть! Всё, всё есть!

Она опять помолчала, собирая себя по частичкам, которые готовы были упорхнуть от неё в окно вместе с лёгким ветерком в этот ранний час.

– Что-то между нами произошло. Это – конец. Вчера он ударил меня. Просто так! Засмеялся, бросил в постель... и... просто изнасиловал. Не могу больше... – всхлип вырвался из её горла. – Я боюсь сделать что-нибудь не так. Прилетай...

– Я прилечу. Пока.

Ровно в девять я спустилась с трапа самолёта, села в первое такси и, радуясь солнцу и теплу, доехала до дома подруги. Под её окнами на первом этаже цвели розы, нежно-розовые бутоны тянулись вверх и лёгкие солнечные блики бродили по тёмной зелени оберегающих их листьев. Мы с подругой обожали розы. Если мужчина не дарил нам лучшую розу дня – он просто вычёркивался из нашей жизни.

Все дорогие вазы в доме Розы были наполнены свежими и уже увядшими бутонами. Они стояли на подоконниках, на столе и на полу. Неприятельная квартира отличалась небрежной элегантностью, хотя кроме дорогой посуды и ковров – китайских, персидских, самаркандских, доставшихся ей от бабушки-узбечки, – Роза ничего не ценила. Её не волновали вездесущая пыль и вечно текущий кран на кухне, а готовить она умела только плов, борщ и пельмени – ничего другого её Вовчик за пищу не признавал.

Глаза Розы неестественно блестели.

– Теперь он частенько не ночует. И врёт-врёт-врёт! Я устала. Он не любит меня больше. Пьёт, снова пьёт. Умоляю: «Вова, закодируйся! У тебя куча завистников. Они ждут твоего срыва». Как будто назло всё делает. Не могу. Я плохо выгляжу, да?.. Плохо?

Роза выглядела очень хорошо. Но диагноз ей мог поставить не только психотерапевт, наблюдая её навязчивое желание снять с лица невидимую паутину. Слишком часто она поднимала руку, украшенную безупречным маникюром, пытаясь смахнуть налипшие на ресницы невидимые нити.

– Тридцать семь. Тридцать семь... – быстро, нервно повторила она. – Всё равно это тридцать девять. Знаешь, в меня один студент влюблён. С юридического заочного. Полковник. Из Чечни вернулся. Кстати, мы сегодня пойдём к нему в гости. Ты останешься или улетишь?

Нашу программу я знала наизусть. В десять мы поедем в баню и до часу будем париться попеременно то в финской, то в русской парной, холя любимые тела мёдом, солью, берёзовыми и можжевельновыми вениками. Потом массаж, педикюр, маникюр, косметические маски, причёски и, наконец, выйдем из бани ровно в три голодные, счастливые и красивые. Рост Розы 179 сантиметров, мой – 160. Роза – крашенная блондинка, я – натурально рыжая. Ни у меня, ни у Розы на теле нет ни единого лишнего волоска, и её и моя кожа светится нежнейшим жемчужно-розовым светом. Роза носит туфли на каблучках сорок первого размера, а я тридцать седьмого. Мы счастливо улыбаемся солнцу и мужчинам. Нам по тридцать семь, но об этом никто, никто не знает. Мы победно идём по улице, блестя глазами, зубами и бриллиантами. И встречные мужчины, как гуси, сворачивают шеи в нашу сторону. А женщины, похожие на старые хозяйственные сумки, глупо и завистливо ухмыляются.

Обедаем в грузинском ресторане – красные грузинские вина с восхитительными названиями и шашлык из барашка – что может быть лучше и здоровее! Для Розы жизнь снова прекрасна. К нам подсаживается всё ещё красивый, но увядающий актёр Миня Окаёмов – известный Казанова и также любитель грузинской кухни.

– Красотки! Съел бы обеих, – вздыхает Миня. Но мы видим в нём лишь тень бывшего праздника.

– Вовчика сегодня не встречал? – спрашивает Роза.

– Кофе пили с утра у литераторов, – сообщает Миня, облизываясь на нас, как на праздничные коврижки. Впрочем, мы даём ему шанс утешить стареющее мужское самолюбие и сопроводить нас в “Сомбреро”, где готовят самый вкусный кофе. По дороге Миня покупает нам по розе. Розе – розовую. Мне – алую. Мы благодарим его лёгкими поцелуями, на вздохе прижимаясь сосками к его ещё вполне мужественной груди. Казанова балдеет, молодея просто на глазах.

На подходе к “Сомбреро” на скамейке у цветущей клумбы сидит академик Листопадный. В старомодной сетчатой шляпе и летнем льняном пиджаке с острыми лацканами. Роза резко стопорит, но поздно. Отец смотрит строгими, печальными глазами, ждёт.

– Ты не была уже три дня, – укоризненно говорит он. – А твоя дочь, между прочим, болела ангиной.

– Женечка?..

– Нет, Даночка. Ты думаешь, что в 16 лет у девушек уже не бывает ангины? – в манере своего одесского коллеги спрашивает русский академик.

Роза виновато вздыхает и отбрасывает носком туфли камешек.

– А как мама?

– Мама как всегда. От давления пьёт таблетки.

– Я приду сегодня, па... Честное слово. Мы придём.

– Да не нужен мне твой Вовчик. Сама приди. Дети соскучились.

Первый брак Розе навязал сам академик. Роза сразу поняла, что её муженёк любит только свою своенравную мамочку. Свекровь кроме всего раздражали туфли невестки, похожие на подводные лодки. А при общении с невесткой ей приходилось поднимать голову вверх, отчего она заболела шейным хондрозом. Однажды Роза запеленала шестимесячную дочь и ушла к родителям. Сын знаменитого писателя не был романтической натурой и не стал просить о возвращении. Алименты он платил нерегулярно, и академик сам отказался от подачек, признав этим свою ошибку. После развода Роза затосковала. Её мало интересовала дочь и ещё меньше работа в университете, где она преподавала английский. Ей грезился светловолосый принц, который ворвётся в её скучную жизнь и всё изменит. Как вдруг она увидела его в писательском кафе, там каждый день собиралась местная богема, чтобы за чашкой кофе с коньяком обсудить творческую независимость. Вовчик был адвокатом. Все процессы обычно заканчивались перед обедом, и каждый день он приходил сюда. Розу он просто не видел, хотя она не только отличалась экстравагантностью, но и сидела рядом с ним. Однажды, когда пьяный адвокат едва не уронил себя, она подставила ему плечо, и они вышли вместе. С женой он ещё не развёлся, но ночевал у родителей, в пристройке, стоявшей в конце сада. И яблоки всю ночь стучали, скатываясь по крыше. Роза перестала ходить на работу – ей необходимо было постоянно находиться рядом со своим принцем. Все свои дела адвокат делал в ресторанах. Там он встречался с клиентами и друзьями, брал взятки, обедал и пил. Роза же только курила – много и нервно. Вскоре адвокат оценил её. Она контролировала его связи, охраняла «дипломат», с утра присутствовала на процессах, а в перерыве давала ему опохмелиться. После процесса всё сначала – встречи, клиенты, обед в ресторане, переходящий в ужин, до четырёх утра карты в каких-то жутких притонах. Здесь он начал её бить, потому что она охраняла его «дипломат», то есть деньги. Зато утром он виновато целовал её: «Дурочка, купи себе брюлик». Роза обожала бриллианты, как и её узбечка-бабушка – собирательница восточных ковров.

Отец не вынес позора, свалившегося на его честную голову, и изгнал заблудшую дочь из дома. С матерью Роза иногда встречалась на базаре. Мать плакала, совала ей пирожки, рассказывала о Даночке.

Осенью адвоката поймали на крупной взятке, и хотя дело замяли, карьера кончилась. А раз карьера кончилась, друзья как-то стыдливо отвернулись. Недельку Вовчик пил, гнал от себя Розу, маясь чувством вины и безысходностью. Но плохо он знал её. Роза быстро продала свои бриллианты и купила эту квартирку с крошечным садиком под окном. Брат привёз старую мебель, мать, втайне от отца, подарила посуду и бельё. Роза притащила туда Вовчика и объявила, что это их дом. Вовчик собрался с

духом и открыл предприятие. На две недели они исчезли из города, и последующие пять лет его никто не видел пьяным. Всё было так же – рестораны, деловые встречи, вернувшиеся друзья, щедрые угощения. На ухоженных ручках Розы снова засверкали бриллианты. Она по-прежнему сидела рядом, курила и говорила ничего не значащие фразы. На многих она производила впечатление хорошенькой дурочки. Потом она родила Женечку, и уже через полгода принесла её в родительский дом. Академик к тому времени всё простил и принял зятя, куда ж ему было деваться! В общем, у них всё было хорошо. Но минул пятый год, и Вовчик категорически отказался кодироваться на следующий срок.

– Сам смогу, – упрямо твердил он.

Но не мог. И Роза, благополучная и цветущая, всё более теряла равновесие, и всё чаще звонила мне на рассвете.

Бывший адвокат, а ныне преуспевающий предприниматель, сидел в «Сомбреро» на привычном месте, прислонясь спиной к нагретым прутьям металлической решётки. Взгляд его пронизательных синих глаз, остановившись на нас, потеплел. Говорили о СПИДе, политике, криминале и погоде. Вовчика то и дело отзывали, что-то торопливо шептали на ухо.

– Я даже не знаю, что это за люди. Он меня совсем отстранил. Подставят его, вот увидишь, – волновалась Роза.

В четыре у него было свидание на «Террасе», а в пять он повёл нас в «Шёлковый путь». Ели пельмени с зайчатиной и пекинскую утку с ростками бамбука. Вовчик опять кого-то ждал, а Роза обеспокоенно поглядывала на часы. Около семи она язвительно спросила: «Домой ждать?».

– Приду, дурочка, – миролюбиво отозвался он. – К девчонкам сходите. Деда видел сегодня, говорит, Данка приболела.

– Знаем, – ничуть не смутившись, коротко ответила Роза. Мы сели в такси и укатили.

Человек, ровно в семь открывший нам дверь в старом хрущёвском доме, не был похож на полковника. Он был красив ясной красотой фольклорного Леля. Голубые, почти прозрачные глаза, короткие светлые волосы, белозубая улыбка.

– Александр, – рука не крупная, но сильная и влажная. Я увидела своё отражение в его взгляде, уловила дрожь его руки, сердце забило сбивчиво и громко. На низком столике фрукты, коробка конфет, коньяк. Роза закурила и со свойственной ей виртуозностью стала болтать ни о чём. На её щеках расцвели бутоны, чуть раскосые глаза заблестели более обычного. Она была хороша и хотела нравиться Александру. Но я уже знала, что мы вспомнили о нашей встрече, хотя она произошла, скорее всего, в прошлой жизни. Роза трещала о детях, тряпках, снежном человеке. Но вдруг резко остановилась. Глаза её лукаво сузились.

– Ты не забыла, что твой рейс в Питер ровно в двенадцать?

Мы едва успели к окончанию регистрации.

– Вы вернётесь? – спросил он, удерживая мою руку в своей. – Через неделю или месяц? – от нежности его голубые глаза стали тёмными. Я кивнула.

– Когда? – спросил он более определённо. Пожав плечами, я помахала им рукой. Роза выглядела счастливой и безмятежной. Александр был слегка напряжён и грустен.

У трапа самолёта переминалась уставшая за день толпа командировочных, туристов и гулён, вроде меня. На бархатной темени неба причудливый и знакомый узор разноцветных звёзд томил душу красотой и недоступностью. Горизонт был плоским, напоминая о границе, к которой не стоит торопиться.

«Успокойся, – сказала я себе. – Тебе тридцать семь. А ему тридцать».

Я протянула билет бортпроводнице, в ясных глазах которой ещё не читалась перспектива стать бальзаковской дамой, но кто-то подтолкнул меня под руку. Лёгкий ветерок вырвал билет, и он полетел, кружась и переворачиваясь, как маленькая падающая звезда. Я сошла с трапа, прошла через вестибюль аэропорта и села в такси.

Его окна были темны. Я поднялась на третий этаж и стала ждать, унимая биение сердца. Шаги по лестнице прошуршали вскоре, и он воскликнул: «Свет мой! Я знал, что ты вернёшься!». Щёлкнул в темноте замок двери, мы прошли через коридор. Не включая света, он расстелил постель, скупыми и чёткими движениями. Лунный мучительно-серебристый свет пробивался сквозь стёкла и ткань занавеси, обессиливая нас. И трудно уже было понять, где кончалась явь и начинался дивный бесконечный сон.

Роза ворвалась к нам через три дня, она бросала в стену стулья, топала ногами, кричала, что я – подлая, самовлюблённая, капризная и проституирующая особа, которая не способна ни к жертве, ни к подвигу ради любви мужчины... что я стареющая и эгоистичная, схватившаяся за соломинку идиотка... Она неистовствовала в гневе, пока Александр не зажал рукой её пламенеющий рот.

– Хватит! Ты унижаешь себя! Уходи...

Голова была гулкой, пустой, я сидела в оцепенении, вжавшись в кресло, пытаюсь понять, за что моя лучшая подруга искромсала моё сердце. Александр горячими поцелуями осыпал моё лицо и руки. Но они не оживляли меня.

– Рыбка моя, сколько тебе лет? – спросил он, когда облегчающие слёзы полились из моих глаз.

– Тридцать семь!

– Девочка моя, тебе пора научиться прощать предательство.

– Не смогу.

– Послушай меня, чеченского героя. Если б я не научился прощать ещё там, я бы сошёл с ума.

Впервые за три дня мы вышли на улицу. Алексу надо было купить сигарет и просто прогуляться. Красный закат предвещал на завтра ветер. Пыльная зелень молила о дожде. В воздухе вечера застыло тоскливое ожидание перемены. У входа в магазин мы увидели худую, с разбитыми коленками девочку. Она держала в руке единственную розу. Бутон её поник, края алых лепестков подсохли.

– Утром это была самая красивая роза, – сказала девочка, протягивая её мне. В глазах девочки искрилась надежда. – Честное слово!

О смерти и любви

Покидая навсегда свой милый город, примостившийся над склоном глубокого глинистого лога, который растревоженный весной Ишим надолго заливал густой серой водой, Зеленские побывали на кладбище. На Старом покоились дед и бабка Юры и его маленькая дочь, а у Литты здесь был похоронен отец.

Было тихо и сумеречно, потому что день выдался несолнечный. Листья шелестели скорбно, как и подобает в этом месте. Юра огладил могилку своей девочки, протёр стёклышко над фотографией ангела, и плечи его вздрогнули. Потом они сидели на уютной скамеечке у стариков Зеленских под сиренью, устлавшей своим цветом столик и обе могилки. Юруля обнял жену.

– Они были счастливы 55 лет и умерли в один год, – торжественно произнёс он.

– Ты уверен? – переспросила Литта.

– Уверен. Они почти не разлучались и всё время старались прикоснуться друг к другу.

– Как?

– Погладить. Приласкать. Только и слышно было: «Стасенька, Наташенька». И как нитка за иголкой друг за другом.

– И он никогда её не обижал?

– Что ты!.. Станислав Зеленский, польский ссыльный офицер, без памяти был влюблён в мещанку Наталью Нагорнову, учительницу. Это была любовь на небесах, милая.

Литте стало печально, захотелось заплакать. «Почему я не могу любить его, такого милого, верного, надёжного. Я ведь стараюсь, я очень стараюсь...».

Юруля нежно поцеловал её прикрытые веки.

– Литтуся, я тебя очень люблю, и у нас всё будет хорошо. Ты не бойся и знай, что я всё выдержу, – сказал он, словно угадав её мысли. Она торопливо и покорно закивала головой.

– А теперь пойдём поищем могилку твоего отца. А завтра за Новопаповку поедем, к твоим старикам.

Но могилу Литтиного отца они не нашли. Ряд захоронений 72-го года кончился над логом, и потемневшее синее пространство неба прорезали красивые огненные сполохи. Сразу же ударил ветер, разметал длинные рубиновые пряди Литтиных волос. Страшно стало стоять над логом, среди могил, и они торопливо стали выбираться. Осталось чувство сожаления, что с отцом она не попрощалась.

На другой день было солнышко, и Литта с утра купила цветы. Юруля остался в машине за оградой кладбища, ей хотелось побыть со своими наедине. Она шла к ним неспешно, слушая пение птиц и шёпот кладбищенских трав. Голова была ясной, а сердце лёгким. Радостные, с всегдашней весёлой искринкой бабушкины глаза встретили её издали. Она уже знала, с какой стороны ни зайти, бабушка Анна видит гостя. Взгляд же деда

Константина всегда насуплен и угадывается в нём мука тайная. Словно так много знает он о людях – живых и мёртвых, что и смотреть-то больно. Вот они какие разные, – опять увидела Литта, щёлкнула задвижкой, зашла в оградку, встала на колени: «Здравствуйте, мои родные!».

Она огладила руками каждый сантиметр песчаной почвы, под которой лежали старики в этой оградке, как на широкой супружеской постели. Каркали вороны, внося хаос в гармонию голубого неба, буйно зеленеющей кладбищенской растительности, окружённой прочной пеленой вечного покоя. Но это не раздражало Литту. Когда она раскладывала цветы, увидела на бабушкиной могиле круглую дыру, уходящую вглубь. Может быть, это была нора, и Литта отважилась заглянуть в неё. И тут же отпрянула – так застучало сердце! Она нутром ощутила движение подземных стихий, недоступное разуму простого человека, рождающегося с тайной и умирающего с ней.

Взгляд деда стал удручающим. Мол, вечно ты, внуча, лазея, куда только не залезешь... А бабушка смотрела так же радостно, мол, струсила?... А чего? Бабья доля наша такая – через всё пройти надо, и не убояться.

– Ну почему через всё?... Через боль, потери, нелюбовь, предательство, болезни, да?... И я?

– И ты, – сказал дед. Или ей показалось. – В главном все люди одинаковы.

– В святом и дурном, – подсказала бабушка.

– А кто такие святые? – наивно спросила Литта.

– Эх, Улитка, почти до сорока годов дожила, а спрашиваешь!

Над другими не заноситься, на добро чужое не зариться, не воровать, не врать, работать до седьмого пота, хозяином слову быть... Я ж вас всех скромности учил, – сказал дед.

– Вот это всё святое и есть, – добавила бабушка.

– Любовь?..

– Любовь из этой же святой пряжи вьётся, – начала было бабушка, но дед не дал ей досказать.

– Мы-то, слава богу, слова такого стеснялись. Одним её пестовать нужно всю жизнь. Другим она дана как посошок в дорогу. Хотя бы нам вот.

– Ты чо буровишь? – возмутилась бабушка.

– А чо есть, то буровлю. Припомни, моя разлюбезная, как я в 16-м годе к вам на молоканку-то в Плоском батраком пришёл наниматься в кожаных штанах и тебя, кулацкую дочку, красавицу писану, да певунью, да плясунью, да и уволок в нужную сторону, в свою родиму Красноярку. Сбежала ведь со мной. А какие к тебе важные сватались! Аня, моя разлюбезная, единственная моя, хозяйка, жена и подруга – всю жизнь речь такую тебе говорил, до самого гроба.

– Как же! Слушать устала. И не только это я от тебя в выраженьях слушала. «Аня, моя единственная и разлюбезная, окромя тебя нету мне утешения! Но скажи, Аня, начистоту, в 19-м годе через Мещанский лес на телеге с Малкой Чанушкиным куды ехала?!».

– Так это ж в аванец и в получку так получалось, – пытался оправдаться дед.

– Ага! А куды я ездила на телеге в 19-м годе с кривым Малкой Чанушкиным – откудова мне помнить в девяностом-то годе! И всю жизнь меня попрекал! Всю жизнь. А он ведь, Малка, тебя ладить печки учил. А ты его позорил в аванец и в получку-то на всю деревню. Родителей, богатство бросила, женихов ради тебя, как есть. А ты всю жизнь...

– Женихи твои на той гражданской ещё остались, а я прошёл, и Отечественную прошёл, потому что ты, Аня, моя единственная и разлюбезная, и судьба нам такая была, чтобы вместе жизнь прожить и упокоиться рядом.

– Значит, у вас была любовь на небесах, – догадалась Литта. – Родные вы мои! Почему же у нас так не получается, ни у мамы, ни у меня?

– А всё от вашей бабьей нескромности, – ответил дед. – Мать твою взять. В городе краше девки не было. Как выйдет в городской парк гулять с подругами, картинка, ну вылитая Аня в молодости. И брови червлёны, углём писаны, и губы маков цвет. И сама статная, маленькая, больно любил я её...

– Улитку больше любил, – вставила бабушка. – Завсегда внуков мы больше любим.

– Так ведь сноровистая, как кобыла, всё не по ей! Двух мужиков поменяла, и этот нехорош, и другой плох. Судьбу, внуча, принять надо, трудом жизни сделать. Обтёсывать эту глыбу всю жизнь, в поте лица, и терпеть... Терпеть по-христиански. Где шепотком, а где шлепком, но на добро, и с хитростью женской. А норова не показывать. А вы теперь скорые, нетерпеливые, раздражительные. Кротости и смирения совсем лишились. Ты вот уже третьего мужика взяла, и чо не рада?..

– Не рада, дедуля. Мне мало, что Юра любит меня, сама хочу любить. А не могу.

– Ты, внуча, забавница! Разве ты хоть одного свово мужа или полюбовника уважала?

– Я хотела уважать, да не за что было. Слабые все они. А мне хотелось спрятаться за крепкую спину и сказать, как я устала. Устала я смертельно, учиться жить, выживать, правды и справедливости добиваться. Я женщина, я хочу мужчину, который освободит меня от рабства жизни. А такого нет.

– Эх, девка, всё-то в тебе есть. Только не поймёшь никак, что бунтуешь зря. Судьба такая твоя – учиться любить. Посошка тебе не дадено, вот и всё.

– Держись, внуча, Юрулю свово. А то опять погресишь, если убьёшь его любовь к тебе, – вздохнула бабушка Анна. – Положим, встретишь опять кого, влюбишься. А он нет.

– Было так, таких я сразу из сердца вырывала, тех, кто нечестны со мной. Ведь и с Юрой я честна, знает он, что не люблю его и оставлю сразу, как произойдёт это в моей жизни.

– Мы-то родились в начале века и рано женились. Жить надо было, работать, детей рожать, некогда было любви-то ждать. У вас всё по-другому, сильно изменилась жизнь-то с тех пор, как мы здесь лежим.

– Сильно изменилась, – подтвердила Литта. – И многие смирились, между деньгами и любовью выбрали деньги. А я веду себя глупо. Да, глупо. Опасаюсь, если любовь придёт, я её не узнаю. А ты, бабуля, как поняла, что любовь это?

– Ничего не поняла я. Кинулась за ним, как в огонь. Истинно так. Он ведь меня как в свою Красноярку увёз, в то лето мы первую свою мазанку на берегу озера поставили. Начали хорошо, по-людски. Ну и к празднику варила я в баньке самогонку. И обварилась сдуру-то. Молода была. Пока в Перво-советскую больницу на телеге меня привезли соседи, самого в ту пору не было дома, он лесничим работал. Пока то да сё. А потом доктор Верейская, из ссыльных она была, вызвала его и говорит, мол, будьте готовы, ногу ваша молодуха потеряет. Гангрена начинается. Он перед ей на колени: «Не режьте, дайте срок, я способ знаю!». И вот он, дед твой, пешком в Красноярку-то и давай подряжаться свиней забивать, за работу только нутряным салом просил. Ночь идёт пешком до города. Нянюшек всех умаслит-заговорит, и салом нутряным ожоги мне мажет. Да и назад, в Красноярку. А у меня ж не только нога, вся левая половина и лицо задето было. Смотрит доктор Верейская, а я уж оживаю. Десять ночей подряд со свежим салом ходил пешком двадцать километров, это в октябре-месяце! Поди ж, верно, нынешние мужики такое совершить не в силах, а потому и любовь в них не растёт. Любовь нужно женщине пригоршнями кидать, а они норовят всё за её счёт прибыток поиметь. Грех это большой. Вот оттого они и гоняются по жизни, непристроенные да пьяные. Давать женщине радость не умеют. Главная беда всё одно – в мужиках, – со вздохом закончила бабушка. – Не защищает, не жалеет мужик бабу-то, чести её не щадит – с чего ж любви счастливой зародиться?

Дед молчал, насупленно сведя брови. Значит, соглашался. Потом сказал:

– Внуца, не переживай, что оставляешь могилы наши. Всё равно в Расеюшку едешь. Вспомни-ка, как весело да ладно мы жили в ладных степях этих. Костров нажгли, полыньки нанюхались. На лошадок налюбовались. Да что там! И на том спасибо. Поезжайте с Богом. А нам памяти и любви вашей довольно. Помнишь, ты мне стихи читала древнего поэта. Я запомнил, мудрые слова: «Всю землю Родиной считает человек, изгнанник только тот, кто в ней зарыт навек».

Каркнула ворона, и Литта, вздрогнув, проснулась в слезах, с томительным чувством в груди. Она лежала, обняв тёплую бабушкину могилу, прижавшись щекой к земле. За оградкой стояла и смотрела на неё беленькая собачонка. Она завилыла хвостом и умильно заморгала жёлтыми глазками, явно выпрашивая гостинец.

Ворона сидела на решётке оградки, серой сталью сияло её перо в лучах высоко стоявшего солнца. Утерев слёзы, Литта сказала: «Сейчас... Я вас накормлю», – и стала доставать из сумки припасённое угощение. Ворона каркнула, и целая стая загомонила в нетерпеливом ожидании трапезы.

г. Калининград.

Елена ВОРОБЬЁВА

“Любовь — бесконечное лето...”

Папоротник

В ночь на Купалу, в полночь, каждый год
Я жду цветка, я много загадала.
Ботаника про папоротник врёт:
Я верю в то, что бабушка сказала!

С цветком в руке в воде отыщешь брод,
Найдёшь всё то, о чём давно мечтала.
От всех невзгод тебя убережёт
Цвет одолень-травы в ночь на Купалу.

О, справочников строгие ряды!
Листая ваши пыльные страницы,
Легко понять, что не цветут мечты
И пламенем не озаряют лица!

Легко понять, что нет спасенья, нет,
Но я шепчу заветные слова:
Цвети, мой цвет, мой негасимый свет,
Моё спасенье, одолень-трава!

Пусть день за днём летит за годом год,
Пусть не нашла всё то, о чём мечтала,
Пусть все твердят, что он не зацветёт,
Я верю в то, что бабушка сказала.

**Елена
ВОРОБЬЁВА**

родилась 9 декабря 1964 года в городе Усть-Каменогорске, где и проживает.

Автор стихов и исполнитель песен, написанных различными композиторами на её тексты.

Публиковалась в журналах «Аманат», «Иртыш», в книге «Русский месяцеслов и частушки». Подготовила сборник «Северный ветер», работает над новым сборником «Рождение Луны».

Участвует в концертах. Выпустила диски «Зимняя оттепель», «Майский аккорд», «В октябре багрянолистом», «Концерт, которого не было». С 2006 года ведёт цикл телевизионных передач «Мои поющие друзья».

В «Ниве» выступает впервые.

Пиковая дама

Рисую мелом значки-узоры.
 Не уступаю — не моли.
 Меня не трогают нежные взоры,
 Когда в руках — короли.

Меня не трогают глупые страсти,
 Которым имя — обман.
 Здесь ум и расчёт. И одно несчастье —
 Когда в голове — туман.

Ну, что молчите? Несите свечи,
 Делайте ставки, пора!
 Оставьте на утро пустые речи —
 За нас всё решит игра.

Тройка, семёрка, туз, и снова
 Лёд в голове и крови...
 Сегодня я обыграю любого —
 Мне не везёт в любви.

Вокзал

На прощанье не молчала,
 И не опускала глаз,
 Будто и не провожала,
 Лишь встречала сотни раз.

Будто всё давно известно,
 Будто в сговоре с судьбой,
 Будто есть такое место,
 Где однажды, в день воскресный,
 Мы увидимся с тобой.

Будто не было печали,
 И разлука лишь на час.
 Будто нас уже венчали!

Будто вороны кричали
 Просто так, а не для нас!

Скорость мыслей и колёс
 Грустно несоизмеримы.
 Посмотрю вослед без слёз,
 Будто всё ещё любима.

Будет больно, ну и пусть.
 Не заплачу, не дождёшься!
 Я, прощаясь, улыбнусь!
 Будто ты ещё вернёшься!
 Будто я тебя дождусь!

Прекрасны все двенадцать лун

По мотивам Сей-Сёнагон (Времена года)

Прекрасны все двенадцать лун!
 Рассвет весны и полночь лета.
 И светлячки поют об этом,
 И ты влюблён, а значит — юн...

Прекрасна осень. Ветра шум.
 И полон звон цикад печали.
 И всё, о чём вчера молчали,
 Сегодня не тревожит ум...

Зима... Огонь угаснет вмиг,
 Лишь только в пепел обратится
 Всё, что тебе сегодня снится...
 А значит, ты уже старик...

И стоит вновь коснуться струн
 И алых облаков рассвета.
 И вспомнить и весну, и лето:
 Прекрасны все двенадцать лун!

Теория множеств

Очертим круг любимых красным цветом.
Всё, что за ним – бесцветно! Ставим нолик.
Как хорошо, что ты рождён поэтом!
За это попадаешь ты в неволю.

В неволю рифм и образов прекрасных,
Где мы живём, влюбляясь и играя.
Где, васильковым цветом наполняя
Перо, мы пишем строки красным.

И что с того, что мы не будем вместе?
Кто знает рифмы, тот имеет право
Летать, мечтать, творить. Давно известно:
Поэзия – лекарство и отравка.

В плену у рифм и образов прекрасных
Мы все живём, влюбляясь и играя.
И, васильковым цветом наполняя
Перо, мы пишем строки красным.

Прекрасно всё, но есть одна проблема:
Пересечение неслучайных множеств.
И тайны снов, и колдовство модема –
Всё невозможное ещё быть может...

А мы в плену у образов прекрасных.
А мы живём, влюбляясь и играя.
Но, васильковым цветом наполняя
Перо, мы пишем строки красным.

Северный ветер

(Песни на блаженных островах)

Я – северный ветер для спелых плодов.

Ф. Ницше «Так говорил Заратустра»

О, ветер Востока! Пьянящие сны,
Напевы зурны, ароматы кальяна,
И имя (которой по счёту?) Весны,
Всплывающее среди сна и дурмана.

О, ветер Заката, прихода Луны!
О, таинства знаков, чудес и гаданий!
Цветы, что когда-нибудь станут плодами.
Но всё же пока остаются цветами,
Как истины, те, что ещё не ясны.

О, Южных ветров обжигающий зной!
Ты — тяжесть плодов, истекающих соком,
Которые можно достать только оком,
Которых, увы, не достанешь рукой!

Я — Северный ветер для спелых плодов!
Ведь есть же свободные ветры на свете!
Пусть ты не выносишь холодных ветров,
Я — Северный, Северный, Северный ветер!

И лики любви, и её ароматы

И лики любви, и её ароматы,
И счастье апреля, и грусть октября,
И всё, что очерчено словом «когда-то»,
Воскреснет и вмиг нарисует тебя.

И станет смешной череда расставаний,
И шёпот дождя, и бессонницы снег,
И рифмы имён, и тоска ожиданий,
И тайны пространства, и времени бег,

И станет волшебным забытое имя,
Бесценным, что снилось, а всё не сбылось,
И глаз синева, и декабрьский иней,
Ветрами и дымом пропахших волос,

И лики любви, и её ароматы,
И счастье апреля, и грусть октября,
И всё, что очерчено словом «когда-то»,
Воскреснет и вмиг нарисует тебя.

Пьянящий цветами июль

Ты должен сказать «не люблю»?
А я не просила ответа!
Любовь — бесконечное лето,
Пьянящий цветами июль...

Любовь — бесконечное лето,
Дорога в беспечную даль,
Туда, где смеются рассветы,
Оттуда, где плачет печаль,

Где всё, что не сбудется с нами,
Уйдёт в предрассветный туман...
Ты должен? Отдай же стихами!
А всё остальное — обман!

Троецарствие

По мотивам трилогии «Троецарствие» Юрия Никитина

Напиться воды из дальнего моря,
До синей звезды дотянуться рукой.
На белом коне, с бесконечностью спора,
Искать горизонт за далёкой чертой...

Где древний песок обжигает светел,
Где море меняет на жемчуг следы.
Где мысли приносит смеющийся ветер
И тают печали у кромки воды...

Где ясно поймёшь: от себя не уехать.
И снова коня повернёшь на огни,
Туда, где осталось звенящее эхо:
Возьми моё сердце, а песни верни!

Три царства пресветлых познать до рассвета,
Три радости, три бесконечных мечты...
Где день начинается с солнца и света,
Когда, наконец, появляешься ты!

Где слёзы твоё обжигают плечо,
Как будто бы это расстаться поможет...
Вот сердце, вот меч и волшебные ножны,
Вот вера с надеждой и что-то ещё...

Медитация

Пусть за окном белый свет, маета,
Синие сумерки, белое небо...
В золото звёзд улетай, мечта!
Краткая память — печаль-небыль.

Что там сегодня? Дальние страны?
Регги, тамтамы, песок, бонги?
Парус в лазурной дали океана?
Дикие песни, древние боги?

Старые рифмы, новые песни...
Отношений абстракция.
Всё это будет, мне будет весело
А пока — медитация.

Остров Пасхи, Индия, Грузия,
Рифмы печалей, ритмы дорог,
Музыка счастья, надежда и тревог
И радость обмана — иллюзия.

Старая тетрадь

Не завтра, но потом, когда-нибудь.
В ту ночь, когда я вас почти забуду...
Вдруг облака откроют Млечный Путь
И наколдуют сны из «ниоткуда».

И вам приснится старая тетрадь,
И глупость строк, и нежность многоточий...
И вы тогда поймёте, между прочим,
Всё, что сегодня не могли понять!

Дай Бог, чтоб ваша грусть была легка,
А сны-воспоминания беспечны,
И пусть сияет в небе путь ваш Млечный,
Который вдруг откроют облака.

Не завтра, но потом, когда-нибудь,
В ту ночь, когда я вас почти забуду,
Вдруг облака откроют Млечный Путь
И наколдуют сны из ниоткуда.

И вам приснится старая тетрадь,
И десять звёзд: одна, четыре, пять...

Серенада лягушки

Отправляясь в путь, иди всегда налегке:
Ничего с собой не бери!
Всё, что пригодится в этой жизни тебе —
Музыка вечерней зари.

Музыка, которой мне уже не забыть,
Свет луны манил серебром..
Мы пели, а ведь этого могло и не быть!
Но, Боже, как мы пели вдвоём!

Отправляясь в путь, забудь обиды свои:
Ни одну с собой не бери!
Лишь воспоминанья о весенней любви,
Свет луны, да лучик зари, и...

Музыку, которой мне уже не забыть,
Свет луны манил серебром..
Мы пели, а ведь этого могло и не быть!
Но, Боже, как мы пели вдвоём!

Не проходит этот закодированный сон!
Мы живём в мелодиях-снах!
Но однажды запоёт для нас саксофон..
Ах, не утонуть бы в мечтах!

Май, цветущая сирень

Май, цветущая сирень.
Окна настезь! В светлый день,
В мир, где рядом с нами ходит
Нашей новой песни тень.

Опьянит сиренью строк
Слов несказанных поток
И поманит за собою
Светом будущих дорог.

В май, где рифмы так легки,
Где печали далеки.
Где уходят все сомненья
В след пера, в узор строки.

А пока: она лишь тень,
Еле слышимый намёк.
Окна настезь, в светлый день!
За окошком – сто дорог.

Ветер за окном затих.
Зазвенел последний стих.
А пока лишь рядом бродит
Образ образов моих.

Наваждение

Ты весенним утром ранним встанешь весело-беспечно.
Улыбнёшься отраженью, подмигнёшь в окно весне.
Выйдешь из дому, увидишь, что дорога бесконечна,
И пойдёшь... Куда – не знаю, но, конечно, не ко мне!

Будешь радоваться, глупый, что меня уже не любишь.
Вот и номер телефона наконец-то позабыл,
Что глаза мои не помнишь, имя скоро забудешь
И на всякие страданья не потратишь больше сил...

Только что-то вдруг случится! Я ещё не знаю точно,
Что такое это будет: гром ли? бури на Луне?
Пред тобой возникнут двери, и, когда тебе откроют,
Ты поймёшь, что ноги сами привели тебя ко мне.

Волна и камень

История эта, быть может, грустна
(Всё станет известно в свой срок).
Но в камень холодный влюбилась волна,
Танцую у каменных ног.

Забыв об извечном капризе стихий,
Мечтала, мечтала о нём..
Но разве сплетаются с прозой стихи
И дружен ли пламень со льдом?

Такого не видел никто никогда,
Покуда стоит белый свет.
Но кто-то услышать надеялся «да»
И не понимал слова «нет».

Надежда спасала и вас, и меня.
И вот из пучины морской...
Явилась, чудесной улыбкой маня,
Рождённая пенной волной.

И кто не шептал ей восторженных слов?
Кто, рифмы сплетая в бреду,
Придумал ей имя из песен и снов
На счастье, а может, беду?

История эта стара, как вино,
Прекрасна, как сон для двоих...
А имя рождённой известно давно
И песен достойно иных.

Призрак

Вечных истин печальный секрет
Мне открылся в холодных глазах —
Плыть на остров, которого нет,
По мечтам. И летать в облаках.

Я о встрече тебя не молю.
Глаз твоих бесконечная даль...
Горизонт. Моему кораблю
Не доплыть. Бью хрусталь.

Мой мираж! Ты не скажешь: люблю!
Ты не посох! Ты — камень в пути!
Призрак тонущему кораблю!
Ты придёшь, чтобы снова уйти.

Горизонт не достанешь рукой,
Бьётся парус на диких ветрах.
Я молю не о встрече с тобой:
Лишь о снах да мечтах.

Вечных истин печальный секрет
Мне открылся в любимых глазах.
Плыть на остров, которого нет,
По мечтам. И летать в облаках.

Апрель

Месяц апрель то смеётся, то плачет!
Нервы весною у всех на пределе!
Значит — влюблюсь! Ну а как же иначе?
Как не влюбиться, скажите, в апреле?

Как не поверить в апрель и удачу?
Не удивиться весенней капели?
Месяц апрель то смеётся, то плачет!
Как не влюбиться, скажите, в апреле?

Слышите? Это запели синицы!
Те, что зимой почему-то молчали!
Вот захочу — и смогу вам присниться!
Прочь все обиды и прочь все печали!

Слушая голос весенней свирели,
Как, по весне, вновь с дороги не сбиться?
Всё, решено! Я влюбляюсь в апреле!
Этой весной грешно не влюбиться!

Яблоко

Вот яблоко! То самое, бери!
В нём яда нет! Съедем его вдвоём?
Ты на меня подольше посмотри!
Ну что за скука на лице твоём?

А мне сегодня хочется то петь,
То танцевать, то плакать, то грустить,
То на тебя, любимого, смотреть
И глупости о счастье говорить!

Но ты не веришь в яблоко любви!
Твой скучный взгляд сведёт меня с ума!
А холодность? Она в твоей крови!
Уж лучше съем я яблоко сама!

Письмо

Письмо! Я так тебя ждала!
Я превращалась в ожиданье!
И за спасенье от молчанья
Чего бы я не отдала?

Письмо! Как я тебя ждала!
Каким богам я не молилась?

Но чуда так и не свершилось,
А время всё сожгло дотла...

А вот теперь скажи на милость,
Зачем ты всё же появилось?
Ведь всё на свете разлюбя,
Я проживу и без тебя!

Впрочем

Я не люблю тебя за то,
что ты не смотришь на меня!
За то, что нет в глазах твоих
ни пылкой страсти, ни огня,

Я не люблю тебя за то,
что ты не даришь мне цветы.
И что во мне не признаёшь
ты ни ума, ни красоты.

Что под балконом не стоишь
и не звонишь мне по ночам.

Что никогда не упадёшь
с признанием к моим ногам.

Что мой тебе не страшен взгляд!
Тот, что других сжигал дотла!
Что встрече нашей ты не рад!
Я это сразу поняла!

Увы, от мыслей о тебе
покоя нет ни днём, ни ночью!
Я не люблю тебя, а впрочем...
Люблю! И очень...

Желание

Хочу проснуться на твоём плече...
Я знаю, этой сказки не случится,
Но за окном — счастливая синица,
И я молюсь синице при свече:
Пусть этот сон нам всё-таки приснится!

Хочу поверить в этот странный бред!
Пусть будет всё, что озаряет лица:
И снег, и свет, а за окном — синица!
И в этот час ты мне не скажешь «нет»?
Пусть этот сон нам всё-таки приснится!

Игра

Игра известна и давно знакома.
Но почему-то до сих пор жива:
Я повторяю за тобой слова,
Как повторяет эхо голос грома.

Ты, этой властной сладости вкусив,
Диктуешь быстро, весело, небрежно,
Я тороплюсь и повторяю нежно,
Почти молюсь, ресницы опустив!

Ты скажешь «да» — я «да» шепчу вослед.
Ты улыбнёшься — я рассыплюсь смехом.
Я растворюсь в тебе, я стану эхом,
Я — это Ты! И вот меня уж нет...

Дождь

Мне бы только дождаться встречи!
Только голос бы твой услышать!
Ах, как долго тянется вечер!
Как безудержен дождь на крыше!

Мне бы только дождаться встречи!
Нервы-струны всё выше, выше!
От молитвы не стало легче.
Кто там? ...А, это дождь на крыше!

Мне бы только дождаться... где ты?
Почему ты меня не слышишь?
Боже, как бесконечно это
Ожидание до рассвета!
Как безудержен дождь на крыше!

Преграда

Не счесть моих несбывшихся желаний!
В пути от сложности до простоты
Я поняла, что в мире ожиданий
Есть новая преграда: это Ты.

Блуждая переулками сомнений
И утешаясь вечным: может быть,
Забыла я, как просто позабыть
Бессмысленность коленопреклонений.

Довольно подаяний и падений!
Прощай, прощай навек, печаль моя!
Я никогда не встану на колени!
Есть новая преграда: это Я.

Замки весны

Пусть замки любви бесконечно легки,
Пусть призрачны их купола!
Меж взглядом и лёгким касаньем руки
Есть всё, что сжигает дотла!

Но тысяча тысяч разумных причин,
Холодный ответ на вопрос,
И вот: дворец из сияющих льдин!
Да был ли он, замок из роз?

Но между огнём и нетающим льдом
Есть что-то, что выше причин!
И там, где от счастья сторают вдвоём,
И там, где безумен один.

Я замок весны нарисую сама,
Узорами слов застелю...
Любимый, за что же ты сводишь с ума?
Быть может за то, что люблю?

Песенка Эвридики

О, какое это счастье плыть с тобою по теченью!
Вот улыбок отраженья, вот река, вот берега...
Я гляжу на облака, таю от прикосновенья,
О, какое это счастье: знать, что ты со мной, пока.

О, какое это счастье: возвращаться в царство Грёз!
Знать заранее ответы на единственный вопрос!
И, забыв про невезенья, Стикс и Смерть, туманы слёз,
Таять в тёплой дымке Лета сладким ароматом роз...

О, какое это счастье — возвращение домой!
Напой меня, любимый, родниковой водой!
Вечных истин бесконечность так понятна мне сейчас:
В чём разгадка? Ну, конечно, в нежности любимых глаз!

Владимир ДЁМИНСКИЙ

Эти горы — наши

«Нам на Эльбрусах не воевать».

Алексей Тарасов,
Командующий Управлением горной,
лыжной и физической подготовки Красной Армии

*«Когда русские запасы нефти истощатся,
Россия будет поставлена на колени».*

Иоахим фон Риббентроп,
министр иностранных дел Германии

*«Моя основная мысль – занять область Кавказа,
возможно основательнее разбив русские силы...
Если я не получу нефть Майкопа и Грозного,
я должен ликвидировать войну...».*

Адольф Гитлер

В середине июля 1942 года немецкие войска форсировали Дон и захватили Ростов. Двадцать восьмого числа, сразу после того как город пал, командующий группой армий «А» генерал-фельдмаршал Лист прибыл на место недавнего сражения.

Колонна автомобилей медленно ехала по разбитым улицам. Воронки от бомб, противотанковые ежи и окопы крайне затрудняли движение. Во время штурма многие районы города сильно пострадали. Сейчас автоколонна проезжала через квартал, где не уцелело ни одной стены выше полутора метров.

«На что они надеются? – с раздражением думал генерал, наблюдая, как команда огнеметчиков выжигает обнаруженную в развалинах подозрительную нишу. – Ростов уже наш, максимум через два месяца мы выйдем к морю. Зачем сопротивляться? К чему вся эта бессмысленная возня?».

Со стороны развалин раздались душераздирающие крики. Генерал поморщился и отвернулся.

Наконец они подъехали к трёхэтажному зданию, не очень сильно пострадавшему от бомбёжек. Разве что фасад был в нескольких местах

**Владимир
Александрович
ДЁМИНСКИЙ**

родился в 1982 году в семье учителей. Закончил механико-математический факультет Ростовского государственного университета. В настоящее время работает преподавателем высшей математики. Занимается проблемами высшего образования и математической подготовки студентов.

В жанре фантастики опубликованы рассказ «Демоны Сталинграда» (сборник «Настоящая Фантастика 2010» («ЭКСМО»)) и рассказ «Встретимся» (журнал «Венский литератор»). В № 2 за 2010 год литературного приложения «Знание – Сила: Фантастика» помещён рассказ «Оружие победы».

В «Ниве» выступает впервые.

выщерблен пулями, да стёкла кое-где выбиты. Здесь располагался командный пункт 49-го горнострелкового корпуса генерала Рудольфа Конрада.

Тепло поприветствовав старого товарища, Лист объявил ему благодарность за ростовскую операцию и перешёл к постановке новой задачи.

– Семнадцатая армия будет наступать на Кавказ, – фельдмаршал мельком взглянул на генерала и спросил: – В каком направлении планируете дальнейшие действия корпуса?

– Через Майкоп.

Лист кивнул:

– Горнострелковый корпус предположительно двумя дивизиями должен перейти через высокогорные перевалы западнее Эльбруса, чтобы открыть путь в Закавказье семнадцатой армии. Её задача – продвигаться вдоль прибрежной полосы через Туапсе.

Спустя десять минут, обсудив в общих чертах план ОКВ, генералы расстались. Конрад предложил командующему заночевать здесь, в Ростове, но Лист, сославшись на дела, отказался. Как только фельдмаршал уехал, генерал приказал всем старшим офицерам явиться на командный пункт. Нужно было тщательно обсудить предстоящее наступление.

Уже в первых числах августа горнострелковый корпус генерала Конрада начал двигаться к перевалам. В горы пошли хорошо обученные, полностью укомплектованные, обеспеченные специальным альпинистским снаряжением соединения.

К тому времени основные боеспособные части Красной Армии располагались ближе к морю, а на перевалах находились небольшие отряды, с которыми установилась не очень надёжная связь. Многие бойцы попали на Кавказ впервые. К продолжительным боям в горах личный состав был не готов.

Зная, что на высокогорных перевалах зима наступит через восемь недель, немецкое командование планировало одержать победу на этом направлении до конца сентября. В горах было сложно действовать крупными соединениями, поэтому в дело вступили боевые группы.

Вечером одиннадцатого августа, прорвав слабую оборону какого-то селения с непроизносимым для немецкого уха названием, отряд майора фон Гофмана остановился на ночлег. Расположившись в одном из уцелевших домов, тридцатилетний майор, жилистый натренированный офицер горнострелковых войск, задумчиво склонился над картой.

– Спроси его, где основные силы красных? – он кивнул переводчику.

Шульц, молодой обер-лейтенант, перевёл вопрос.

Черноволосый небритый мужчина из местных, которого звали то ли Муса, то ли Муса, тут же ответил.

– Они отступили на перевал, – перевёл лейтенант.

– Хм, – фон Гофман потёр гладковыбритый подбородок.

К сожалению, во время боя не удалось захватить ни одного пленного. Красные, вооружённые одними винтовками, дрались отчаянно против пятикратно превосходящих их егерей. Полегли все как один. Никто не сдался.

Муса же пришёл к егерям сам. Изъявил желание сотрудничать. Переводчику сказал, что ненавидит Сталина и хочет помочь немцам-

освободителям. Отто фон Гофман не очень доверял таким вот помощникам. Кто знает, что у них на уме? Майор вздохнул и склонился над планшетом.

В начале наступления с картами была настоящая беда. Несмотря на то, что до войны многие офицеры успели побывать на Кавказе под видом туристов, большинство карт, находившихся в распоряжении командиров немецких войск, безнадежно устарели. Иногда для их составления использовались старые русские карты ещё царских времён. Поэтому неудивительно, что данные частенько не соответствовали условиям местности.

К тому же карт не хватало. В корпусе ходили легенды о том, что у командира танкового батальона «Викинг» была карта Кавказа, взятая из ростовской школы. Она оказалась лучше той, которую ему выдало командование.

Ситуация кардинально изменилась, когда наступающая 16-я пехотная дивизия захватила в предгорьях Кавказа крупный советский штаб. Из рассказов местного населения и пленных удалось выяснить, что, отступая, солдаты сбросили в пруд ящики с документами. Когда их достали и отправили в разведывательный отдел штаба дивизии, то оказалось, что немцы захватили настоящее сокровище, а именно: для войск — хорошие карты района Кавказа до Туапсе; для командования — тщательно отработанные справки о районе Кавказа между Майкопом и Туапсе с указанием вероятных направлений сосредоточения основных усилий в обороне; для ОКВ — разведывательные материалы о Турции, планы военных действий Советского Союза против Турции со схемами строящихся укрепленных районов на советско-турецкой границе.

К сожалению, ни одна, даже самая лучшая, карта гор не способна заменить проводника, человека, который родился и вырос в этом районе.

Откуда-то снаружи донеслось нарастающее тарыхтение мотора. Скорей всего, над селением кружил самолёт. Немецкий, судя по звуку. «Ю-52» здесь сесть не сможет, а значит, это был лёгкий самолёт связи. Наверняка, Физелер «Шторх».

Спустя пару минут фон Гофман убедился в правильности своих предположений. Через порог переступил офицер люфтваффе. Щёлкнув каблучками и вытянув руку в нацистском приветствии, он передал майору пакет. Ознакомившись с его содержимым, фон Гофман обратился к переводчику:

– Скажи ему, что завтра идём на перевал. Он будет показывать дорогу. И пусть только попробует выкинуть какой-нибудь фокус!

«... Новостей особых нет. Выполняем честно и добросовестно свой долг перед Родиной. Немцы бомбят. Обо мне не печальтесь. Разгромив хищную германскую армию, очистив нашу советскую землю, мы все возвратимся домой. Ты, главное, жди меня, верь, я вернусь с победой...

Целую крепко. Береги себя и Надю.

Иван».

Капитан Терехов поставил точку и отложил карандаш.

– Когда же я встречу вас снова? – прошептал он. Жена с дочкой

остались в Нижнем Тагиле, родном городе капитана. Свою семью он не видел больше года.

Скорее уже по привычке, чем осознанно, Терехов принялся массировать кисть левой руки. После госпиталя большой и указательный палец полностью восстановили свою подвижность, средний гнулся чуть хуже, а вот с безымянным и мизинцем было совсем скверно. Осколок, попавший в плечо, задел какие-то важные сухожилия, и теперь левую руку удавалось сжать в кулак лишь при крайнем напряжении сил.

За спиной скрипнула дверь. Это прибыл посыльный.

– Товарищ капитан, разрешите обратиться?

– Обращайтесь.

– Вас вызывают в штаб.

– Иду.

Задув керосинку, он, вслед за посыльным, вышел на улицу. На востоке край неба уже алел зарёй, откуда-то с побережья ветер донёс глухой рокот зенитных орудий. С каждым днём пушки били всё сильнее и сильнее.

Терехов на секунду остановился и вдохнул полной грудью морской воздух. Даже зажмурился от непривычного ощущения. Выписавшись из госпиталя, он прибыл на побережье четыре дня назад и ещё не до конца освоился. Совсем недавно, пока капитан оправлялся от ранения, их полк сражался вдали от этих мест, но однажды ночью людей подняли по тревоге и приказали сдать всё, что непригодно для войны в горах. Получив боекомплект и продовольствие на десять дней, полк погрузился в эшелоны и уже через неделю командиры в бинокли разглядывали Главный Кавказский хребет.

Добравшись до штаба, расположенного в неприметном сарайчике на окраине деревни, Терехов миновал часовых и прошёл в помещение. Комполка, увидев его, лишь едва заметно кивнул, услышав приветствие. Судя по кругам под глазами и бледному одутловатому лицу, майор Сергеев не спал уже несколько ночей.

– Присаживайся, Иван Михайлович.

Майор знал капитана ещё с Испании. Вместе прошли через многое, и поэтому в отсутствии подчинённых они частенько обращались друг к другу не по уставу.

– Николай Антонович, случилось что?

Сергеев ответил не сразу. Внимательно посмотрел в лицо Терехова, словно впервые увидел рано поседевшие виски, сеть мелких морщинок возле глаз и шрам слева от подбородка.

– Николай Антонович, что так смотришь? – капитан усмехнулся. – Чай, я не красна девица.

– Как рука? Болит? – тихо спросил майор, не обратив ни малейшего внимания на реплику капитана.

– Нет.

– Сожми-ка пальцы.

Терехов, глядя прямо в глаза майору, сжал и разжал кулак. Получилось вроде неплохо. На лбу, правда, выступил пот, но тут уж ничего не поделаешь.

– Понятно, – комполка тяжело вздохнул. – Вчера над перевалом пролетал наш «Ю-2». Его обстреляли немцы. Со всех сторон. Еле ушёл оттуда. А это значит, что егеря контролируют гору и тропу на ней. Скорей всего, отряд, который прикрывал перевал, разбит.

Майор достал пачку сигарет и протянул Терехову. Они закурили, после чего Сергеев продолжил:

– Из штаба армии пришёл приказ: выбить с перевала немцев и удерживать его до подхода спецотряда НКВД. Крайний срок выполнения боевой задачи – двадцатого августа.

– А когда подойдёт подкрепление?

Николай Антонович пожал плечами.

– Немцы готовятся к броску на Новороссийск. Подтягивают резервы поближе к городу. Этот перевал, конечно, не самое подходящее место, – майор посмотрел на висевшую на стене карту, – но возможность нанесения удара с данного направления исключить нельзя. Так что его надо прикрыть.

– Разрешите возглавить группу?

Сергеев глубоко затянулся и затушил окурок в пепельнице.

– Две тысячи метров над уровнем моря, – глядя куда-то мимо Терехова, произнёс майор.

– С рукой всё в порядке. Разрешите возглавить группу? – повторил капитан.

Комполка опять перевёл взгляд на Терехова. О чём майор думал в этот момент? О том, что в их полку осталось лишь пять офицеров из тех, кто начал воевать летом сорок первого? А может быть, о том, что на перевал придётся отправить отряд без специального снаряжения? Спальные мешки, «кошки», горные ботинки, рационы усиленного питания и многое другое, так необходимое в высокогорье, всё это осталось на складах, теперь занятых немцами...

– Разрешаю, – глухо ответил он.

В дверь постучали.

– Здравия желаю, товарищ майор. Разрешите доложить, лейтенант Гусаков прибыл.

В комнату вошёл молодой человек лет двадцати пяти. Худощавый, среднего роста, он двигался легко и пружинисто.

– Вольно. Проходите, садитесь.

– Лейтенанта Гусакова прислали к нам из штаба армии, – комполка обратился к капитану. – Он опытный альпинист и хорошо знает местность. Пойдёт вместе с вашей группой.

– А это Иван Михайлович, – комполка представил Терехова. – Командир отряда.

Капитан и лейтенант пожали друг другу руки.

– Вам приходилось бывать в горах? – первым делом спросил альпинист.

– В тридцать седьмом. Летом был в отпуске. Несколько раз ходил в походы.

– А что с солдатами? Насколько хорошо они подготовлены?

– В полку есть несколько местных, – в разговор включился майор, – ещё человек пять из Дагестана. Ну а остальные видят горы впервые в жизни.

– Ясно... – лейтенант помрачнел. – Что ж, давайте собирать группу.

Отряд фон Гофмана покинул селение рано утром. Швабские и баварские егеря умели двигаться быстро, поэтому майор не без оснований рассчитывал выйти к окрестностям перевала уже к вечеру. Для этого боевой группе необходимо было спуститься в долину, пересечь её и подняться на гору.

Проводник не подвёл. Спустя три часа егеря уже шли по тропе через девственный вековой лес, обозначенный на русских картах надписью «Природный заповедник». Эта местность была безлюдна и представляла собой границу между лесным и высокогорным Кавказом.

Неожиданно со стороны головного дозора раздались выстрелы. Егеря прыснули с тропы и залегли за деревьями. Однако, спустя несколько секунд, наступила тишина. Судя по всему, скоротечный бой закончился.

К майору подбежал Шнабель. Опытный фельдфебель, командир разведгруппы, среди солдат всегда выделялся своей невозмутимостью и неуказательным выполнением трёх основных принципов немецкого разведчика: увидеть побольше, самому остаться незамеченным и в крупные бои не ввязываться. Сейчас же хладнокровный фельдфебель был бледным, как смерть.

– Герр, майор! Уфф, – Шнабель запыхался так, словно пробежал несколько километров.

– Там, это, – фельдфебель замялся, словно не зная, какие слова подобрать для описания того, что он увидел. – Идёмте со мной, пожалуйста.

– Чёрт возьми, Шнабель, да что происходит?! – выругался фон Гофман. Его крайне удивило поведение разведчика. – Вы там что, Сталина подстрелили?

– Нет, – егерь отвёл глаза. – Ну, в общем сами всё увидите.

Заинтригованный фон Гофман пошёл вслед за Шнабелем. Вместе с собой майор взял проводника и переводчика. Мало ли, вдруг пригодятся?

Дозор продвигался метрах в двухстах от основной группы, так что до нужного места добрались быстро. Продравшись сквозь заросли рододендрона, они очутились на небольшой полянке. Здесь стояли три разведчика. Они окружили нечто, сперва показавшееся майору грудой тряпок. Но как только он подошёл ближе, то сразу же понял свою ошибку.

– Матерь Божья, – прошептал фон Гофман, чувствуя, как сердце на мгновение словно остановилось, а затем забилось часто-часто.

На траве лежало существо. Здоровое, под два метра ростом, оно было почти целиком покрыто густой бурой шерстью, чем-то напоминающей верблюжью. От трупа исходил резкий мускусный запах. Но, несмотря на это, майор наклонился поближе.

– Чёрт возьми, – произнёс командир егерей. Лежащее на спине, широко раскинувшее руки-лапы существо, определённо было женского пола. Автоматная очередь, выпущенная разведчиком, прошла грудь в нескольких местах.

– Мне показалось, что кто-то прячется в кустах, и я крикнул, чтобы выходил с поднятыми руками, – чуть виновато начал объяснять один из егерей, – а потом выстрелил. И вот, она. Лежит тут.

За спиной майора часто-часто что-то залопотал Муса.

– Каптар... алмасты, – до уха фон Гофмана донеслись отдельные слова.

– Чего это он бормочет? – майор обернулся к переводчику.

– Горный человек, нет, не так, человек снегов, спустившийся с гор. Падёт проклятье на ваши головы. Мечь? Хотя нет, не то слово, скорее, кара, – Шульц начал старательно переводить.

– Достаточно, – майор резко взмахнул рукой. – Очередное глупое суеверие.

– Ох уж эти русские, – фон Гофман пнул труп ногой. – Совсем озверели. Настоящие дикари.

Майор усмехнулся, словно только что произнёс невероятно остроумную шутку. Однако егеря продолжали смотреть настороженно. Что же касается Мусы, то проводник трясся, покрывшись липким потом и лягзал зубами так, что его, наверно, слышно было аж на перевале.

– Так, – фон Гофман прищурился. – Вы застрелили русскую партизанку. Она несколько недель скрывалась в горах и совсем одичала. Всем всё понятно? И не вздумайте трепаться об этом!

– Яволь, – вразной ответили егеря.

– Всё. Уходим, – скомандовал майор. – К вечеру мы должны быть на месте.

Спустя полчаса после ухода группы на поляну вышло существо, как две капли воды похожее на первое. Разве что шерсть на теле была погуще да плечи пошире. В своих лапах горный человек тащил полузадушенную серну.

Увидев тело подруги, он рухнул на колени. Отбросив в сторону несчастную серну, каптар медленно провёл лапами по груди самки. Слизнув кровь с ладоней, он вскинул к солнцу косматую голову и завыл, глухо и страшно.

Поднявшись с земли, каптар некоторое время принюхивался, после чего исчез в кустах рододендрона.

Их набралось сто тридцать семь человек: сапёры, автоматчики, миномётчики, снайперы и три связиста. Именно этим солдатам предстояло штурмовать перевал. Дополнительные силы взять было неоткуда.

Капитан вместе с Гусаковым шёл вдоль строя, вглядываясь в лица бойцов. Больше половины из всех солдат ещё ни разу не были в бою. Как поведут они себя? Не растеряются ли? Время покажет...

– Лейтенант Иванов! Это ещё что такое?! – капитан вдруг резко остановился.

– Рядовой Гамзаев! Выйти из строя! – совсем ещё зелёный лейтенант попробовал было произнести команду с той же интонацией, что и капитан, но получилось плохо. Голос дал петуха. Впрочем, не удивительно. Опыта командования у Иванова, считай, что не было. Пехотное училище, в котором он учился, расформировали, а всех курсантов вместе с преподавателями направили на фронт.

Сделав два шага вперёд, из строя вышел Гамзаев. Терехов помнил этого рядового. Кажется, четыре месяца назад тот был призван из Дагестана. У солдата не ладилась работа с дисциплиной, да и отношения с сослуживцами оставляли желать лучшего.

– Рядовой Гамзаев, вы почему небриты?!

– Нэ успэл.

– Привести себя в порядок. Быстро! Не успеете – будете выгребные ямы копать, пока война не кончится. Стать в строй! – капитан гаркнул так, что у стоявшего рядом альпиниста зазвенело в правом ухе.

Гамзаев сжал кулаки, развернулся и, держа спину неестественно прямо, так, словно проглотил шпалу, вернулся на своё место.

Капитан поглядел на лейтенанта, лицо которого пошло красными пятнами, но ничего не сказал. Любой другой солдат на месте дагестанца уже давно бы загремел в штрафбат, но Гамзаева сия доля до сих пор не настигла. Он был лучшим снайпером в полку, а возможно, что и во всей дивизии. Его даже к награде представляли.

Дойдя до середины строя, капитан снова остановился. Отступив несколько шагов назад, так, чтобы его видели и слышали все, он начал говорить:

– Товарищи бойцы! Фашисты рвутся к Чёрному морю. Они пытаются захватить перевалы, чтобы потом обрушиться на наши города: Новороссийск, Сочи и Туапсе. Именно сейчас наступает переломный момент в ходе войны. Враг, потерпевший сокрушительное поражение под Москвой, собирается взять реванш на Кавказе. Мы не должны позволить ему сделать это!

Терехов на мгновение замолчал и тяжело вздохнул, словно ему не хватало воздуха, затем продолжил, но уже более тихим голосом:

– Выступаем через пятнадцать минут. Товарищ Гусаков, – капитан посмотрел на альпиниста, – прибыл из штаба армии. Он инструктор и пойдёт вместе с нами.

Закончив свою речь, капитан кивнул лейтенанту. Минут пять Гусаков инструктировал солдат о том, как правильно вести себя в горах, после чего была дана команда «вольно».

Капитан чуть ли не бегом кинулся к дому, в котором он оставил письмо. Нужно было отправить его жене. И он успел! Отряд уже строился в колонны, когда Терехов вернулся. Поход на перевал начался.

За первые два часа пути их группа почти никого не встретила, лишь один раз между колоннами пронеслась полуторка, обдав людей прогретой на августовском солнце пылью, брызнувшей из-под колёс. Зато потом, как-то сразу, стали попадаться разрозненные группы бойцов, которые смогли уйти через горы от противника. Те, кому чудом удалось прорваться через хребет без дорог и троп, были истощены и оборваны. Многие ранены. Все они направлялись на побережье, где находились сборные пункты для отдыха и последующего переформирования.

Ещё через полчаса им повстречался отряд кавалеристов,двигающийся со стороны перевалов. Впереди ехал комдив – полковник с орденом Красного Знамени на груди. Поводья он держал левой рукой. Правый рукав,

пустой, был аккуратно заправлен за пояс. За комдивом ехали человек сорок бойцов – всё, что осталось от дивизии. Каждый вёл по несколько лошадей – седоки остались на поле боя.

Комдив осадил коня, посмотрел на бойцов, спросил:

– Где же ваша артиллерия?

– А вот она! – кто-то указал на ишаков с миномётными выюками.

– Да-а, – протянул комдив неопределённо.

– Ничего, товарищ полковник, – успокоил его миномётчик, – каждая мина даёт уйму осколков...

Бывалый кавалерист ничего больше не спросил и тронул коня...

Поднявшись по каменистой дороге на высоту примерно пятьсот метров над уровнем моря, отряд остановился на привал. Красноармейцы устали. Помимо личного вооружения и боекомплекта к нему, каждый боец нёс запас патронов в ящиках из цинка или ящик с гранатами, или лотки с минами для миномётов и трёхсуточный запас продовольствия в виде муки и сухарей. Всё это пришлось тащить на себе, поскольку при подготовке к штурму с большим трудом удалось отыскать лишь несколько ишаков и лошадь. На животных навьючили три разобранных миномёта.

Светило жаркое солнце, озаряя поросшие лесом склоны гор. Капитан Терехов поневоле залюбовался видом с террасы, на которой расположился отряд. Внизу играло, переливаясь солнечными бликами, море, вверху блестя ослепительно-белым снежные шапки гор. Воздух был вкусным, как свежее яблоко, полным запахов трав и нагретых камней.

Выпив обжигающе холодной воды из протекающей неподалёку речки, Терехов попросил альпиниста рассказать ему о перевале поподробнее. Лейтенант подобрал валяющийся на земле сучок, присел на корточки и принялся рисовать схему.

– Тропа проходит через седловину. Это и есть перевал. Две тысячи метров над уровнем моря. По обе стороны от неё, здесь и здесь, – лейтенант указал на фланги, – расположены две возвышенности. Совсем небольшие, метров сорок-пятьдесят, не больше. Но с них хорошо видна часть тропы и все те, кто поднимаются по ней.

– А эта вершина, – на земле появился очередной рисунок, – возвышается над центральной седловиной. Она называется «Волчий Клык» и с южной стороны считается неприступной. Если же идти от перевала, то забраться на неё можно.

Капитан слушал лейтенанта с большим интересом. Конечно, пока не ясно, что представляет из себя Гусаков как боец, но, похоже, альпинист он бывалый.

– С Волчьего Клыка можно держать под обстрелом почти весь перевал. Если мы захватим вершину, то получим немалое преимущество, – продолжал говорить лейтенант. – Но там наверняка уже немцы.

Поблагодарив альпиниста за исчерпывающий рассказ, Терехов посмотрел на часы. Время, отведённое на привал, закончилось.

К вечеру они достигли высоты тысячи метров. Уже темнело, и капитан принял решение остановиться на ночлег. За день пути отряд прошёл на несколько километров меньше, чем планировали. Движение группы

сильно замедляло отсутствие горной обуви. Все бойцы и командиры, за исключением Гусакова, были одеты в сапоги.

Среди высшего командования Красной Армии до начала боёв на Кавказе бытовало мнение, что сапоги как армейская обувь универсальны. Однако они оказались крайне неудобны на высокогорном бездорожье. Сапоги скользили не только по подтаявшему снегу и льду, но и по камням. Да и хватало их от силы на две-три недели.

Горная же обувь служила несравненно дольше сапог. Благодаря тому, что ботинки делали из толстой кожи со специальными прокладками в наиболее уязвимых местах стопы, эта обувь спасала ноги от травм, неизбежных при ударах о камни, выступы скал и неровности льда, встречающиеся в горах на каждом шагу.

Поэтому солдаты и офицеры немецких горных и егерских дивизий были обуты в высокогорные подкованные ботинки, одеты в куртки и лыжные брюки, имели ледорубы, «кошки», верёвки и другое альпинистское снаряжение.

Весь следующий день отряд поднимался по тропе, петлявшей меж скал. Люди шли поодиночке, так как всякий неосторожный шаг угрожал пропастью. Животных вели под уздцы.

Появились первые потери. Один из молодых солдат поскользнулся, схватился за попавшийся под руку камень и вместе с ним рухнул вниз. Всё это прошло настолько быстро, что шедшие рядом сразу даже не поняли, что случилось. Был человек – и нет его. Лишь протяжное: «А-а-а» отразилось гулким эхом от равнодушных гор.

Отряд продолжил свой путь.

Когда наступил вечер, егеря преодолели горный гребень на отметке полторы тысячи метров. До перевала оставалось идти всего пару часов, но майор приказал остановиться и занять круговую оборону. Было неизвестно, есть ли впереди русские, поэтому торопиться не следовало.

Развьючили мулов. Разводить костёр для приготовления пищи было нельзя, так что всем пришлось довольствоваться консервами. Несмотря на это, настроение у горных стрелков оставалось боевым. Наступление развивалось успешно, боеприпасов и еды было вдоволь, а что ещё надо солдату?

Разбившись на группы, егеря вели тихие разговоры. Кто-то из швабцев мечтал о том, что после войны вместе с семьёй переедет жить в эти края, куда-нибудь поближе к Чёрному морю. Другой ему возражал, дескать, во Франции лучше.

Обходя лагерь и невольно слушая эти разговоры, майор мысленно улыбался. Он гордился своими солдатами. Его богатырям по плечу была любая задача. Именно поэтому, сколько бы красных ни сидело на перевале, завтра их сбросят оттуда.

Ночь прошла спокойно, но перед рассветом в лагере поднялась суматоха. Выяснилось, что пропал один из разведчиков. Ночью он, наверное по нужде, вышел из палатки, но обратно так и не вернулся. Как только стало

чуть светлее, на его поиски были посланы два отряда по пять человек. Они обследовали местность на километр выше и ниже от стоянки, но тщетно. Разведчик как в воду канул. Ни малейшего следа обнаружить не удалось.

Отто фон Гофман собрал командиров. Нужно было срочно выступать к перевалу. Если разведчика захватили русские, то, возможно, им уже известно, что немецкий отряд численностью сто восемьдесят пять человек, с четырьмя пулемётами, тремя миномётами и двумя горными орудиями движется прямо на них. Следовало поторопиться.

Выслав дозор, егеря начали восхождение. Тренированные солдаты, понимая всю важность их миссии, двигались в ускоренном темпе. И через час шедшие впереди разведчики вплотную приблизились к перевалу. Майор фон Гофман скомандовал остановку.

Теперь можно было немного передохнуть и позавтракать. Но не всем. Шнабелю вместе с двумя егерями майор приказал изучить расположение войск противника. Разумеется, солдаты не пошли по тропе, наверняка простреливаемой русскими, да и зачем? Ведь можно подняться по скалам слева и справа, прямо над головой у неприятеля!

Через полтора часа фельдфебель вернулся. Егерей он оставил наблюдать за красными, а сам доложил майору:

– Их человек семьдесят, не больше. Два пулемёта, один миномёт. Закрепились прямо напротив тропы, держат подъём под прицелом.

– А фланги?

– Две скалы, метров по сорок высотой. Иваны не обращают на них никакого внимания, – фельдфебель ухмыльнулся.

Фон Гофман сразу понял, что так развеселило Шнабеля. Красные не знали гор и совершили ошибку, посчитав, что для того, чтобы контролировать перевал, достаточно перекрыть тропу, идущую через седловину. А ведь одна из главнейших особенностей горного боя состоит в том, что он протекает в трёхмерном измерении. Здесь недостаточны представления о фронте, фланге и тыле. Решающую роль начинает играть то, что происходит над тобой и под тобой.

Шнабель не зря считался лучшим разведчиком в отряде. Кроме всего прочего он нашёл место, где можно было разместить горное орудие так, чтобы своими снарядами оно накрыло стоянку русских.

До самого вечера егеря поднимали в горы части пушки. И это была поистине каторжная работа! В разобранном виде горное орудие тащили на себе семь мулов, теперь же понадобились усилия двадцати опытных альпинистов, чтобы поднять его наверх. Кто-то из солдат даже тихо, чтобы не услышал майор, порадовался тому, что для второго орудия на высокогорной площадке не нашлось места.

На рассвете группы обхода по двадцать человек в каждой выдвинулись к вражеским позициям. Через час они уже находились по обе стороны тропы, на высоте пятьдесят метров над русскими. Для обеспечения огневой поддержки на каждой из скал было установлено по пулемёту MG-42. Это оружие только недавно начало поступать в немецкую армию, но уже успело себя зарекомендовать в боях наилучшим образом.

Советские солдаты внизу на перевале ещё не заметили, что немецкие горные стрелки встали у них с флангов, над головами. Между группами обхода была налажена зрительная связь. Они дисциплинированно ждали начала сигнала.

Глухо бухнуло орудие, и горные стрелки обрушили на позиции красных огненный шквал! Не меньше пятнадцати человек были убиты в первые же секунды боя, остальные заметались в поисках укрытия. Обстрел продолжался минут пять, после чего с перевала донеслось дружное «Ха!» Егеря пошли в атаку.

Русских оставалось человек тридцать, многие из них были ранены, некоторые тяжело, но не дрогнул никто. Их командир, выхватив из кобуры пистолет, бросился вперёд, прямо на наступающих горных стрелков.

Огонь со скал прекратился, немцы боялись попасть по своим. Началась рукопашная. Первым до строя егерей добежал командир. Прострелив голову замахнувшемуся на него прикладом гитлеровцу и выбив рукояткой пистолета зубы другому, он получил пулю в грудь от третьего и медленно осел на камни.

Красные сражались отчаянно. Гранатами, штыками, ножами, зубами, да всем, чем угодно, они пытались достать немцев! Егеря, поначалу не ожидавшие такого напора, дрогнули и отступили на несколько метров, но потом опомнились и навалились на русских. Пленных не брали.

Скоро всё было кончено. Немцы потеряли семерых человек, ещё пятеро были ранены. Один из них, лейтенант Граберт, молодой офицер, удержал за руку наклонившегося к нему майора.

– Герр Гофман, – прошептал он, – я умираю.

– Пустяки, Граберт, – с напускной бодростью ответил майор, – доктор говорит, ты поправишься.

– Да... – лейтенант закрыл глаза. Его лицо побледнело, а губы стали белыми. Через несколько секунд он умер.

Майор отвернулся. Граберт был хорошим, весёлым парнем и перспективным офицером, настоящим берлинцем.

Распорядившись о погребении павших, майор приказал отряду из пятнадцати человек занять высоту, которая возвышалась над центральной седловиной. К вечеру четырнадцатого августа перевал полностью находился под немецким контролем.

Восемнадцатого августа бойцы капитана Терехова вышли к Волчьему Клыку. Они остановились на площадке с разбросанными по ней огромными камнями. Под нависшими краями этих глыб можно было укрыться от дождя или пуль. Гусаков предложил сделать это место опорной базой для группы. Здесь сложили боеприпасы и продукты.

Волчий Клык возвышался метрах в ста впереди. Тропа, ведущая к перевалу, обходила скалу слева. На разведку пошли Терехов вместе с Гусаковым. Конечно, это было не очень разумное решение, случись что – и отряд останется без опытных командиров. Тем не менее, капитан хотел лично оценить обстановку.

Они не знали, есть ли на горе фашисты, поэтому двигались медленно, стараясь прятаться за скалами. Минут через десять впереди послышалась чужая речь. На мгновение Терехов выглянул из-за камня и тут же отдернул голову. Но всё-таки он успел заметить, что чуть выше и левее тропы было оборудовано пулемётное гнездо. Вероятно, тут располагался передовой пост охранения гитлеровцев.

Можно было попробовать забросать их гранатами, но дистанция для броска показалась капитану далековатой. Не успеешь размахнуться, как тебя срежет пулемётная очередь. Да и не стоило раскрывать себя раньше времени.

Капитан приказал альпинисту забраться повыше и изучить расположение гитлеровцев. Гусаков снял висевшую за плечом снайперскую винтовку и принялся карабкаться вверх.

Сегодняшний день выдался нестерпимо жарким, даже и не скажешь, что ночью температура падала до плюс пяти градусов и бойцы в своей летней форме тряслись от холода. Ожидая возвращения лейтенанта, капитан обратил внимание на то, что облака постепенно меняют свой цвет. Похоже, приближалась гроза.

Минут через двадцать альпинист вернулся. Утерев пот со лба, он принялся докладывать:

– С нашей стороны проход на перевал прикрыт пулемётным гнездом и миномётом. Высота Волчий Клык занята противником. В седловине тоже немцы. Не менее ста человек.

«Коротко и по существу. Молодец», – отметил про себя капитан, а вслух сказал: – Спасибо вам, товарищ лейтенант. Как вы думаете, что нужно сделать, чтобы взять перевал?

– Захватить Волчий Клык, – тут же ответил Гусаков. – Немцы хорошо укрепили седловину, так что сразу лобовой атакой их не выбить. Тем более, когда нам с высоты будут стрелять в спину.

– Ясно, – капитан глубоко задумался. – Недавно вы говорили, что с южной стороны на эту вершину ещё никто не поднимался. Это невозможно?

Теперь настала очередь задуматься лейтенанту. Он понял, к чему клонит капитан.

– Я попробую, – тихо сказал он.

– Но один вы ничего не сможете сделать, – резонно заметил Терехов. – На гору должны подняться бойцы. По крайней мере, человек десять.

– У них нет необходимого опыта, – осторожно ответил лейтенант. – А из снаряжения только одни верёвки.

– Разберёмся, – капитан отмёл все возражения. – Штурмовать будем сегодня, когда начнётся гроза. Тогда появится шанс добраться до вершины незамеченными.

По-прежнему пригибаясь и скрываясь за камнями, они вернулись на базу. Ни лейтенант, ни капитан не заметили лежавшего меж скал каптара. Распластавшись на камнях и почти слившись с поверхностью, горный человек проводил их внимательным взглядом жёлтых глаз.

В лагере, собрав бойцов, капитан честно предупредил о том, что им предстоит сделать, после чего спросил добровольцев. Вызвалось сорок два человека, затем с каждым переговорил Гусаков, пытаясь выяснить степень их подготовки. Таким образом, он отобрал двенадцать солдат. Им предстояло захватить вершину.

Ничто не должно было выдать отряд. Поэтому с каждого бойца взяли слово – если вдруг кто оступится и упадёт, то падать и умирать станет молча. Пусть немцы думают, что это обычный камнепад. Штурмовую группу возглавил Гусаков.

В одиннадцать вечера, когда на землю упали первые капли дождя, они начали восхождение. К скале подошёл и плотно к ней прижался рослый и могучий Горгидзе, солдат, до войны успевший закончить институт физкультуры. К нему на плечи забрался Гамзаев, также плотно прижавшись к камню. Гусаков, оказавшийся в этой пирамиде следующим, умудрился-таки дотянуться до скального карниза своими цепкими руками. Там он зафиксировал в трещине альпеншток, закрепил на нём верёвку, обернул ею плотный каменный выступ и сбросил вниз.

Над горами разразилась гроза невиданной силы. Раскаты грома были оглушительными, по мощи с ними бы не сравнилась ни одна бомбардировка. Каждый громовой удар заставлял скалу вздрагивать.

Стояла кромешная тьма, лишь изредка прорезаемая вспышками молний. Гусаков лез первым, руками и ногами нащупывая уступы, на которые можно было опереться. Ботинки скользили на мокрых скалах. Во время одной из вспышек молнии Гусаков заметил, что чуть ниже карабкавшийся солдат исчез, но крика не услышал никто. Боец упал в пропасть молча.

Самого себя Гусаков видеть не мог, но на товарищей было страшно смотреть: волосы на голове, брови и усы светились. Штыки тоже мерцали и гудели, как какие-то электромузыкальные приборы. Требовалось нечеловеческое напряжение, чтобы метр за метром продвигаться вперёд.

Почти у самой вершины ударила молния, да такая, что все на секунду ослепли. Двоих бойцов сожгло на месте. Несмотря ни на что, отряд продолжал восхождение.

У Гусакова дрожали руки, а разбитые пальцы сочились кровью. Из последних сил он подтянулся и перевалил через гребень. Волчий Клык был покорён! Сняв винтовку, альпинист упал на спину и некоторое время лежал не двигаясь, подставив лицо каплям дождя.

– Товарищ лэтэнат. Мы готовы, – над ним склонился Гамзаев.

– Сколько, – лейтенант неожиданно закашлялся, – сколько вас осталось?

– Дэвать.

«Дошли-таки! – подумал альпинист. – Мы сделали это!».

– Отдыхаем. Пять минут, – скомандовал он.

Насквозь промокшие люди сбились в кучу, пытаясь согреться. Хорошо ещё, что на вершине не было немцев! Видимо, фашисты спустились чуть ниже в поисках укрытия от непогоды.

Дождь немного поутих, и лейтенант взглянул на часы.

– Пора.

С вершины по северному склону прямо к позициям немцев вела узкая тропа. По ней гуськом начали спускаться бойцы штурмовой группы. Первым, сжимая в руках трофейный немецкий нож, шёл Гусаков, за ним аккуратно ступал дагестанец. Гамзаеву каким-то чудом удалось сохранить кинжал, подаренный ему дедом перед самой войной, и вот теперь, похоже, для клинка нашлась работа.

Спустя несколько минут тропа вывела их на небольшую террасу. Здесь гитлеровцы установили горное орудие, рядом с ним, под брезентовым навесом на ящиках с боеприпасами спали два немца. Третий, часовой, стоял спиной к красноармейцам и смотрел в сторону немецких позиций. Очевидно, фашисты не предполагали, что на них нападут с вершины.

Не говоря ни слова, лейтенант указал на часового и провёл рукой по горлу. Гамзаев также молча кивнул и бросился на немца, словно горный барс на свою добычу. Сам же Гусаков в два прыжка преодолел расстояние, отделяющее его от спящих, и вонзил нож в грудь одному из них. Второй открыл глаза, но спросонья так ничего и не понял. Немец успел лишь схватиться за автомат, как кулак Горгидзе обрушился ему на голову. Фашист потерял сознание.

Со стороны часового донеслось сдавленное хрипение. Потом что-то забулькало. Похоже, Гамзаев тоже справился со своей задачей.

– Пленного связать, – приказал лейтенант одному из бойцов. – Остаешься здесь. Будешь его охранять.

Штурмовая группа продолжила свой путь вниз. На следующей площадке стоял пулемёт и были оборудованы позиции для снайперов. Но и тут немцев удалось застать врасплох. Однако здесь их было пятеро, поэтому рукопашная схватка вышла достаточно серьёзной. Одному из красноармейцев сломали руку.

К тому времени, как вершины гор озарили первые лучи восходящего солнца, бойцы лейтенанта Гусакова полностью очистили Волчий Клык от немцев. Красноармейцы заняли три удобные позиции, с которых седловина была видна как на ладони. К сожалению, на Волчий Клык взойшло всего два снайпера. Впрочем, скоро должно было подойти подкрепление.

Лейтенант снова взглянул на часы. Близилось время атаки. Сняв винтовку, он лёг на землю и прикинул к оптическому прицелу.

Десятью метрами ниже то же самое проделал Рагим Гамзаев. Дагестанец начал выцеливать миномётный расчёт, прикрывающий тропу, ведущую от подножия Волчьего Клыка к позициям егерей. Солдат затаил дыхание. Впервые немцев, а точнее их эмиссаров, он увидел полгода назад, когда никто ещё не думал, что война дойдёт до Кавказа.

Поздней ночью в село пришли двое. Высокий, худощавый мужчина и немолодой уже человек, прихрамывающий на левую ногу. Они остановились в доме уважаемого Асламбека и о чём-то долго беседовали со старейшинами. Утром же гости ушли. То ли спустились на равнину, то ли через высокогорные тропы перебрались в Чечню.

Только потом Рагим узнал, чего хотели гости.

– Аллах над нами, Гитлер с нами, – говорили они. – Скоро на эту землю придут немецкие войска, неся освобождение вашему народу. Поддержите их в священной борьбе против русских. Давайте вместе выступим против неверных!

Они говорили много чего ещё. И слушая об имамате, простирающемся от Чёрного и до Каспийского моря, у многих горцев загорались глаза и распрямлялись плечи. Наконец гости замолчали. Они ждали решения старейшин.

Говорить стал Асламбек. Самый старый и мудрый человек в их деревне. Он ещё помнил имама Шамиля, которого видел один раз в детстве. Асламбек Гамзаев уже почти ослеп и с трудом ходил, но не утратил ясности и остроты мысли.

– Зачем вы собираетесь идти на наши горы? – хрипло спросил он. – Что вам нужно от нас? Чёрная кровь земли? Почему мы должны поверить, что вы будете лучше русских?

Гости ответили. Но неубедительны были их речи.

– Аллах над нами, но не с вами, – прошептал Рагим и нажал на курок. В прицеле было видно, как голова миномётчика расплескалась кровавыми брызгами. В ту же секунду Волчий Клык озарился вспышками выстрелов, а снизу донеслось громовое «Ура»! Начался штурм седловины.

Через час на гору поднялся сам капитан. Немцев оттеснили к высотам у перевала, а подножие Волчьего Клыка прочно заняли наши войска. Помимо капитана на гору поднялось ещё пятнадцать человек, среди них были снайперы и артиллеристы. Они принесли запасы воды и два миномёта.

Капитан лично пожал руку каждому из боевой группы и пообещал всех представить к награде. Во время боя внизу его слегка контузило, но он, не обращая на это внимания, разглядывал в бинокль позиции немцев. Оттуда постреливали, но нечасто. Снайперы, бьющие с Волчьего Клыка, сильно мешали фашистам.

Осмотрев позиции, капитан отправился допросить пленного. Немец вначале пытался молчать, но после того как его припугнули, выложил всё, что знает. Таким образом выяснилось, что у егерей превосходство в людях и в артиллерии. Впрочем, сейчас, после захвата «Клыка» и горного орудия, силы почти сравнялись.

– Товарищ капитан, разрешите доложить, – к капитану подошёл артиллерист.

– Докладывайте.

– Батарей готова к бою.

Начался второй этап битвы за перевал. С Волчьего Клыка на позиции немцев обрушился град мин и снарядов. Обстрел длился десять минут, в это же время по седловине продвигался отряд из сорока пяти человек.

В бинокль Терехов наблюдал за сражением, завязавшимся на правом фланге противника. Немцы бились отчаянно, забрасывали наступающих гранатами и пытались организовать контратаки. В какой-то момент казалось, что они скинут бойцов с вершины. Пришлось послать на подмогу десять человек из резерва.

К вечеру девятнадцатого августа высота на правом фланге была взята. Для организации обороны Терехов направил туда Гусакова, сам же капитан остался на Волчьем Клыке. На следующий день немцы дважды пытались контратаковать. Обе атаки были отбиты.

На перевале сложилась непростая ситуация. Штурмовая группа заняла выгодные позиции, но, будучи сильно обескровленной, не могла наступать дальше. С другой стороны, егеря тоже понесли серьёзные потери и, судя по всему, не решались организовать мощную контратаку. В результате по тропе через перевал не могли пройти ни наши, ни гитлеровцы. Два дня прошли в вялых перестрелках. Ни одна из сторон не предпринимала активных действий. А двадцать третьего августа к гитлеровцам подошло подкрепление.

Началось всё с воздушного налёта. Три немецких самолёта, словно хищные птицы, стали кружить над Волчьим Клыком, поливая его огнём из пулемётов. Как только на склоны упали первые бомбы, немцы на правом фланге перешли в атаку. К гитлеровцам подошло до двух рот пехоты, и они воспряли духом.

Хищно оскалясь, Рагим Гамзаев смотрел в прицел, вылавливая фигурки в лыжных куртках. Не обращая внимания на близкие разрывы бомб, он успел выстрелить трижды и ни разу не промахнулся!

В прицел попала фигура в офицерской форме. Дагестанец плавно нажал на курок... взрыв! Град каменного крошева и стальных осколков осыпал позицию снайпера. Измазанная в крови винтовка, выбитая из рук взрывной волной, покатила вниз по камням.

На правом фланге гитлеровцы взяли высоту в плотное кольцо. Даже подкрепление, посланное с Волчьего Клыка, не смогло переломить ситуацию. Фашисты трижды подходили к самой вершине и трижды откатывались назад. Когда убили пулемётчика, за пулемёт, положив рядом с собой гранату, лёг лейтенант Гусаков. Он был тяжело ранен, но продолжал стрелять. Несколько раз терял сознание, но каким-то чудом выныривал из чёрной бездны и снова поливал огнём наступающих фашистов. В какой-то момент пулемёт сухо щёлкнул и замолчал. Кончились патроны.

Из последних сил альпинист дотянулся до гранаты и положил её себе под живот, после чего опять потерял сознание. Очнулся от чувствительного пинка в бок. Мордатый гитлеровец перевернул его на спину.

– Рус?

– Это... наши... горы, – прошептал лейтенант.

Взрывом гранаты убило двух гитлеровцев, ещё одного серьёзно посекло осколками. Из защитников высоты в живых не осталось никого.

К вечеру немцы восстановили контроль над обеими возвышенностями, с которых простреливалась тропа, ведущая к перевалу. От советской штурмовой группы осталось двадцать три человека. В окровавленной, оборванной форме, все они собрались на Волчьем Клыке.

– Т-товарищи! С-скоро должно п-подойти п-подкрепление, – то ли от контузии, то ли от нервного напряжения, у капитана дёргалось левое веко и он сильно заикался. – Н-надо д-держаться. Если м-мы отступим с г-горы, то н-немцы смогут дойти до Н-новороссийска.

Терехов посмотрел на хмурые, обветренные лица солдат. Мальчишки восемнадцати лет от роду больше ничем не напоминали тех робких птенцов, которых он увидел при первой встрече. Сейчас они глядели на него прямо и строго. Такие не отступят.

– Товарищ капитан, мы не пропустим фашистов, – сказал кто-то, – сколько бы гитлеровцев сюда ни лезло. Пока мы живы, дальше они не пройдут.

Капитан только кивнул. Отвечать на эти слова было не нужно.

На ночь выставили усиленный караул у подножия и одного человека на вершине. Остальные бойцы, утомившись за день, тут же забылись тяжёлым сном. Луна медленно перемещалась по небосводу, освещая уснувшие горы. Всё вокруг затихло и успокоилось.

Терехов заснуть не смог. И дело было не во вспышках боли, пронзающих левую руку. Его снедала неясная тревога. Не страх перед завтрашним боем, нет, тут было что-то другое. С трудом поднявшись, капитан медленно пошёл вниз по тропе, проверяя караулы. Он очень долго стоял у подножия Волчьего Клыка, напряжённо всматриваясь в немецкие позиции. Ничего. Ни единого шевеления.

Холодало. Терехов поёжился и пошёл обратно. Через десять минут он поднялся к вершине. Часового нигде видно не было. Заснул или что? Капитан потянулся к кобуре, но вытащить пистолет не успел. Сзади на голову обрушился сильнейший удар и в глазах помутнело.

Очнулся он со связанными руками. Рот был заткнут какой-то тряпкой. Капитана посадили на землю спиной к скале, а рядом с ним на корточках присел немец в форме фельдфебеля. Неподалёку стояли три автоматчика.

«Поднялись-таки гады с южной стороны! – с горечью подумал капитан. – Они же сейчас половину отряда вырежут. Если не всех...».

– Я снимать пофязка. Ты говорить. Не кричать, – приказал фельдфебель.

Капитан истово закивал головой. Сволочь, только бы вытащил кляп, а там видно будет!

Ничего не получилось. Как только капитан открыл рот, немец ударил его под дых, да так ловко, что Терехов захлебнулся в кашле, а на глазах навернулись слёзы.

– Не кричать, – повторил егерь.

– С-сука, – прохрипел капитан.

– Говорить. Сколько фас?

За спиной автоматчиков возникло какое-то движение. Неведомая сила подхватила двоих немцев и столкнула их лбами, после чего, отбросив тела, чёрная тень навалилась на третьего. Раздался тихий всхлип, затем хрустнули кости.

Надо отдать фельдфебелю должное, реакция у него оказалась отменная. Выхватив нож, он бросился на помощь своим солдатам. Немец не стал стрелять, видимо, не хотел поднимать тревогу. Впрочем, далеко отбежать он не смог. Терехов зацепил егеря ногой за лодыжку, и фашист растянулся на земле.

Из темноты вышло нечто. Волосатое, ростом под два метра, сильно сутулящееся существо, чем-то напоминало пещерного человека. Такого, как рисуют в школьном учебнике биологии. Сильно похожего на обезьяну.

До войны Терехов пару раз бывал в зоопарке и видел там орангутанга. Вот только разве бывают обезьяны двухметрового роста? И водятся ли они на высоте две тысячи метров?

Между тем фельдфебель поднимался с земли, потирая ушибленный локоть. И тут пещерный человек прыгнул. Настолько стремительно, что Терехов успел уловить лишь какое-то смазанное движение. Зато результат прыжка был налицо. Своей кровью немец забрызгал камни на метр вокруг. Несколько капель даже долетели до капитана.

Обезьяна подобралась к Терехову вплотную. И как же от неё воняло! Она наклонилась так близко, что её морда оказалась на одном уровне с лицом капитана. Встретившись с этим существом взглядом, командир штурмовой группы зажмурился. В жёлтых глазах было нечто странное, ни в коем случае не звериное. Человеческое.

Терехова толкнули в плечо. Не сильно, но достаточно, чтобы капитан повалился набок.

«Конец, – обречённо подумал он, – как глупо».

Капитан почувствовал, как что-то коснулось его пальцев. Мгновением позже верёвки были разорваны.

Несколько минут Терехов пролежал на земле, даже не пытаясь пошевелиться. У него просто не находилось на это сил, но наконец он открыл глаза. На площадке никого не было.

Эпилог

Десятого сентября 1942 года командующий пятым армейским корпусом генерал Ветцель доложил о взятии Новороссийска. Большая часть западного района города и его порт оказались под контролем вермахта, но развить свой успех и продолжить наступление на юго-восток по Туапсинскому шоссе вдоль моря немцам не дали.

С двенадцатого по двадцать четвёртое сентября полки германской 73-й пехотной дивизии пытались пробиться к прибрежной дороге. За каждый дом, за каждую каменоломню, за каждое здание с переменным успехом шли ожесточённые бои. Дым пожаров поднимался над портом и городом. Разрывы снарядов, треск пулемётов и автоматов сливались в сплошной гул, который катился от улицы к улице.

Наступающие части вермахта наткнулись на корпуса цементного завода «Пролетарий». Здесь бои вспыхнули с новой силой. На каждой площадке вскипали рукопашные схватки, отдельные цеха по несколько раз переходили из рук в руки. Потом жаркие стычки переместились в недостроенное до войны здание театра, которое находилось на пути от завода «Пролетарий» к заводу «Октябрь». Разрывы снарядов и мин кромали серый бетон, на стенах то и дело возникали оспины от пуль. Здесь стояли насмерть 305-й, 14-й батальоны морской пехоты и подразделения 83-й морской стрелковой бригады. Они окончательно остановили врага, удержав завод «Октябрь».

Советские соединения закрепились на восточном берегу Цемесской бухты и закрыли немцам вход на прибрежную дорогу. Фронт остановился.

г. Ростов-на-Дону.

Лидия РОЗИН

Немых отцов немые дети

Цикл стихов

Трансплантация души-1

Нас много здесь. И каждый невменяем.
Здесь слёзы, и растерянность, и боль.
Мы навсегда сегодня уезжаем.
Сейчас пройдём таможенный контроль.

В неведомое мы идём спонтанно,
Полжизни оставляя позади.
Вперёд уже поплыли чемоданы.
Осталось только камеру пройти.

Шагнула смело (никогда не трушу).
Но вдруг включился на табло сигнал.
Таможенник мою большую душу
Согласно предписанию изъял.

Так будет безопаснее в полёте —
Он вежливо мне это объяснил
(Он только выполнял свою работу)
И мне на душу бирку прицепил.

Чтоб не сгорел от перенапряженья
В полёте лайнер. И на всякий случай.
А души наши после приземленья,
Как чемоданы, мы опять получим.

Спокойно очень поднялась по трапу,
Легко махнула прошлому рукой.
За нами наши души по этапу
Последовали в мир совсем другой.

Трансплантация души-2

Не жалею, не зову, не плачу...

С. Есенин

И новый мир своим великолепьем
Сперва меня немного ослепил.
Воспользовавшись тем, что я ослепла,
Мне мою душу кто-то подменил.

Я растерялась (кажется, впервые).
Как жить мне дальше? И с чего начать?
Германия... Она вам не Россия,
Чтобы её умом не понимать.

Не плачу, не грущу и не влюбляюсь.
 Я в силу обстоятельств — эгоистка.
 Где плакать надо, там я улыбаюсь,
 Иду вперёд, не замечая риска.

С душой другой, что по ошибке дали
 Мне по талону в аэропорту,
 Неинтересно было мне вначале,
 Я думала, что я свою найду.

Моя душа всегда сердила разум,
 С ним спорила до умопомраченья.
 А с этой мы не ссорились ни разу,
 Я изменилась с ней на удивленье.

Весёлой стала я и терпеливой,
 А раньше было всё совсем иначе.
 В чужой стране почувствовать счастливой
 Себя — довольно редкая удача.

Стал близок и понятен Vaterland,
 Так хорошо, что неприлично даже.
 С чужой душой пойду я в Seelenamt
 И там поставлю Antrag на пропажу.

Моя судьба меня не беспокоит —
 Отличная душа досталась мне.
 Но кто-то, может быть, с моею — тою —
 Мечтать о счастье может лишь во сне.

Спасти кого-то от беды желаю?
 Я думаю о ком-то и болею?
 Послушайте, ведь я опять живая
 И ни о чём, что было, не жалею.
 1996

Метаморфозы

Нам много лет, но мы опять младенцы —
 Мы не умеем даже говорить.
 Нас принимают, кормят, учат жить,
 И называют нас — переселенцы.
 Смешные мы: в стране совсем чужой нам
 Находим то, что не теряли даже,
 А наши души — главную пропажу —
 Оставили мы где-то на таможне.
 (Где нет души, там не болит душа).

Действительно, здесь жизнь так хороша!
И надо жить! Ведь здесь всё это можно.
И хоть ещё не появились крылья,
Но уже мы ползать разучились.
Не гусеницы и не мотыльки,
А только, только, только... ку-кол-ки.
Младенцы мы опять, и наше тело
Ещё надёжно охраняет кокон.
Мы смотрим удивлённо и несмело
На непривычный мир из наших окон.
Как хорошо, что мы не шелкопряды —
Не будем бесконечной нитью виться.
Нам нет цены, и мы должны быть рады,
Что нам позволят заново родиться.
Окрепнув, крылья кокон разломают,
Когда наступит долгожданный срок.

Но что нас в этом мире ожидает?
Что будет с нами? Хуже или лучше?
Пока не знаем, но на всякий случай
Большим терпением запасёмся впрок.
1994

Российские немцы

Немых отцов немые дети,
Родившись где-нибудь в Сибири,
Умеем лучше всех на свете
Молчать и жить со всеми в мире.

Да, мы приучены молчать
И делать всё, как нам велели...
А Родину мы звали Мать —
Ту, что мы помним с колыбели.

Но вот огромная страна
Вдруг раскололась, словно льдина,
И, трещинами став, морщины
Порвали мир на острова.

И стало много новых стран,
И президентов стало много.
Пришли сомненья и обман,
И люди обратились к Богу...

Но только Бог их не услышал
(Связь с Богом через много лет
Надёжно так из строя вышла).
И Он не мог им дать совет.

Тогда потерянный народ
Свой робкий голос откупорил,
И, как всегда, ни с кем не споря,
Собрался и ушёл вперёд

На Фатерланд, что там вдали
Манил роскошными огнями.
Куда идём, не знаем сами,
Но вот мы, кажется, пришли.

Теперь мы здесь, и мир иной
Свои объятья нам раскрыл.
Мы, наконец, пришли домой,
Но мы уже лишились сил.

Примите нас, какие есть мы.
У нас багаж противоречий:
Да, мы поём по-русски песни
И пользуемся русской речью.

Но если вам мешает что-то
Понять, что всё же немцы мы
(И это доказать должны),
Вы предложите нам... работу.
1994

Мы все сейчас приравнены к убогим

Мы все сейчас приравнены к убогим.
Растерянно стоим мы за чертой.
Себе мы сами выбрали дорогу,
Уверены, что мы идём домой.

Мы на витке невидимой спирали
Идём ещё неведомо куда...
Что наши предки исстари искали,
Свои оставив тёплые дома?

...Холодные осваивали глуши,
Несли свою культуру в мир иной...
И в перелётных птиц вселяли души,
И улетали на зиму домой.

Да, жил народ и землю украшал.
На ледниках выращивал цветы.
Два века жил от родины вдали
И много незаслуженно страдал.

Все мы равны. У нас особый статус —
Мы только аузидлеры сейчас.
И вновь судьба испытывает нас,
И мы не знаем, в чём мы виноваты.

Растерянно стоим мы за чертой,
Что нашу жизнь на части поделила.
Да, предки наши дорогой ценой
Судьбе потомков откуп заплатили.

Мы, возвратившись на круги своя,
Чего-то в жизни недопонимая,
На небо смотрим, грусти не тая,
Когда на север птицы улетают.

Я/мы

Я — немка, настоящая, не веришь?
Из поздних я, с параграфом четыре (!)
(Параграф мне присвоили теперь лишь,
Как знак того, что родилась в Сибири,
И папа с мамой — оба были немцы).
В Германии живу я третий год.
Хронические мы переселенцы,
Потерянный, растерянный народ.

Мы не бродяги, мы — переселенцы,
И мы, куда судьба ни заведёт,
Не забываем, что мы всё же — немцы:
Мы строим дом и садим огород.
Потом всё оставляем и... уходим.
И мамы плачут, а отцы молчат...
И овощи поспеют в огороде.
Но не вернёмся мы уже назад.

... На новом месте строим новый дом
И молодой закладываем сад.
Мы в этом доме долго проживём
(Конечно, если только разрешат).
С большим трудом наш обустроен быт:
Тепло, уютно, на окне герань,
И всё вокруг цветёт, куда ни глянь,
И мама по-немецки говорит...

Всё, стоп! Теперь идёт черта.
Воздушный мост. Уже мы за чертой.
Германия, прекрасная страна,
Позволила вернуться нам домой.
Теперь мы дома, можно отдохнуть,
Живём мы в удивительной стране.
... А папа с мамой в свой последний путь
Ушли от нас. Совсем. В небытие.

В пути на запад

Поддень. Лето. На мгновенье
Жизнь приостановилась.
Вдруг к ногам прижалась тень и...
Под подошвой притаилась.
Как её заставить встать и
Трудный наш продолжить путь,
Если лаской лень некстати
Клонит на часок уснуть?
«Что ж ты, милая, зеваешь,
Утром резвой ты была, —
К грустной тени обращаюсь, —
Впереди ты бодро шла,
А теперь к ногам прижалась...
Как же мне тебя поднять?
Нам полдня всего осталось
До заката отшагать.
После полудня дорога
Кажется всегда трудней.
Поднимайся, ради Бога,
Спрячься за спиной моей.

Я тебя от ветра скрою,
Мы с тобой вдвоём дойдём.
Видишь, там, под той горою,
Дивный сад стоит и дом.
Может, счастье улыбнётся —
Мы прекрасно отдохнём
У прохладного колодца.
Ты поверь мне, Бога ради,
Там нас ждут. Приют там наш».

Держим путь на запад. Сзади
Тень послушная плетётся.
А вперёд — влечёт Мираж.

Есть страна, где живые хрустальные сказки

Безразмерная осень от позднего лета
Загостилась в природе до ранней весны.
Скучный дождь скрупулёзно смывает приметы
И скучные следы календарной зимы.
Здесь зимы не бывает в известном нам смысле,
И опять Рождество я без снега встречаю.
Убегают в недавнее прошлое мысли,
И зима в моей памяти вдруг оживает.
Есть страна, где живые хрустальные сказки,
Снег скрипит под ногами, сосульки звенят.
Хорошенько смешав всевозможные краски,
Получает зима свой роскошный наряд.
Зимний день, кратковременным солнцем залитый,
Засверкает в своём бесподобном наряде.
Белый цвет рассыпается чудо-палитрой
На великое множество маленьких радуг.
В середине Европы, в своей тёплой квартире,
Я, когда Рождество или ночь новогодняя,
Вспоминаю картины далёкой Сибири,
Их болезненно мне не хватает сегодня.
Если в будни заполнена жизнь суетою
И обыденный мир серой краской окрашен,

В новогоднюю ночь оживает святое,
Сокровенное чувство из памяти нашей.
Знаю точно я цену тяжёлому вздоху,
Если в праздник нечаянно кто-то взгрустнёт
По далёкой стране, той, где было нам плохо.
Кто не жил там, тот этого и не поймёт.

Выбор

Для чего это нужно: зачеркнуть всё, что было,
В незнакомую даль неизвестной дорогой
На рассвете уйти? До свиданья, мой милый,
Не судите, прошу вас, меня очень строго.

Я осталась бы с вами, если б Вы попытались
Разделить или просто уменьшить невзгоды.
И ещё, если б так безрассудно не мчались
И не старили нас быстроногие годы.
Встречи с вами служить будут мне украшением —
В ларчик памяти их помещу до поры я.
Но покой поделю я на скорость старенья, —
И покину пристанище, словно впервые.

Сколько было начал, всех не вспомнить, пожалуй.
Но я выбрала путь и опять, слава Богу,
Выйду наперекор безысходности вялой
В незнакомую даль неизвестной дорогой.

Впервые здесь

Волшебный парусник с названьем кратким «Сон»
Спокойно к пристани «Рассвет» причалил.
Ещё был город в сказку погружён,
И сонные будильники молчали...
В каком-то из обиденных начал —
В один из понедельников, под утро,
Никто меня у трапа не встречал,
Меня на свете не было как будто...
Всё незнакомо. Я впервые здесь.
Как будто я попала в Никуда...
И я совсем забыла, кто я есть,
А может, и не знала никогда...

В Германии

Здесь всё не так: погода не такая,
Дома другие, запахи не те.
Собак я здесь бродячих не встречаю,
Да и цепные не встречались мне.

Собакам здесь привольно и уютно,
Собаки здесь имеют все хозяев.
А кто без них, того определяют
В собачьи, специальные приюты.

Открыты здесь собачьи рестораны,
Для них есть парикмахерские тут,
Собаки здесь в домах с людьми живут;
И на прогулку утром рано-рано
Своих хозяев заспанных ведут.

Живу я в этом мире незнакомом.
Здесь всё не так, всё-всё тут по-другому...
А в прошлой жизни я была, однако,
Обычная советская собака.

Привязана и преданна была,
Имела будку, выла на луну.
Обычную, собачью жизнь вела,
А вот теперь, что делать, не пойму.

Увы, собачья такова природа:
Когда собака сорвалась с цепи
И первую почувствует свободу,
она не ведает, куда идти...

1994

Эхо

Я замерла, переступив порог
Знакомого когда-то коридора...
Пугает помещение пустое:
Зияет в даль разбитое окно,
Во лбу стены ещё торчит крючок,
Как будто знак вопроса, на который
На бледном фоне выцветших обоев
Повесилось овальное пятно —
След зеркала, в котором отражались
Все те, кто сей порог переступали,
И, уходя, в него бросали взгляд.
Я тоже в это зеркало смотрелась...
Но вот теперь по свету разметались
Те, кто хозяйку дома навещали.
Ушли друзья и никогда назад
Уже потом сюда не возвращались.
... Когда хозяйки старенькой не стало,
Здесь поселилась тихая печаль,
Ушли отсюда радость и тепло,
И музыка здесь больше не звучала...
Из дома люди вынося рояль,
Задели зеркало, и зеркало упало
(Венецианское добротное стекло!).
Какая жалость! Что за невезенье —
Разбились насмерть наши отраженья...
Ещё во лбу стены торчит вопрос,
Но этот дом приговорён „под снос“.
Как хорошо, что я смогла приехать
И проводить стихающее эхо.

Было – не было... Была не была!

Когда-то, где-то, как-то я жила.
Была семья, была работа, вечно
У дел каких-то я в плену была,
Казалось, это время бесконечно.

Крутилась словно белка в колесе,
Я уставала, но безрезультатно.
Привычные шаблоны и клише
Меня уничтожали аккуратно.

Потом пришёл Великий Перелом —
Разрушились привычные устои,
Всё полетело к чёрту кувырком,
Идеи ничего уже не стоят.

Была семья — и нет уже семьи.
На месте дома — дым и пепелище.
Друзья перемешались и враги —
Все стали вдруг свободными и нищими.

Страна распалась в считанные дни;
Большое рушить — по большому счёту!
Крушить — не строить! Всё огнём гори!
Всё смеют жернова переворота!

Когда-то, где-то, как-то я жила —
Что было, всё в дыму или тумане.
Ещё один мне шанс судьба дала
И, я предполагаю, не обманет.

Я этот шанс, конечно же, приму
(Душа привыкла к жизни перекатной) —
Поеду жить в далёкую страну,
Туда, где жил прапрадед мой когда-то.

Что будет — будь! Где наша не была!
Не пропаду, я в это твёрдо верю.
С собою я богатство привезла —
Мои невосполнимые потери.

Мои потери — это капитал
(Уже терять мне ничего не надо).
Для жизни наконец черёд настал.
Я начинаю. Где мои преграды?

Сияющий остров

Наверное, возраст: ночами не спится.
И память со мной вытворяет такое —
Всплывают давно позабытые лица,
Приходят незвано и спорят со мною.

И я защищаюсь от их обвинений,
Хочу объяснить им, чтоб не обижались,
Что в храм моих песен и стихотворений
Они неслучайно напрасно стучались —
Он просто закрытым был для посещений.

Я спрятала храм этот хрупкий и нежный
И отгородила забором высоким
От глаз посторонних, и чтоб ненароком
Обыденной грубостью ветер-невежа
Разбить не посмел витражи его окон.

Но жизнь очень часто меня уводила
То в горы, то в лес или даже в пустыни,
А я, возвратившись домой, находила
В том мире моём только храма руины —
Осколками песен стонала могила...

Я горсть этих песен в платок завязала,
Ушла от развалин, хоть было не просто.
Я взрослой и умной вернулась с погоста
И детству рукой помахала с вокзала,
И память укрыла сияющий остров...

Потом была жизнь. В ускоренном ритме
Дежурные времена года бежали.
Всё было, всё было, и всё позабыть мне
Хотелось, но всплески последних событий
Мне карты мои все вдруг перемешали...

А тот узелок, что с собой прихватила
(Он всё-таки мне наконец пригодился),
Его я сегодня, волнуясь, раскрыла:
Мир вдруг засиял, засверкал, засветился;
И песни звучали с особенной силой.

Теперь приходите, я буду вам рада.
Мне словом приятно делиться с друзьями,
И пусть всё не так здесь, как было когда-то,
В построенном детскими грёзами храме...
Но... двери открыты! Мне нечего прятать.

Я жду вас, я жду вас, я жду вас, ребята!

Германия.

«За днями тороплюсь летящими...»

Он спешил жить.

А жить для него – прежде всего писать. Писать самому. Помогать другим овладевать словом. Словом точным, осмысленным, образным.

Когда-то, лет 15 назад, я вошла в кабинет главного редактора газеты «Столичный проспект» и журнала «Нива» со своей первой тетрадкой стихов. Владимир Романович Гундарев обратил моё внимание на рифму в созвучии слов из поэмы «Полтава»:

Швед, русский колет, рубит, режет..

Бой барабанный! Крики! Скрежет!

У Пушкина в «Полтаве» глагол рифмуется с именем существительным. У Гундарева – причастие – с наречием, краткое имя прилагательное – с глаголом.

Это Владимир Гундарев открыл мне, как и многим другим, уверена, глаза на глагольную рифму, теперь уже устаревшую.

У Марины Цветаевой вырвалось однажды: «Главное в стихах – не смысл, а их звучание».

Думается, и то, и другое были для поэта Владимира Гундарева важнее всего.

А ещё он, по его же признанию, очень требовательно относился к рифмующимся словам.

За днями тороплюсь летящими,

В сужденьях прям,

В поступках смел.

Но ничему по-настоящему

Я научиться не сумел...

И размер стиха для него, мастера слова, был очень важен. Следить за количеством слогов в рифмующихся строках, сочетанием ударных и безударных гласных в словах научил меня именно он. Тут он был строг донельзя! Сразу же отбрасывал листок-черновик в сторону с пометкой: «Поработать ещё!».

Я же позже сталкивалась с подобными нарушениями размера стихотворных строк у других только начинающих писать. И, конечно же, вспоминала уроки Владимира Романовича Гундарева.

Сам умел и других научил. Сумел по-есенински различить в окружающем мире его главный двигатель и образец для человека – природу.

«Гениальный художник – природа...» – так начинаются его «Этюды». В них он собрал свои самые главные о ней наблюдения.

Уже пора сотворчества настала,

Внимания к живущему всему...

И ещё:

В соавторстве, в содружестве с природой

Пушкай творится новая краса.

Не мимолётной прихоти в угоду,

А чтобы краски вечности цвели,

Благое дело помогать природе,

Заботиться о будущем земли.

Реальность и конкретика в поэзии были для Владимира Гундарева очень важны. Когда в стихотворении, посвящённом ему, «Спешит по улице поэт» я указала «Плащ синий, шляпа, борода...», Гундарев тут же поправил: «Чёрный». А мне из окна автобуса однажды в лучах весеннего солнца плащ поэта показался тёмно-синего цвета.

«Есть Божий дар! Не поздно ли?» – разве забуду я когда-нибудь эти слова поэта, сказанные им после прочтения моего первого стихотворения «Свет за окошком». Мне было тогда пятьдесят. Конечно же, я ответила: «Нет!».

И только благодаря ему, моему наставнику, я и сегодня продолжаю рифмовать свои мысли о природе и людях, окружающих меня, о поэтах и писателях Казахстана и России.

У каждого поэта своя песня. Пять лет назад Владимир Романович, будучи главным редактором теперь уже всеми любимого журнала «Нива», дал добро на печатание в нём изюновелл «Своя песня» художника Василия Манзя в разделе «Природа и мы». Теперь, перечитав первую новеллу «Время и мы», я вдруг поймала себя на мысли, как прав этот талантливый человек, высказавший истину: «Ещё труднее догонять время, которое уходит безвозвратно...». А далее он, Василий Манзя, рассуждает так: «Для одного оно (время) течёт медленно. Они торопят его. Для других же – несётся с сумасшедшей скоростью. Однако те, которые торопят, всегда отстают от своего времени. Те же, которые больше всего боятся его быстротечности, – обгоняют его в своих делах».

«За днями тороплилось летящими», – эта строка одарённого природой таланта Владимира Гундарева – явное доказательство того, что он-то как раз стремился обогнать время своими делами. И не ошибся когда-то в выборе своего пути, не зря прошёл его от начала до конца без остановки, сделал то, «что будет нужным ещё очень долго людям», спев свою неповторимую и глубоко трогающую душу песню.

«И слово на карандаше дрожит от нетерпения», – вдруг вырывается как-то у Гундарева в одном из его очередных шедевров. Это ли не доказательство того, что не писать сам Владимир Романович не мог.

Ежеминуто, ежечасно, ежедневно...

Сейчас, перечитывая в который уж раз страницы поэтической книги «Душа стремится к небесам», подаренной мне автором, я снова и снова нахожу неповторимые слова, словосочетания, целые метафорические образы...

И поражаюсь! И горжусь! И радуюсь... Радуюсь тому, что довелось часто общаться с этим удивительным человеком – Мастером своего дела. Учиться у него поэтическому ремеслу, видеть поэта, слышать его голос:

«Поднимется в капельках солнца пшеница...» – уверял он своих современников.

И рисовал перед ними целую картину, где «клонит коленки упруго пшеница и жатка губами колосья берёт...».

А рядом – ещё открытие поэта: «Хлеб наполняет всё особым смыслом...».

Это ли не доказательство философского размышления о жизни не прозой, а стихом?!

«Не разучиться б хлебу кланяться, от песен иволги добреть...» – звучит сегодня и как предостережение Владимира Гундарева нам, живущим. А о своей жизни он писал так:

Запутанно – тысячевёрстно

Мои пролегают пути.

И предполагал, несомненно, вернуться туда, где когда-то уже побывал.

Но если совсем занедужу, –

Да так, что ни лечь и ни встать,

Сожму я ладонями душу,

Проеду Транссибом опять...

Но всегда глубоко в душе хранил память о своей деревеньке под Новосибирском, где родился. Об этом его признание – в милой песне, которую все знают. В одном из своих стихотворений поэт признаётся:

Много мест для меня,

Ставших мне дорогими...

Отыскать эти точки на карте теперь предстоит нам. А стихи Гундарева помогут и в этом благом начинании.

Он спешил жить... Искал упорно, настойчиво, радостно. Найти б слова негромкие, простые, но чтобы в них магический был свет. И всегда находил такие слова. Потому что понял когда-то, ещё полвека назад, в начале своего поэтического пути, что «пустое слово канет в пустоту». И жил по принципу: «Всё, что могу, я на себя беру!».

Отсюда и мечта нашего земляка, так заботящегося о судьбах казахстанцев.

Чтоб каждый мог бы коротко и ясно
Сказать, что жил на всём пределе сил,
Не погубил ни дерева напрасно
И дивные сады в степи взрастил.

Снова и снова я буду возвращаться к его «Этюдам». Для меня это слова-наставления, ставшие последним напутствием зрелого, ещё до конца не оценённого современниками Мастера стиха.

Чтобы мудрое и вечное
Постигая неспроста,
Каждый лучше, человечнее
И возвышеннее стал.
Сберегая всё, что создано,
Оставляя лишь добрый след,
Потому что чувства Родины
Без любви к природе нет.

Жизнь поэта Владимира Романовича Гундарева оборвалась внезапно, неожиданно. Сердце не выдержало той сверхзадачи, которую поставил перед собой наш друг и учитель.

Есть на свете
Великое счастье движения
Мыслей,
Жизни,
Любви –

Пусть оно не кончается, – мечтал поэт.

Да, движение его мыслей и чувств, оставленных потомкам в книгах поэта, писателя, публициста, продолжается...

Оно прорывается сквозь строки многочисленных страниц журнала «Нива», удостоенного Международных призов за качество в категориях «Золото», «Платина» и «Бриллиант». Оно ведёт нас сегодня к великому совершенству человеческих отношений в наше непростое время. Низкий поклон поэту за всё, что он свершил для нас.

Людмила СМЕРНОВА,

учитель литературы высшей категории.

г. Астана.

Екатерина МОСИНА

Когда реки текли в гору

Воспоминания о том, чего многие не заметили

(Продолжение. Начало в №№ 1, 2 за 2013 г.)

Крёстный отец

Такой уж у меня характер и такие мои дорожки, что многие детали из моей жизни сплетаются в моём воображении в одно большое целое не без некоторого мистицизма совпадений. Так с чего же начать? Может быть, следует о природе этих совпадений рассказать? Они есть в жизни каждого человека, по сути ведь и сама жизнь наша – это большое счастливое совпадение множества встреч, случаев, происшествий, стечения обстоятельств. Это – то, что я называю Божьим промыслом. Для меня вполне очевидно, что только по воле Господа случаются люди в этом мире.

Кстати:

Когда-то давно-давно и я сомневалась, что Он есть, и не только сомневалась, но и старалась не верить в Него. От меня ждали только неверия. Тогда все не верили. А я сомневалась. То есть я не убеждённой атеисткой была, а только пыталась честно быть такой, как все. Я боялась смертельно грозу. И как полоснёт молния через весь небосвод стрелой огненной, так рука и тянулась крест сотворить. Да ещё, когда едва живую привезли меня с поля и срочно на каталке покатали в операционную, помню, что, теряя сознание, я отдала свою душу в Его руки и положила только на Его волю. Час мой тогда настал или ещё что-то, но я думала совсем немножко о маленьких детях своих и всего более на Него уповала. Причём я не просила, а решила так, что пусть всё случится по Его воле. Тогда я ещё была атеисткой...

Время пришло для меня значительно раньше всеповального увлечения религией. Так случилось, что я поверила в Него раз и навсегда, и никогда больше в Его присутствии вечном не сомневалась. Да, да, это в дни моей тяжкой болезни случилось в Алма-Ате. Господь тогда послал человека, неожиданно для меня сумевшего мне помочь убедиться в существовании могучей силы, помогающей некоторым из нас. И этот человек стал моим новым крёстным отцом, словно переняв у моего рано ушедшего крёстного Глухова право наставлять меня.

Кстати:

Я совсем не являюсь религиозной фанатичкой. Я и молиться-то не умею так, как молятся другие, истово и самозабвенно, в усердии моления своего порою забывающие Того, кому молятся. Я веду с Ним свою душу, я иду с Ним по белу свету, я чувствую, как Он меня поддерживает, как посылает мне разные свои благие деяния. Иногда мне надо пойти в церковь, как на возможное место встречи с ним, чтобы у образа Его истекли из меня слёзы облегчения, покинули меня рыдания о жалости к себе. Иногда я готова воскликнуть от восторга и благодарности Ему за то, что живу, вижу солнце, радуюсь цветам, имею пищу духовную и хлеб насущный. Он во мне, словно моё дыхание, которого не замечаешь, но без которого не сможешь жить. С точки зрения канонов церкви, я – недостойная и нерадивая его поклонница. А моей душе тепло оттого, что Он есть, а если бы Его не было, то я бы Его всё равно для себя придумала. Без Него не может быть

жизни и света белого. Я равнодушна к роскоши церквей, где ему поклоняются, но я туда всё же иногда хожу, потому что считаю, что в таких местах мне можно обращаться к святым и Богородице, чтобы они за меня тоже перед Ним радели. А когда Его неловко просить, то святого прошу помочь.

И эту благодать свою я получила от Него в вечный подарок. Он мне помогал всегда: и тогда, когда я, девчонкой ещё, оступилась в реке и, не умеющая плавать, едва не скатилась в подводный овраг, Он меня подтолкнул к берегу. И тогда, когда я, ребёнком, присела возле забора, чтобы получше рассмотреть цветков. В это время тяжёлый грузовик едва не задел своим задним бортом тот забор. Если бы я это видела, то непременно бы вскочила, и голова моя оказалась бы под его бортом, а так я только вздрогнула, когда закричала какая-то женщина от ужаса, что меня размажет по забору эта машина, – но уже после того, как опасность миновала, – это Он меня поберёт.

Так вот же она, цепочка всех совпадений и случайностей, руководимая Им и даримая нам Его щедростью – жизнь. Только кто-то об этом ещё не научился думать и не нуждается в таком размышлении, потому что занят другими делами. Так бы и я сомневалась долго, так бы и я вслед за сомневающимися читала молитву: «Отче Наш, иже еси на небесах...» – если Ты есть на небесах. Но я всегда читаю: «Отче Наш, суций на небесах...» – существующий – я не сомневаюсь, а утверждаю, верю...

Был послан мне человек, который и помог устранить все сомнения. Случай такой простой, даже несколько будничной, и никто бы не стал им восхищаться. Да и человек этот, я уверена в том, даже не подозревает, что он помог мне перестать сомневаться в Нём.

А было это в Алма-Ате на углу улиц Гоголя и Муратбаева. Солнечным осенним днём я стояла в очереди за чудными яблоками, которые растут только в Алма-Ате, – за апортом. Огромные красные, сочные плоды продавались с борта машины на углу нашей улицы. Это было редкостью. Всегда надо было их покупать на базаре, и так просто в то время невозможно было купить недорого качественные плоды возле дома в большом городе. Я ждала своей порции апорта, а мимо шёл знакомый писатель – Владлен Константинович Берденников. Он не был особо как-то со мной дружен, не пришлось мне его книги выпускать, но оказался моим соседом по месту жительства – его дом стоял на соседней параллельной улице, и знал меня по работе в редакции русской литературы издательства «Жазушы».

– И что это ты стоишь в такой очереди? У тебя что, нет дачи?

Владлен, конечно же, не знал, как я живу в Алма-Ате. Дачи у меня действительно не было.

– Приходи ко мне, я только что с гор мешок яблок притащил, так дам.

Я его поблагодарила и сказала, что неудобно будет к нему за яблоками идти.

– Какие неудобства? Идём!

Но я решила всё же дождаться того чудного апорта, какой продавали по 95 копеек за килограмм. Ведь на рынке, гораздо хуже и зеленее, дешевле чем по 1 рублю 60 копеек не купишь. Владлен Константинович назвал свой адрес и сказал, что будет ждать меня в гости с моей дочкой, которую я должна была забрать из группы продлённого дня.

– Жена уехала в Целиноград, чтобы готовиться к свадьбе дочери, я один, приходи, хоть будет с кем выпить.

Я опешила: обещал яблоки, а там, оказывается, не с кем выпить. Нашёл себе собутыльницу. Но всё же любопытство перевесило. Явились мы к нему с доченькой, он жил на соседней улице, совсем рядом с моим домом.

Владлен Константинович ни капельки не смутился от моей обязательности, он нас ждал. Быстренько предложил делать пельмени. Я раскатывала тесто, а они с Алиной лепили. Что там мог семилетний ребёнок надумать, можно только вообразить, но писатель так нахваливал мою дочку, и она старалась изо всех сил. Когда мы пельмени сварили, они были на редкость вкусные и сочные.

Из коллекции:

В этот день он и подарил мне свою книгу роман «Катюша» с надписью: «Катюша! Никогда не забуду этих пельменей. А если серьёзно – счастья тебе, хотя никто не знает, что это такое. 10.X.86.».

К этой книге я ещё вернусь, так как и в ней я нашла для себя те же знаки, которыми всё было отмечено для меня в Алма-Ате, всё соединилось в одну для меня большую историю – жизнь в Казахии.

За пельменями Владлен затеял разговор о том, что вот он живёт без отца, но всё время ощущает его помощь. Отец умер, но сына на земле не забывает и оберегает его, и посылает ему разные знаки предупреждения. Мне это было очень странно слышать. Стояли восьмидесятые годы двадцатого века, мы ещё по инерции пытались строить коммунизм. Писатель, который пишет о созидательном труде советских шахтёров, о научно-техническом прогрессе, не мог, по моему разумению, быть столь суеверным. Но Бердеша (так мысленно для краткости я его прозвала) продолжал утверждать своё, и в ответ был удивлён, что я ничего не знаю о Вселенском разуме, что я не читала Чижевского и Фёдорова. (Ещё бы знать, где их взять можно было! Я потом попросила у Алёны Швыдко, нашего младшего редактора, принести мне Фёдорова, так как её муж преподавал философию в университете, но ничего подобного там и в помине не было из-за сплошных купюр). Так, в тот день я узнала о том, что после смерти наша мысль не умирает, а присоединяется к Вселенскому разуму.

Замечу, что Владлен Константинович даже и не упоминал Бога, и не о Боге со мною вёл речь. Но он делал для меня более ценную услугу, он своими словами пробуждал во мне нестерпимое любопытство и интерес к вещам, о которых я когда-то давно-давно читала у Евтушенко в «Земляничных полянах» – о неких флюидах, которые образуют этот Вселенский разум. Евтушенко больше на Циолковского и Вернадского ссылается. Я это восприняла как авторский вымысел. А тут на полном серьёзе сидящий передо мной человек о таких интересных вещах рассказывает! Это уже гораздо позднее появился и Моуди, и другие авторы, повествующие о жизни после смерти.

Владлен потягивал вино, предложил и мне, но я отказалась из-за своей диеты, для меня и пельмени были мучительной едой: их хотелось съесть много, но постоянная боль в желудке не давала этого сделать. Тогда он всё же налил мне бокал и поставил рядом:

– Я же не алкоголик, чтобы пить в одиночку. Ты просто поддержи бокал в руке и поставь, зато беседа сложится, – резонно заметил он.

А беседа и в самом деле вышла замечательная. После этого разговора я перестала бояться смерти, страх которой меня преследовал из-за тяжёлой болезни.

Кстати:

Даже потом, когда я в очередной, несчётный раз попала в больницу, и чёрные сны начали одолевать меня снова и снова, я подумала вдруг, что было бы интересно умереть: ведь мне бы открылись все тайные дела и мысли людей, которые меня окружали, и я бы, возможно, разобралась, кто был моим другом, а кто недругом. Вот тогда, когда я не стала так сильно переживать из-за своего

нездоровья, явился мне Он и послал мне три вещей сна. По этим снам я поняла, что боль свою переживу. И после этого я уже ни разу в Нём не сомневалась. Я знала, что Он меня не оставит. И странное дело: я перестала остро чувствовать своё одиночество.

Сказать, что я была весьма тёмной в парапсихологии, было бы не совсем правильно: что-то я слышала; к сожалению, вряд ли что читала, потому что читать было нечего, взять было негде, а что попадалось в руки, то всё было обстругано и обкатано нашими редакторами и цензурой. Это теперь так просто можно утолить свой информационный голод, если он ещё у кого есть.

Кстати:

Садясь за свои мемуары о человеке, которого я могу считать своим крёстным отцом, я более внимательно перелистала его книгу, подаренную мне с такой «гастрономической» надписью. В выходных сведениях стоят фамилии уже упоминаемых мною «моих» авторов: А. Загороднего, М.Д. Зверева, П.П. Косенко и «моего» рецензента Н. Черновой – это она написала рецензию-приговор на мою так и не изданную книжку стихов. Для меня выходные сведения книги – это как родной город, в котором можно встретить близких или знакомых людей. А здесь я встречаю тех, о которых рассказываю. Ну это ли не мистицизм совпадений в одной небольшой книжке «не моего» автора, с которым так странно сблизил духовно случай?

На фоне лиловых барвинков

Маленькое предисловие:

Русский прозаик Александр Альфредович Бек в Отечественную войну работал фронтовым корреспондентом. Под впечатлением событий он написал повесть «Волоколамское шоссе», в которой рассказал о подвиге героев-панфиловцев, погибших в бою с фашистами под Москвой. Повествователем происшедшего писатель сделал реальное историческое лицо – панфиловца Баурджана Момыш-Улы, ставшего национальным казахским героем. Но не только военной темой был занят Александр Бек. Через всё его творчество проходит производственная тема, которая разрабатывалась им почти всегда в рамках официальных канонов, заданных режимом для «производственной прозы». Беспрепятственно вышли произведения «Новый профиль» и «Жизнь Бережкова». Но как только писатель позволил отступить от заданных канонов в своём романе «Новое назначение», написанном в 1965 году, у него начались проблемы с публикацией. Поэтому роман был впервые опубликован в ФРГ в 1972 году. В нашей стране публикация стала возможна только в 1986 году.

Я была редактором выпуска романа Александра Бека «Новое назначение» в издательстве «Жазушы». Этот эпизод можно было бы и не вспоминать, но стечение магических совпадений, которые меня сопровождают по жизни, здесь также случилось. Это собрание трёх имён, трёх личностей: писатель Бек, артист Бурков, сын героя-панфиловца Момыш-Улы.

Тот факт, что всё происходило в разные годы, теперь делает эти совпадения очевидными. Сначала мне была прислана записка от Георгия Буркова, который исполнял роль генерала Панфилова в спектакле МХАТа «Волоколамское шоссе». Это очень колоритный и запоминающийся артист советского кино.

Потом у меня была работа над выпуском романа «Когда ты рядом» Бахытжана Момыш-Улы. Это сын соратника Панфилова Баурджана Момыш-Улы. А в творчестве сына и образ героя-отца дан своеобразно.

И уже после всего пришлось мне «встретиться» и с автором «Волоколамского шоссе» Александром Беком, когда я выпускала переиздание его «запрещённого» романа «Новое назначение».

Конечно, я говорю о символической встрече, поскольку писателя к тому времени давно не было в живых. Я тогда и не видела в этих эпизодах никаких символов или знаков судьбы. И никак не связывала воедино эти имена. Только спустя время эти люди выстроились в моём воображении в один ряд. И ряд этот получился не пустячным, поэтому и хочу всё записать для памяти.

Сказать справедливости ради, Владлен Берденников не был первым писателем, с которым мы затрагивали тему жизни после жизни. Теперь так легко можно говорить об этом и даже недоумевать, что уж тут такого интересного и необычного. И не так уж важно, с кем и когда можно говорить на такие темы. Но не следует забывать, что в те времена мы не имели доступа даже к Библии. Например, в главной библиотеке страны эту книгу можно было с большим трудом отыскать в разделе «Легенды и мифы». Но пользоваться фондами «Ленинки» не все могли. Читать же нежное редакторское «суфле» в научно-популярных изданиях можно было, но от суфле всегда остаётся ощущение голода и жажды, для утоления которой надо испить из неоскудевающего целебного ключа древних фолиантов.

Ещё раньше до беседы о вселенском разуме у Бердеши мы затрагивали подобную тему с казахским русскоязычным писателем Бахытжаном Момыш-улы. Но Бахытжану не удалось меня очень заинтересовать: мы говорили о вещах поверхностных, информация шла в качестве добавки к гостеприимному чаепитию. «Да, вы знаете, что были случаи, когда после клинической смерти...» – и Бахытжан сообщал то, что я уже читала в доступных изданиях, и в «Науке и религии», и в «Науке и жизни». Я вежливо поддакивала, не мешая писателю делиться со мной своими познаниями в этой области, которые он разрабатывал в новом произведении.

Как-то мы с дочкой зашли в гости к Бахытжану Момыш-улы. Он только что получил новую квартиру неподалёку от парка культуры. Нам с Алиной было по пути. Я её возила в парк на занятия фигурным катанием. Ещё только-только вышел его роман «Когда ты рядом». Ещё в памяти не сгладились образы героев. И у него дома я познакомилась с его семьёй, которую он показал в этом романе. И я не помню, как на самом деле зовут его сына, для меня он остался Маликом – как в романе, и жена тоже была Пюзалью – по имени, данному в книге, хотя в жизни она звалась иначе. Меня более захватило то, что я как бы преодолела некий невидимый барьер, отделяющий вымысел от реальности, и попала на страницы книги, над которой работала в качестве редактора. Восторг от этого чудесного сопереживания с автором и героями его книги того, что написано, передать трудно. До парапсихологии ли мне было!

Роман был очень непростым и для автора: он честно вынес свой семейный конфликт на всеобщее прочтение. Известно, что герой-панфиловец Баурджан Момыш-Улы и сын его Бахытжан были в сложных отношениях. Непростой эта книга была и для меня как для редактора. Вначале работы были и слёзы с моей стороны, и истерические угрозы с другой.

А всё из-за какого-то глупого злорадства одного из наших руководителей, который считал Бахытжана выскочкой, пожинаящим славу отца-героя. Куда-то запропастился второй экземпляр рукописи. Помнится, его взяла в редакцию тематического планирования редактор Галина Хурина, да так и не вернула. Мне надо было работать над книгой, а рабочего экземпляра нет. Тогда ведь непременно следовало иметь два экземпляра рукописи: первый и второй. Первый до поры до времени не трогали – это был авторский вариант, а по второму шёл

процесс подготовки рукописи в производство. Я стала его искать, но никто не мог мне помочь. Тогда мне, не без подстрекательства к скандалу, этот же руководитель посоветовал взять для работы литературный журнал «Простор», где роман «Когда ты рядом» был опубликован со значительными сокращениями. Смысл последующего конфликта с автором состоял именно в этом. Перепечатывать заново на машинке огромную рукопись было дорого, а главное долго. Теперь бы этот вопрос решился просто: весь роман умещается на одной дискете. А тогда утерянный экземпляр надо было долго восстанавливать. Проще сделать расклейку – два экземпляра журнала безжалостно разрывают на листочки и наклеивают на отдельные белые листы бумаги. Быстро и дешёво, но не всегда при этом вариант авторского оригинала совпадал с журнальным вариантом.

Каверзное предложение, подсказанное мне недоброжелательным к автору человеком, я ему передала, совсем не думая о последствиях. Бахытжан воспринял его как официальное, сделанное от имени издательства. Это и привело его в неопишемую ярость. Не разобравшись, он стал мне грозить, что добьётся моего увольнения в ЦК партии. Похоже, что у него это был главный козырь: искать правду в Центральном Комитете компартии Казахстана, где его всячески взлелеивали, как сына национального героя. А между тем не всё идеально было в отношениях между сыном и отцом. Например, о его хромоте – он всегда был с бадиком – ходили толки, что в младенчестве ему папенька повредил ногу.

Мне абсолютно не было никакого дела до глупых пересудов, я совсем не интересовалась ни героем-панфиловцем, ни его отпрыском, тем более не имела ничего против того, чтобы автор получал гонорар за весь объём романа, а не за журнальный сокращённый вариант. Но меня возмутило огульное обвинение со стороны Бахытжана, который для меня был никто. И знать бы я его не знала, если бы, по несчастью, не получила его книгу для работы. Не я же, в конце концов, этот экземпляр куда-то задевала. От обиды и несправедливости слёзы брызнули из глаз. Тогда тот человек, который так меня подставил, видя, что перегнул палку, сам позвонил Бахытжану и признался, что это он посоветовал мне сказать ему о журнальном варианте. Начал меня всячески ему хвалить и просил не сомневаться в моей добросовестности. В результате Бахытжан позвонил мне и сказал, извиняясь, что мы, наверное, не поняли друг друга. Я не стала высказывать ему свои обиды и поддакнула, что согласна с ним. А тут вдруг и утерянный экземпляр его рукописи нашёлся. Кто-то тихо и незаметно вернул его на прежнее место в редакционный шкаф.

Из коллекции:

В знак этого примирения Бахытжан подарил мне книгу рассказов «Я ещё ребёнок», которая в это время вышла в молодёжном издательстве «Жалын». «Екатерина Ивановна, поздравляю Вас с нашей общей победой и желаю великого счастья. Бахытжан Момыш-улы». На мой взгляд, проблема не стоила и выеденного яйца: поскольку автору ничто серьёзно не угрожало. Но если он счёл «утрачку» этого недоразумения победой, то пусть так и будет.

Мир был установлен на многие дни, месяцы и даже годы. Более идиллические отношения между автором и редактором вряд ли можно было наблюдать в нашем издательстве. Я, познав его в гневе, старалась ничем не провоцировать на столь бурные реакции; он, я думаю, чувствовал себя виноватым, что так несправедливо меня обидел, поэтому тоже всегда старался быть сдержанным. В результате такого дружеского альянса у нас получилась неплохая книга «Когда ты рядом». Роман из 33-х глав о «причастности... к великим идеалам» главных героев. Без такого присказья в аннотации тогда не издавалась практически ни одна книга. Но я для себя узнала очень много и о жизни столь

известной в Алма-Ате семьи, и о традициях казахов, и к концу работы над книгой было немного жаль расставаться с таким искренним и немного наивным автором, как Бахытжан.

Из коллекции:

«Уважаемая Екатерина Ивановна! Я от всей души желаю Вам самого высокого и светлого человеческого Счастья! Будьте всегда молоды и прекрасны и всегда будьте моим редактором! Ваш Бахытжан Момыш-Улы. 22.XI.83.» – такую надпись он сделал на подаренной мне книге.

Книга издана. Вроде бы и поводов больше никаких нет общаться, но изредка он позванивал или захаживал в редакцию. Однажды не смог не поделиться своей радостью и пригласил в гости в новую квартиру. Вернувшись из отпуска, я прочла его записку, которая у меня сохранилась:

«Екатерина Ивановна!

Рад Вашему возвращению. Надеюсь, мы скоро увидимся и поговорим. Мы переехали, наконец, адрес: Гоголя, 15, кв. 106, угол ул. 8-е Марта.

Екатерина Ивановна!

Я переработал повесть, даже немного ужал за это время. Мне бы хотелось проделать то же самое с двумя остальными. Но мне необходимы Ваши замечания. Жаль, что не застал Вас.

С уважением, Бахытжан».

Из этой записки ясно подтверждается моя мысль, что многим писателям необходим редактор, что уместные замечания всегда идут только на пользу автору.

Кстати:

Бахытжан написал: «...адрес: Гоголя, 15, кв. 106, угол ул. 8-е Марта». Здесь можно пояснить, что в Алма-Ате принято было для быстрой ориентации в городе указывать, угол какой улицы находится рядом. Например, я жила на улице Гоголя, угол улицы Муратбаева, наше издательство находилось на проспекте Абая, угол проспекта Гагарина и т.п. Живя в Воронеже, я, чтобы уточнить место, куда меня зовут в гости, часто задаю вопрос:

– Какой у вас угол?

Этим озадачиваю своих собеседников. Хотя очень удобно ориентироваться по соседней поперечной улице. Но отчего-то я не говорю, что живу на улице Красноармейской, угол улицы Фридриха Энгельса. Садясь в такси, говорю:

– Мне к Девичьему выезду.

Так называется остановка автобуса. Я нигде больше не встречала такого разумного подхода к ориентированию в городе, как в Алма-Ате.

Почти всегда, когда работала над чьей-нибудь книгой, я искала аналогии в жизни её автора. Помнится, что роман «Когда ты рядом» не оставил меня безучастной. Я начала писать очерк, но не дописала. Только сохранившийся в архиве черновик теперь может добавить некоторые детали и интересные размышления в мои воспоминания о Бахытжане.

Из черновиков:

«Книга жизни».

«– Мама, – сказала со слезами Юзаль. – Мамочка моя родная!

Малика-апа ей ничего не сказала, только лицо её окаменело.

– Мама! Я, кажется, ошиблась в этом человеке и мне очень горько. Невыносимо дальше так жить, мама! Я уеду! Всё брошу и уеду! Я на всё готова. Позор брошенной жены переживу, одиночество, голод, холод, но такой жизни с ним я не выдержу.

И на этот раз долго молчала мать, хмурилась, пока не подняла голову. В самые глаза дочери она заглянула и сказала, наконец:

– Дитя моё, от дедов и прадедов осталась нам мудрость: «Плохая женщина достойного джигита заставит испытать позор глубокий. Хорошая жена плохому мужу дойти поможет до мечты высокой». Не мной это сказано, но я за долгую свою жизнь ни одного дома не помню, где бы не билась посуда. Ты много думала о том, из-за чего вы стали ссориться?».

Мудрая Малика-апа даёт наставления своей дочери. Её речь спокойна, плавна, полна достоинства. Немыслимо представить себе, чтобы эта женщина сорвалась, перешла на крик или опустила до назойливых нотаций. Дочь молча слушает мать.

«Отповедь матери потрясла Пюзаль до глубины души. Кому после этого пожалуешься? Стиснув зубы, молчала Пюзаль, понимая, что если хоть слово скажет, то сорвётся в крик, раненой птицей будет биться. Курицей, как сказал Талап. Пусть курицей. Пусть! Никогда она не думала, что мама может быть такой жестокой».

Я опять открываю книгу и перечитываю страницы, которые мне особенно понравились.

Нельзя назвать эту книгу шедевром, рано её причислять в разряд классики. Написана она моим современником, ещё достаточно молодым писателем Бахытжаном Момыш-Улы, сыном того самого легендарного национального казахского героя Баурджана Момыш-Улы. Написана непретенциозно, искренне, от души. Герои романа «Когда ты рядом» давно для меня стали реальными людьми. Это – семья автора. Когда я встречаюсь с ними, то называю их сына не Ержаном, как в жизни, а Маликом, как в книге, жену писателя Зейнеб – Пюзалью. Когда я впервые побывала у них в гостях, я не смогла отделаться от мысли, что была в гостях не у писателя, а так симпатичных мне героев романа. Но никогда не удавалось спросить о Малике-апа. Поэтому на сей раз я решила начать разговор именно с вопроса:

– Была ли в жизни такая женщина?..».

Мой очерк не дописан, зато остались черновые записи, по которым я должна была его продолжить.

Мы тогда сидели с Бахытжаном за чаепитием. По мере возможности беседовали. Возможность была ограничена присутствием его домочадцев, которые отвлекали, и моей маленькой дочерью, у которой не хватало терпения сидеть спокойно и слушать. Но всё же что-то я узнавала из его рассказа, даже набросала дома черновик этой беседы.

Из черновиков:

«А я в 15 лет был, как обнажённый нерв, отец ушёл...»

Три мамы. Бибинур. Жамал – родная, в 1967 году умерла. Нурша – молочная. Детство. Люди не любят неудачников.

Я знал, что я буду писать.

Когда остался один и лежал в гипсе, пришла Зейнеб. Ребёнок рос, как цветок, надеялся на ласку и участие, а его не было.

В гипсе – боли адские, но я писал.

Отчуждение было жуткое.

Но потом вспоминал плачущую маму одинокую и думал о Зейнеб, всеми покинутой.

Воспитание методом от противного. Пусть сын такого одиночества не ощутит. Я вот его ни разу пальцем не тронул. Зачем? – Чтобы сердце набрякло от обид?

Сколько было мачех. Я хотел оградить своего сына от этого явления. Вырос – другом стал. Право на тайну за сыном оставляю.

Кричать на женщину – подло, и я себя уважать перестану.

Холодно жить. Жизнь – свеча: истаяла и нет. Холодно жить. Но надо теплее.

Наш союз нужен Ержану и Зейнеб. Мне, может быть, не так нужен.

Словами не внушишь, а только свой пример.

Бумага требует гармонии внутренней.

Злом нельзя воспитать добро».

Эти отрывки из нашего разговора с писателем Бахытжаном Момыш-Улы я теперь уже не могу выстроить в единую цепь, но суть беседы всё же улавливается вполне ясно.

Потом я вспомнила, что когда-то работала корреспондентом радио, и захотелось мне сделать в Алма-Ате на республиканском радио материал ко дню защиты детей. В дневнике 20 мая 1986 года записала: «Впервые за последние пять лет работала с «Репортёром». Была в гостях у Бахытжана. Так мило беседовали. У меня так много впечатлений...».

Это уже второе моё посещение писателя дома.

Опять же, отрывок из нашей с ним беседы у меня сохранился в расшифровке. Расшифровка – это теперь старинная технология: сидишь в наушниках, гоняешь плёнку на большом студийном аппарате или на своём маленьком «Репортёре» и на машинке или просто ручкой записываешь каждую фразу, запечатлевшуюся на плёнке. Расшифровка получается сырой с множеством опечаток. Потом её правишь, грубо монтируешь, после чего отдаёшь оператору для более тщательного монтажа и возможного наложения музыкального фона, где он нужен.

Вот отрывок из такого материала: «Корр.: Вы казахский писатель, который пишет на русском языке. Какое значение вы придаёте самому этому факту и вообще русскому языку?»

Момыш: Да, конечно, просто немыслимо представить себе жизнь и творчество без русского языка даже для казахоязычных писателей, поскольку все принципы социалистического реализма, всё лучшее в советской литературе к нам, скажем, в казахскую литературу пришло через русский язык. Но сказать так было бы очень мало. Мало потому, что русский язык является для меня вторым родным языком. И если я казахским языком пользуюсь в семье, в обиходе, то для выражения своих мыслей, настроения, не личных, а нужных моему читателю, я прибегаю к помощи русского языка – совершенно неисчерпаемого, богатого и прекрасного, на котором я, чадо городского двора, интернационального двора, просто на другом языке не могу выразить себя.

Но в данном случае не столь важно самовыражение, а сколько важно то, что я своими слабыми силами стараюсь оставить. Оставить для своего читателя.

Вот недавно я закончил книгу «Восхождение к отцу». Это была невероятно трудная тема для меня. Я не знал, что про близких людей, оказывается, так трудно писать. Но трудность заключается не в том, чтобы описать отца, а написать о ярчайшем представителе того поколения.

Почему я назвал это восхождением, – потому, что мы, дети, часто проходим мимо, и когда умирает отец, то оказывается, нам недоставало последнего часа для какого-то важного разговора, и поэтому приходится идти, идти, идти...

И всё время терзать себя, раскаиваться, упрекать в невнимании, чёрствости. А ведь мы обязаны им всем.

Низкий им поклон и память, и долг наш, наверное, оставить хоть несколько добрых, тёплых слов в память о них, потому что это послужит, опять-таки, идее мира, то есть тому делу, за которое многие из них положили головы, ради жизни».

Работая и общаясь с Бахытжаном Момыш-Улы, я никогда не встречалась с его отцом, писателем, национальным героем, соратником генерала Панфилова, Баурджаном Момыш-Улы, но многое о нём узнала из откровенного романа, написанного его сыном. (Следует отметить, что сын выпустил книгу сразу же после смерти своего отца. Тоже, наверное, стечение разных обстоятельств). И с Иваном Васильевичем Панфиловым, погибшим в сорок первом году, никто из моих современников не мог встречаться. Но вот так случилось, что от сценического генерала Панфилова я получила записку и букет цветов.

Это было в сентябре 1982 года, когда МХАТ приехал на гастроли в Алматы. Пьеса «Волоколамское шоссе», написанная В. Шацковым по роману Александра Бека, входила в репертуар театра. Вместе с коллегами приехал в Алматы и артист Георгий Бурков. В нашей семье произошла любопытная история, которую надо рассказать обязательно.

Актёров поселили в гостинице «Казахстан», но они решили отдохнуть в новой тогда, дивной, построенной в восточном роскошном стиле – насколько это было возможно в СССР – гостинице «Отрар». Мой муж, работая в КГБ, нёс там свою вахту по надзору за иностранцами. Когда он вышел покурить, то увидел, что швейцар не пускает в вестибюль группу людей, которые шумели и отстаивали своё право пройти в бар. Тогда Валерий обратился к швейцару со словами:

– Разве вы не видите, что это известные наши артисты? Их надо пропустить.

Георгий Бурков, который был среди этих людей, поблагодарил Валерия и пригласил его с ними посидеть в баре. При этом он прямо спросил:

– А ты не из КГБ?

Муж так хотел пообщаться с артистами, что вспомнил о своей профессии, полученной в МГУ.

– Я – журналист, пишу статью для газеты.

Слово за слово Георгий Иванович рассказал, что работает над фильмом «Байка», и ему нужен главный герой. Договор был с Евгением Киндиновым, но тот был занят другим делом. И тогда Бурков сказал:

– Ты, Валерка, так похож на Киндинова, что можешь его заменить.

Георгий Иванович потом сам снялся в главной роли в этом фильме. У его героя была такая редкая профессия – таксидермист, чучельщик.

Вечер дружбы решили продолжить в гостинице «Казахстан». И напрасно я ждала мужа в эту ночь домой. Пришёл он только утром, когда уже солнце светило вовсю. Реакция моя была до неприличия банальна. Главный вопрос:

– Где был? – я задала ещё при закрытой двери.

Вначале в дверь «пропустили» огромную охапку цветов: пёстрые астры, красные гвоздики и огромные золотистые шары георгинов. Вслед за цветами ввалился и мой блудный муж.

– Ты не поверишь, но я был в гостях у Буркова и Всеволода Абдулова! – радостно выпалил он. И передал мне две записки, написанные на каком-то театральном бланке, который был обозначен типографской датой 27.08.82.

Из личного архива:

«Катенька! Не ругай своего мужика! Нас осталось мало. Я послал предложение в ООН – занести мужиков в Красную книгу. Бурков.», – прочла я сначала это,

а внизу была приписка: «Катенька! Целиком и полностью разделяю позицию Георгия Ивановича! С уважением, Всеволод Абдулов».

Конечно же, я не считала себя настолько простой, чтобы поверить в то, что записки именно от Буркова и Абдулова. Предвидел это и сам Георгий Иванович. Он сказал моему мужу:

– Правда, твоя жена не знает моего почерка, и тут эта афишка не поможет. Но скажи мне честно, ты когда своей жене в последний раз дарил цветы?

Валера с трудом вспомнил, что это было на нашей свадьбе, семь лет назад.

– Тогда отнеси мои цветы своей жене и скажи, что они от Буркова. Она точно поверит!

И он был прав. Такой охапке цветов нельзя было не поверить. Нельзя было остаться равнодушной и к вниманию актёра, хотя и заочному.

Записки эти до сих пор хранятся в моём личном архиве как ценные документы, реликвии, напоминающие о людях, хорошо всем известных в том государстве, в котором, и это неоспоримо, были и свои высокие идеалы, и своеобразные идолы.

Осталось рассказать ещё о том, как я издавала «запрещённый» роман Александра Бека «Новое назначение». Это был эксперимент, на который пошла только что сменившаяся администрация издательства. Обычно книгу выпускали в течение года. Не могу сказать, сколько месяцев производственный процесс тянулся, но очень долго. Этот же роман надо было выпустить за три месяца. При этом не следует забывать, что набор тогда делали линотиписты на строкоотливной машине. Процесс был долгим, утомительным и нудным. Но, судя по выходным сведениям, мы весь процесс одолели за месяц. В начале февраля рукопись сдали в набор, а в начале марта стояла подпись: «В печать!». И если редактор подписал корректуру, то это не значит, что не надо было читать сверточные гранки заново.

Кстати:

У меня был возмутительный случай с типографией, когда наборщик проявил инициативу уже в подписанной корректуре «В свет!». Эта подпись была – святая святых для всех. Если редактор поставил свою фамилию, то уже никто не имел права что-то изменять в готовом наборе. Но с книгой В. Скоробогатова «Секрет Сталинграда» произошли чудовищные метаморфозы уже после того, как её трижды вычитал корректор издательства, проверил корректор в типографии, просмотрел технический редактор и, естественно, я лично трижды её всю прочитала. Когда пришёл сигнальный экземпляр, когда уже сделать ничего нельзя было, кроме как уничтожить тираж, – обнаружился один «козёл» (это перевёрнутая строчка на странице) и самое неприятное: кто-то счёл, что заголовок одной из глав – «А остановить четвёртую полевую можно» – бессмыслица. Речь шла о четвёртой полевой армии. И в уже готовой книге я, к ужасу своему, прочла: «А остановить четвёртую по левую можно». Тиражировать брак – последнее дело. Я, как профессионалка, не выдерживаю критики: такие ляпы в «моей» книге! Василий Ефимович Скоробогатов в то время, кажется, был первым заместителем председателя Госкомиздата Казахстана. И, скорее всего, была бы я наказана, если бы не сохранилось моего экземпляра корректурных листов, где всё было в порядке. Мне удалось доказать свою невиновность в произошедших на выходе в свет изменениях в тексте. К тому же и Василий Ефимович был человеком мягким и добрым. Во всяком случае, от него я ничего плохого не услышала. Но тот факт, что где-то есть экземпляры книги В. Скоробогатова «Секрет Сталинграда» с чудовищным издательским браком, мне и сейчас неприятен.

Поэтому, когда производственный отдел поставил меня в известность, что книга Александра Бека будет издана всего за три месяца, я больше всего боялась таких нелепых самоуправств со стороны полиграфистов. Автора не было в живых, и представляла его интересы дочь, поэтесса Татьяна Бек. Но мне общаться с ней не пришлось, поскольку эту миссию на себя взяла одна из наших сотрудниц, редактор по поэзии Светлана Кадырова. Как-то тихохонько она отправилась в Москву и там продвигала личные интересы с помощью дочери писателя. Почему так случилось, я так и не поняла. Но тогда в издательстве много людей появилось новых, которые проявляли свою инициативу, не соотнося её ни со сложившимися традициями, ни соизмеряя даже с элементарной профессиональной этикой. Света тогда была в фаворе и у нового директора издательства Саина Муратбекова, сменившего нашего добрейшего и интеллигентнейшего Абики – Абильмажина Жумабаева, и новой заведующей производством, молодой особы, имени которой я не помню. Получалось, что я, как диспетчер, следила за выходом книги, обеспечивая скорость процесса, и как запасной корректор перечитывала листы. С этой работой справился бы и любой другой редактор, даже только пришедший в коллектив, какой тогда и была С. Кадырова. Почему она сама не стала выпускать этот роман, так и осталось для меня вопросом без ответа. О том, что она была в Москве и общалась с Татьяной Бек, Светлана мне сама и рассказала.

Осмысливая по прошествии многих лет столь странную цепочку Бек – Бурков – Момыш-Улы, ломаю голову, что же в этом было? Простое стечение обстоятельств, интересных случаев из практики, о которых можно вспомнить? Или что-то другое? Ведь вся эта цепь воспоминаний проносится в моей голове на фоне лиловых барвинков, которые росли в парке Героев-панфиловцев, что расположен недалеко от центрального рынка Алма-Аты. Лиловые куртины с цветами, словно коврики, лежали у главного входа в парк. И такие же заросли барвинка я видела за кладбищенской оградой в дедовской Ильинке. И символичными были эти видения: заброшенный сельский погост и ухоженный красивый старинный парк в центре Алма-Аты. Но и там и здесь оплела землю лиловая трава забвения.

С этого парка состоялось моё первое знакомство с Алма-Атой. Мы с детьми в нём безвылазно гуляли по выходным дням. На мой взгляд, это был самый лучший парк в Алма-Ате: маленький, уютный, чистый. В центре – православный собор, на полянках – доисторические каменные бабы. В граните Аллея городов-героев. Такая вот связь времён. За этот уют и покой стояли насмерть панфиловцы под Москвой. Разве же они могли знать, что их жертвы впоследствии станут никому не нужными и неинтересными? И может, тогда Память о них готовила мне эти встречи и обстоятельства, чтобы я могла собрать их вместе в своих мемуарах. Тоже для того, чтобы плыть им по Реке Времени и чтобы не кануть в Лету...

Мой друг Иранбек

Говоря о своём увлечении Пушкиным, я не могу не вспомнить человека, который всех более настроил меня заняться исследованием пушкинской жизни. Это поэт, казахский большой поэт. Иранбек Оразбаев. Моё пламенное увлечение Пушкиным началось тогда, когда мой коллега по работе в издательстве «Жазушы», казахский поэт, зашёл к нам в редакцию, улыбнулся и протянул мне белый лист бумаги, сложенный вчетверо.

– Прочти, когда я выйду, – сказал он как-то загадочно и даже немного интригующе.

Я развернула лист. Красивым почерком, какой не может быть у мужчины (но это было именно его рукой написано, потом он мне дарил все свои сборники стихов, выходявшие как на казахском, так и на русском языках, как в Алма-Ате, так и в Москве, – все они были подписаны так же красиво и очень оригинально), на белом листе было написано:

Я знаю, век уж мой измерен,
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с Вами днём увижусь я...

И больше ничего.

Отчего-то захотелось принять написанное на свой счёт. Я была молода... А в молодости мы все красивые, дерзкие, претенциозные... Но как было можно зачесть пушкинские строки на свой счёт! Только вот эти стихи так взбудоражили моё душевное спокойствие, что дома я достала с полки «Евгения Онегина» и стала искать эти строки. Мне показалось, что поэт писал их только для меня... Ах, жаль, но наваждение длилось всего лишь какое-то мгновение! Но это было именно то, чудное, мгновение, о котором Пушкин писал, вдохновлённый образом любимой женщины. Что ни говори, а Иранбек в то время был мастером разыгрывать своих коллег-женщин.

А что же роман? Он был вновь перечитан, хотя и бегло, но совсем по-новому, с абсолютно иной точки зрения, контрастно отличающейся от школьной забубённой необходимости. И уже «мой дядя самых честных правил» был уже и моим родственником, и сам «молодой повеса» как бы засел где-то глубоко во мне со своими мыслями и волнениями. И всё, что он хотел делать, уже не было так безразлично и чуждо мне как раньше, когда надо было обязательно – «от сих и до сих» – вызубрить стишок. Вот что сделал этот странный молодой казахский поэт, решив смутить меня такими великолепными строчками нашего потрясающего Пушкина.

Я была молода и совсем уже свободна сердцем, так отчего же не могла увлечься этим неожиданным вовсе для меня подарком судьбы. Тем более, что это были с моей стороны какие-то дружески-нежные переживания, какие могут себе иногда позволить зрелые, обременённые различными обязанностями люди. А женщина, терзаемая чувством одиночества и мыслями о предательстве, совершенном близким человеком, и подавно.

Иранбек, так его звали, читал мне свои стихи по-казахски, но видя, что я ничего не понимаю, объяснял всё просто, почти на пальцах.

Например, так он говорил об одиночестве: «Солнце на небе тоже думает, что оно одиноко, но когда наступает ночь, мы видим, что это не так. Луна думает, что она одинока. Но сколько рядом звёзд!». И после этого я, придя домой, сочиняла стихи про солнце и себя, одинокую, как луна. Или ещё один образ, который меня удивил. Иранбек рассказывал, что он родом из Кзыл-Орды, а там, как известно, только пески вокруг. И вот через всю пустыню на песке отпечаток большого сердца, а рядом сердце поменьше – это верблюд с верблюдицей прошли бок о бок, а их следы – словно отпечатки сердец. Образность его воззрений меня вдохновляла. Он разбудил во мне давно усохшее чувство стиха, и я начала писать. Почти вся моя любовная лирика вдохновлена им, и естественно, что много есть строчек, посвящённых ему. Хотя это весьма странно, потому что я не сгорала страстью к нему, мне абсолютно не было комфортно с ним наедине, я не хотела никаких более близких отношений и даже не ревновала к его двум жёнам: законной и «рабочей». Но вот стихи писала ежедневно. Что он такого сделал? Какие струны души моей задел этот искусный мастер игры на домбре? Наверное, никто так откровенно и необычно не выказывал мне своего восхищения. А он

сказал. Я читала ему свои стихи, он находил их прекрасными и желал перевести на свой язык.

Как-то сидели мы с ним на лавочке во время обеденного перерыва. Прогуляться после душного и жаркого кабинета в тени деревьев на Гагаринском проспекте всегда было приятно. Иногда кто-нибудь ещё составлял нам компанию, как правило – это были его казахские коллеги. А тут мы сидели вдвоём на лавочке и разговаривали, как всегда, о поэзии, Иранбек одаривал меня своими замечательными образами. Перед нами по другую сторону пешеходной дорожки росли два пирамидальных тополя: один высокий, другой тянулся за ним, но пониже. Иранбек сказал:

– Смотри, вон ты и я: тот, что повыше – это я. Ты – рядом.

Стоит ли говорить, что сам такой образ – это уже целое стихотворение. Придя домой, я только записала:

В тишине, где цветы на бульваре,
Где к столбу притулилась скамья,
Там два тополя тянутся в паре:
Справа – ты, слева – я.

Наши дружеские отношения и взаимная симпатия не мешали ему рассказывать мне о своих двух жёнах: одна была законной, с которой он жил и имел много детей, а другая была нашей коллегой, работала в соседнем издательстве, и он мне часто демонстрировал, как они трогательно ухаживали друг за другом во время обеда в служебной столовой.

Из коллекции:

А потом он приносил мне листки со стихами и дарил книжки с такими, например, надписями: «Екатерина Ивановна! Я Вас больше жизни люблю! Чего же ещё?». Свою первую книгу «Царь слова» на казахском языке он подарил мне 5 октября 1982 года.

Думаю, ему нравилось наблюдать за моей реакцией. Впервые Иранбек сам заставил меня обратить на него внимание. Я шла по длинному коридору нашего издательства, когда он встретил меня возле холла и сказал:

– Люблю...

Потом, увидев, что я опешила от его нахальства, продолжил, как ни в чём не бывало:

– жить... Жить люблю!

Засмеялся и пошёл в свой кабинет казахской поэзии, где он тогда работал.

Он мне говорил, что хотя многожёнства в нашей великой стране нет, но у казахов свои обычаи. Но всё же что-то мне не очень нравились такие его отношения с женщинами. Я не до конца верила, что его законная жена знала о его второй, «рабочей» жене. И если вдруг мои эти строки кому-то доставят беспокойство, то надо учитывать, что было это более четверти века назад. Срок вполне достаточный, чтобы приобрести мудрость и спокойствие.

Кстати:

Мне приснился как-то странный сон: будто я заштопывала моему другу казахскому поэту Иранбеку синий свитер возле запястий. В перерыв, встретившись с ним в столовой, я ему поведала об этом сне и спросила, что это может означать. Он пожал плечами. Заулыбался и указал на женщину, сидевшую за столом неподалёку, как на свою вторую жену. Она явно ждала, когда он принесёт ей поднос с едой.

На следующий день Иранбек вызвал меня из кабинета в холл, взял мои руки в свои и стал их целовать. Я уже привыкла к его некоторым вольностям по

отношению к женщинам-коллегам, но это было слишком. Но он не дал мне выплеснуть своё возмущение. Он целовал мои руки и приговаривал:

– Спасибо тебе, спасибо! Эти руки спасли моего сына.

Я не понимала его, пыталась высвободить свои руки и требовала объяснений.

– Ты же сама мне свой сон рассказала. Ты штопала рукава моего свитера. Вчера мой сын упал на стекло и порезал вены на руках. Было много крови, «скорая» долго ехала. Но его спасли благодаря тебе, твоему сну!

Мурашки забегали от кистей рук – вверх, к предплечью, по спине. Я тоже поверила в мистическое спасение его сына! Ведь во сне я хорошо заштопала рваные рукава свитера Иранбека, отца несчастного мальчика. А если вспомнить русскую пословицу о своей рубашке, которая ближе к телу, то можно сказать, что и свой свитер – что сын родной.

Он приглашал меня в национальный общепит – то ли ресторан, то ли недешёвое кафе. Это заведение называлось «Кумызхана», располагалось в самом центре Алма-Аты, возле Новой площади. С виду это была обычная казахская юрта из войлока. Я ни за что не хотела туда идти с ним вдвоём, тогда он нашёл простой и естественный выход. Пришёл к нам в редакцию и пригласил нас с Райханой, нашим младшим редактором, пообедать вместе. Райхан согласилась и сказала, что я не должна отказываться. Ресторан был в стилизованной разукрашенной юрте, мы сидели на красивых кошмах, ели жуткое на вид, но необыкновенно вкусное бурдючное сало, тонко и аккуратно нарезанное, что-то ещё, я уже не помню. Но главным номером был кумыс. Его принесли в керамической супнице, и половник был едва ли не фарфоровым. Дали кесешки – маленькие пиалы. И тут Иранбек попросил внимательно за ним смотреть и слушать, как кумыс начнёт петь. Наш друг взял в руки половник и стал так размешивать напиток, будто наполнял бесконечно глубокий сосуд. Вначале это поило стонало и хрипело, булькало и сипело, а потом от постоянного переливания из половника в сосуд нескончаемо длинной струёй, кумыс начал превращаться в лёгкий пенистый, и самое удивительное – звонкий и звенящий, как струны восточного музыкального инструмента, напиток богов.

– Ты слышишь? – Иранбек зачарованно и упоительно вслушивался в звуки, кипевшие в сосуде. – Ты слышишь, как он поёт?! Теперь его можно пить!

Райхан, искушённая во всех обычаях своего народа, проворно взяла у меня из рук пустую кесешку, подставила под струю.

– Пей! – сказала она. – Пей, пока он поёт!

Это похоже было на колдовство. Какое-то чародейство, участницей которого мне посчастливилось стать. Никаких тостов, никаких долгих подборов нужных слов и ненужного пафоса. Мы пили этот терпкий, кисловатый напиток, утоляя жажду и спасаясь от жары. У нас отчего-то беседа пошла легко и непринуждённо, и никто не считал нужным соблюдать степенство и держать расстояние. Кумыс эти недостатки общения устранил легко и опьяняюще, так же, как и сам он действовал на мою голову. Я поздно поняла, что слегка затуманились мои глаза и закружилась голова. Ах! Да как это можно – опьянеть от молочного напитка?! Чудеса! У Райхан блестели глаза, она была истинной восточной красавицей.

Иранбек взял домбру и что-то сыграл. Я была потрясена всем увиденным, услышанным и даже съеденным. Мне срочно надо было выйти на свежий воздух. Это посещение кумысханы с моими коллегами по работе я запомнила на всю жизнь. Такого роскошного общения с казахами, к сожалению, у меня больше никогда не было. Потом я пыталась покупать кумыс в бутылках, даже мы с детьми его с удовольствием пили. Мой девятилетний сын неизменно при этом

кричал: «Я сейчас заржу, как жеребёнок!». Да и мне тоже отчего-то хотелось взбодриться, почувствовать себя молодой кобылицей и помчаться по степи...

Опасный напиток! С тайным смыслом. Порождающий необуздываемые желания. Такого в средней полосе России пить не станут.

Как-то он дал мне подстрочник стихотворения о Пушкине, которое я перевела по-своему. Хотя я читала ещё два перевода этого стихотворения.

У Марата Акчурина, переводчика стихов Иранбека, это звучит так:

Порою вижу Пушкина с глубокой
Остывшей раной, думая со вздохом:
«Он, может, рад был, что дуэль была,
Что проиграл её по воле бога».

Дуэлей нет. Тень пули остаётся.
И с ней спина моя не растаётся.
Не знаю, оглянуться ли – за мной
Смерть белая на лошади несётся.

Остановясь, гляжу, как настигает –
Пускай в лицо мне глянет и узнает:
Не Пушкин я с оружием в руке,
А я – оружие, которое стреляет.

Казахстанский поэт Орынбай Жанайдаров включил в сборник «Шёл степью человек» свой перевод «Дуэли» И. Оразбаева.

Пушкин... Дуэль... Дантес...
Дантес?

Он в белом...
Выпал снег в октябре.
... Я в чёрной кожанке...

Мой маузер здесь,
Под тёплой ладонью,
На жёстком бедре,
В берёзовой кобуре.

Дантес избегал меня в этой игре.
Он знает – я не промахнусь...
... Я целюсь, он, бледный, стоит на бугре.
Сейчас я курка коснусь!..

Я не понимаю в переводах ничего. Как-то узнала, что «Записки Пиквикского клуба» абсолютно не то, что написал сам Диккенс. Тогда в чём смысл перевода? И здесь мы видим два совсем разных стиха, вовсе не скажешь, что их написала одна рука. Да, именно три руки вершили эти строчки о Пушкине. Но какой вариант точнее выражает Иранбека? Только тот, что написал он сам, к сожалению, нам, русским, непонятный.

У меня тоже есть свой поэтический перевод с подстрочника И. Оразбаева. Точнее – два варианта, и оба мне нравятся, хотя любой переводчик-профессионал сотрёт мои варианты в порошок – в крючочки, палочки и точки. А я так и не пойму, за что... Вроде бы за то, что это очень близко к словам автора. А чем это плохо?

Вот первый вариант:

Пушкин – дуэль.
Дантес – кровь...
Мне дан урок:
То не дуэль была...
И пистолета вновь
взведён курок,
И у меня совсем
плохи дела.

Дантес седлает
белого коня,
И хочет он убить.
Теперь – меня.

Что я – не Пушкин, –
знает он,
Мне смысл убийства ясен.
Ему не сдобровать.
Сквозь вереницу лет
Взведён курок.
Нацелен пистолет.
Моя рука не дрогнет.

И вот второй вариант:

Пушкин – дуэль. Дантес – кровь.
Всё повторяю я вновь и вновь.
Дам я навечно себе зарок.
Запомню надолго я этот урок.

Всадник в белом на белом коне
Всё угрожает как будто бы мне.
Боишься предстать предо мною зримо,
Спешит, озираясь, всё мимо и мимо.

Он знает, что мне ясна его суть.
И мой уж давно скрещён с ним путь.
Я сам – тот заряженный пистолет,
Не промахнусь через толщу лет.

Но всего более меня так зажгла идея отмщения, которая составляет суть стихотворения Иранбека; кто бы ни был переводчиком, она остаётся чётко прорисованной. И ещё не зная и не читая его «Дуэли» в разных переводах, только поговорив с Иранбеком об этом его стихотворении, зажёгшись идеей «спасения» Пушкина, я с того момента только об этом и думала. И у меня родилась моя «Дуэль». Я не собиралась мстить за поэта и убивать Дантеса. Меня весьма вдохновило и то, что Андрею Дементьеву пришла такая мысль ещё раньше:

А мне приснился сон,
Что Пушкин был спасён...

Подарок судьбы

Наверное, я была недостаточно проворна. Я только начала изучать жизнь Пушкина. Мне ещё не было тридцати лет. Казалось, что тот фарт, который мне выпал в начале трудового пути, будет вечным и если и станет меняться, то только по законам эволюции: от низшего к высшему. Поэтому когда в редакции издательства «Жазушы» появилась некто Бабусенкова, я не придала значения её визиту. Кто такая, что ей надо? Много разных людей приходило к нам тогда в надежде что-то издать.

После того как посетительница ушла, моя коллега Анна Павловна пояснила мне, что это бывший редактор этого же издательства «Надька Бабусенкова, которая Раевского охмурила». Опять же мне это ни о чём не говорило. Я в Алматы недавно приехала, в издательстве работы много, авторы разные: есть интересные, есть серые. Что-то там эта Бабусенкова показывала в журнале «Огонёк», где были портреты жены Пушкина и ещё каких-то женщин. Говорила о переиздании по случаю юбилея Раевского. Разговоры для меня интереса не представляли, так как мне показалось, что я о Пушкине знала больше, чем то, о чём говорила посетительница.

А тут назревал интересный выпуск сказок Пушкина, опять же по случаю юбилея, но уже художника. Альберта Гурьева. Как ни странно, к юбилеям самого поэта эти издания – двухтомник Раевского и «Сказки» Пушкина – не приурочивались. 1983 год – начало работы над сказками. Мне показалось, что куда увлекательнее и престижнее выпустить сказки поэта полумиллионным тиражом с оформлением, какого ещё не было, чем заниматься переизданием «сборной солянки» из двух томов. Если о Пушкине, так о Пушкине. А в двухтомник также включались ещё и повести «Джафар и Джан» и «Последняя любовь поэта», к Пушкину отношения не имеющие. К тому же бывший редактор Бабусенкова просила свою бывшую приятельницу, младшего редактора, курировать издание. Получалось, что меня не позвали. Совершенно не понимая, чего я не дополучу, если не издам Раевского, я была всецело занята работой с другими авторами, книги которых были в производстве, а также сказками Пушкина.

Это был подарок Судьбы, который сделал меня причастной к имени Поэта. Мне довелось издавать сказки Пушкина с новым, никогда не издававшимся оформлением. Так что это не было обычное переиздание, которое почти не требует участия редактора. Это было новое издание, которое надо было точно и художественно верно воспроизвести.

Пушкинские сказки требовалось выверять построчно с тем изданием, по которому они печатались. Текстология при этом обязательна. Хорошо что в моей библиотеке было собрание сочинений поэта в десяти томах, изданных в московском издательстве «Художественная литература». С этого издания и печатали текст. Для набора, конечно, расклеили два экземпляра какого-то малоценного издания, там и ошибки были, некоторые мелкие несовпадения с текстом, изданным в собрании сочинений. Для того и редактор был, чтобы все неточности устранить. Зато рисунки были самые что ни на есть оригинальные, таких ещё никто никогда не видел. Художник Альберт Гурьев сделал свои иллюстрации. И это было не сиюминутное его творчество. Мне показалось, что он долго работал над оформлением будущей книги.

Открывается сборник сказок рисованным шрифтом на титуле. Это сейчас всё просто делается в компьютере, а тогда только ручная работа была. Контртитул просто чудесный, вряд ли где в каких изданиях это было: сидит Пушкин под дубом, подпершись рукой, задумался, а другой рукой котика гладит. Тот самый, о котором поэт писал:

Так иногда лукавый кот,
Жеманный баловень служанки,
За мышью крадется с лежанки:
Украдкой медленно идёт,
Полузажмурясь, подступает,
Свернётся в ком, хвостом играет,
Разинет когти хитрых лап
И вдруг бедняжку цап-царап.

Котище вам в глаза смотрит, словно он ещё и сказки сочиняет. Альберт сказал, что срисовал его со своего любимого котика. Заставки, концовки, иллюстрации к каждой сказке, всё это надо было правильно поставить на своё место, угадать так, чтобы не перевёрстывать страницы, – наш технический редактор Неля Брониславовна Галицкая постаралась. Корректор Шолпан Мукажанова делала тщательную вычитку и сверку, ведь наборщик мог допустить ошибки, особенно в знаках препинания.

Альберт так увлёкся созданием иллюстраций, которые получились очень хорошими, что потом уже из-за этих рисунков поставили в тематический план пушкинские сказки. Нашлись-таки умные люди в нашем издательстве, которые сумели оценить вклад художника Гурьева в пушкиниану. У меня даже оттиски сохранились. Я боялась, что при печатании массового тиража краски поблёкнут или произойдёт смещение цвета, но ничего такого ужасного не произошло. А тираж – ни много ни мало – в полмиллиона, и из них только 100 000 экземпляров в твёрдом переплёте. У меня было около десятка книжек, но они все раздарины, так что когда я собралась делать сообщение в клубе пушкинистов в Воронеже, мы с дочерью с трудом обнаружили одну изрядно потёртую книжку в мягкой обложке среди залежей домашней библиотеки. Теперь, когда я работаю над пушкинской темой, тот факт, что никто до меня не издавал сказок Пушкина с иллюстрациями Альберта Гурьева, является предметом моей гордости.

Поэтому, увлечшись выпуском сказок, я уже не могла выпускать двухтомник Раевского. Правда, после мне «подфартило» приобрести это издание. При том чудовищном дефиците на книги, которые были в нашей стране. Раевскому и его двухтомнику повезло в том плане, что выпускать его взялась моя коллега Анна Павловна Тимофеева, та самая приятельница Надежды Михайловны Бабусенковой. Более добросовестного корректора и искать не нужно было. И как младший редактор она была прекрасным специалистом. Младший редактор – это как секретарь в редакции, он больше техническую работу делает: расклейку оригиналов, если идёт переиздание, предварительный подсчёт объёмов, сдачу и получение рукописей, их учёт и хранение. В данном случае было переиздание уже ранее издававшихся книг Раевского. На это издание, что весьма редко бывает, дали ещё и второго редактора. Видно, всё же Николай Алексеевич просил о более внимательном подходе к его книгам. Быстренько, быстренько рассоединили переплёты тех книг, с которых предполагалось делать переиздание, всё расклеили, страницы пронумеровали, репродукции собрали и... отправили в набор. А дальше пошло-поехало: бесконечная читка корректур, правка, сверка, выпуск в свет. К сожалению, от этого никто не застрахован – несколько опечаток в книге есть, и в серьёзной исследовательской работе это надо учитывать. Ведь на протяжении двух десятилетий, как мне известно, труды А.Н. Раевского не переиздавали, за этим двухтомником до сих пор пушкинисты охотятся.

Что же касается личной встречи с таким известным человеком, как Николай Алексеевич Раевский, то могу сказать, что недавно я нашла старую записную книжку, где записано: «8 февраля 1984 года. Раевский у А.И. [Александра Ивановича Егорова, гл. редактора]».

Но этот факт как-то очень смутно вырисовывается в моей памяти: радостный, как младенец, старичок-толстячок, который видит только боковым, периферическим зрением. Я долго сомневалась, что было это воочию, относила на счёт моего воображения. Оказывается, видела гения пушкиноведения, что и подтвердила случайная запись.

Часто вместо него хлопотала о переиздании его жена, которой тогда было 45 лет, звали её Надежда Михайловна Бабусенкова. Как мне рассказывала моя коллега Анна Павловна Тимофеева, они с Бабусенковой некоторое время вместе

работали в нашей редакции. Надежда Михайловна якобы «положила глаз» на престарелого писателя ещё с тех пор. А он являлся тогда в издательство и демонстрировал свою давнюю офицерскую выправку: щёлкал каблуками и целовал руки дамам. Это такие легенды я слышала.

А сама лично могу говорить, что рассматривала семейные снимки, которые Надежда Михайловна всем показывала. На них она была изображена рядом с Николаем Алексеевичем, мне особенно запомнился один: в траве среди майских одуванчиков полусидя-полулёжа изображён был старичок, тоже «божий одуванчик», и рядом с ним, едва ли не в бантиках, женщина, которая выглядела его внучкой. Мне было отчего-то неловко смотреть на такое фото, но не хотелось обижать Надежду Михайловну, которая всем показывала снимки и с гордостью говорила:

– А это чета Раевских.

Чета так чета. Надежда Михайловна рассказывала, как они с Раевским хотели переехать в Москву, как, взошедши по трапу самолёта, они резко развернулись и спустились назад:

– Разве можно такую красоту, как у нас – эти горы, эти ели тянь-шаньские на Москву менять?

Это было правдой. В одном из писем к сестре, написанном сразу после ссылки в Минусинский край, Раевский нашёл убедительные слова: «Чем ближе к Тянь-Шаню, тем живее становится природа, а у самой Алма-Аты – великолепие Южной Украины, богатейшие поля, колонны пирамидальных тополей – и всё это на фоне чудесных гор с заснеженными вершинами. Очарование, да и только...».

И далее: «Ночи в Алма-Ате мне напомнили Грецию – такая же ласковая теплынь... Город совершенно удивительный – сплошной старинный парк... Ты знаешь, я помню цветники царских резиденций, видел цветы Версаля, Праги, разных чешских магнатов, но Алма-Ату в этом отношении можно сравнить с чем угодно. Площадь цветов в центре города и главный цветник городского парка совершенно изумительны!».

Неслучайно, что для писателя Алма-Ата стала третьим родным городом, где на 94-м году он закончил свой земной путь. Долгая и непростая жизнь, интересная судьба. Он сам как-то шутил:

– На моём могильном памятнике напишите только три слова: артиллерист, биолог, писатель...

Его прабабка Софья в молодости на балу увидела Пушкина. И это мимолётное видение поэта передала правнуку как творческий талисман.

– Вот, Колечка, когда подрастёшь, то узнаешь, кто эти люди.

Она ведь училась у Гоголя, который был преподавателем литературы в Патриотическом институте. О Гоголе она сказала, что «человек он был прекрасный, а вот преподаватель никакой». Каким же был её отзыв о Пушкине – тайна.

Кстати:

Теперь я думаю, что незримая связь времён принесла и мне далёкий привет от Пушкина: от творческого талисмана, переданного прабабкой Николаю Алексеевичу, досталась мне малая толика. Это – как свет далёкой звезды. То мгновение, когда был этот бал, и прабабка Раевского Софья рассматривала поэта Пушкина, чтобы запечатлеть в своей памяти его образ навечно, высветилось мне 8 февраля 1984 года – когда взгляд Раевского скользнул и по мне тоже.

... Далее молодая сорокапятилетняя жена большого писателя-пушкиниста с увлечением рассказывала, как они с дочерью ездят на «Волге» на рынок, как собрались делать ремонт в квартире, как заказывали для Николая Алексеевича новые стеллажи. И эти стеллажи, и сам кабинет писателя чётко представились мне по Пушкину:

Всё было просто: пол дубовый,
Два шкафа, стол, диван пуховый...

Или:

Как женщин, он оставил книги,
И полку, с пыльной их семьёй,
Задёрнул траурной тафтой.

А Надежда Михайловна подробно рассказывала, что у писателя до сих пор полки задёргиваются ширмой, это пыльно, поэтому и нужны новые стеллажи с дверцами. Шкафов он не любит, потому что надо, чтобы книги были в один ряд... и т.д. и т.п. Всё это говорилось, как мне представляется, только с той целью, чтобы как-то раззадорить женщин в нашей редакции, подчеркнуть свою принадлежность к избранному классу и оправдать свой неравный во всех отношениях брак. А то, что брак был таковым, это видела даже я, тогда ещё молодая и неопытная в таких делах сотрудница. Надежда Михайловна тогда не произвела на меня впечатления особо одарённой интеллектом женщины, её суждения о Пушкине мне показались весьма заурядными, она даже не смогла по достоинству оценить работы такого интересного пушкиноведа, как Раевский, волею судьбы на старости лет оказавшегося её мужем. Более всего её занимали гонорарные ставки и планы будущих денежных трат, впрочем, как и многих других писательских жён.

Может быть, что я глубоко заблуждаюсь в своих суждениях в адрес вдовы Раевского (он умер, когда я жила уже в Воронеже, да и она тоже покинула наш мир: как мне недавно написала писательница Надежда Георгиевна Поведёнок, моя добрая алма-атинская знакомая, Надежда Михайловна умерла от рака года два тому назад). Очень может быть, что именно в ней Николай Алексеевич в конце жизни обрёл помощницу и понимающего друга, но впечатление от её посещений нашей редакции, а она не раз приходила, пока двухтомник был выпущен в свет, оказалось именно таким, как я описала. Что было, то было.

Когда занят ежедневно работой, когда почти ежедневно происходят интересные встречи, то недосуг особенно изучать биографии всех посетителей, даже если они писатели. К тому же по молодости мне казалось, что такая работа будет всегда, что это будни, текучка. Так надо ли особо отмечать каждый день. И тут, конечно, я сделала промашку. С Раевским надо было и пообщаться, и взять автограф. Ведь только потом, с годами, пришло понимание, что Николай Алексеевич сделал неопределимый вклад в науку о нашем великом поэте.

В то время мои коллеги это мало ценили. На него прежде всего смотрели как на бывшего белого офицера, который пошёл против Советов, да к тому же неизвестно где отсидевший войну. В то время каждый был комсомольцем или коммунистом. Теперь это смешно и глупо, а тогда никто не мог по-другому смотреть на писателя Раевского, как на человека с тёмным прошлым, отбывшего свой срок где-то в Сибири и поселённым навечно в Алма-Ату.

О нём нигде не писали. В Большом Советском энциклопедическом словаре есть Алла Борисовна Пугачёва, есть политработник, автор книги очерков «Уголь, железо и живые люди» Лариса Рейснер, но нет пушкиноведа Николая Алексеевича Раевского. К счастью, у меня оказался справочник «Писатели Казахстана». Да, Николай Алексеевич был членом Союза писателей СССР, куда его приняли в весьма преклонном возрасте. Только в 71 год он издал свою книгу «Если заговорят портреты», материал для которой собирал с 1934 года. В этом справочнике ничего особенно не разъясняют его составители. Родился, учился, защитился, написал... Только в предисловии к юбилейному двухтомнику Николаю Алексеевичу позволили написать о себе «почти всё». Наверное, исключительно из уважения к его почтенному возрасту. Ведь ему исполнялось тогда 90 лет. А он строил

планы на ближайшее десятилетие. «Если судьбе моей будет угодно распорядиться так, что я доживу до ста лет, то буду, пожалуй, единственным русским писателем, достигнувшем столь почтенного возраста». Да, он пережил по возрасту даже Толстого. Умер на 94-м году в Алма-Ате, как мне представляется, на руках у Надежды Михайловны. Олег Карпухин, опубликовавший свой очерк о писателе в журнале «Наше наследие», сокрушался: «Чем глубже я вникал в эту долгую и удивительную жизнь, тем больше печалился тому, что нет книги об этой жизни... В судьбе этой, между тем, есть всё, чтобы на её основе воссоздать, без преувеличения, историю двадцатого века со всем блеском, трагедиями, величием, потерями и обретенными».

Только одно хронологическое описание событий его жизни займёт немало времени.

1894 год – рождение в семье судебного следователя первого сына Николая в городе Вытегре Вологодской области.

В 1913 году в Каменец-Подольске закончил гимназию и поступил на естественный факультет в Петербургский университет. Два года он учился и увлечённо занимался лепидоптерологией – разделом энтомологии о бабочках. Начавшаяся первая мировая война изменила планы на будущее. Николай Алексеевич оставил любимое занятие и учёбу в университете и поступил в Михайловское артиллерийское училище. В ноябре 1915 года закончил его, получив чин подпоручика, а летом 1916 года участвовал в знаменитом брусиловском прорыве. Осенью этого же года уже поручик Раевский в Карпатах командует 25 пушками, хотя самому ещё 22 года.

Дальше наступает момент истины. В мае 1918 года вся семья Раевских собирается вместе. В последний раз все вместе. Брат Дмитрий ушёл в Красную Армию. Николай встал под белые знамёна.

В 1920 году капитан Раевский с остатками разбитой армии барона Врангеля покидает Россию. Жил в Греции, Болгарии, а потом надолго переселился в Чехию. Уже в тридцать лет он решает продолжить своё занятие бабочками и поступает в Карлов университет в Праге, где с увлечением разрабатывает свою научную теорию. Не имея гражданства и оказавшись лицом без подданства, он совсем не имел шансов получить работу. Поэтому параллельно с учёбой в Карловом университете он посещал курс литературной секции Французского института, сочтя, что хорошее знание французского языка ему ещё пригодится. И после его окончания получает возможность на месяц съездить в Париж.

Пушкин пришёл в его жизнь неожиданно. Занимаясь в библиотеке своими научными изысканиями по биологии, он получил книгу Модзалевских с новым изданием писем Пушкина. Это произошло случайно. Потом он всю ночь читал письма. А после мысленно не раз обращался к ним. Стал искать время для занятий в библиотеке уже темой Пушкина. Ну а дальше, наверное, каждый, кто сидит в этом зале, знает, как это бывает, когда с головой погружаешься в изучение жизни и творчества любимого поэта.

Даже когда в 1930 году Раевский, приняв академическую присягу, получил диплом доктора естественных наук, это уже не имело для него того первоначального смысла. Отказавшись вновь засесть за микроскоп и оставив место в лаборатории, он сказал себе: «Довольно зоологии, да здравствует Пушкин!».

Вначале это была разработка темы «Пушкин и война». Опираясь на статью Михневича «Пушкин – как военный писатель», он делал свои открытия. Хотя по сути подобных работ в пушкинистике ещё долго не было. Оставив свою должность в лаборатории, Николай Алексеевич вынужден был искать средства для жизни. Тут и пригодились ему знания языков. Он занялся переводами для научных журналов с чешского на французский. Для Пушкина времени почти не оставалось. Но тема «Пушкин и война» всё же была озвучена. К

печальной дате 100-летия гибели поэта Раевский решился сделать двухчасовой доклад перед очень небольшой, но вполне компетентной аудиторией.

Здесь нельзя пройти мимо такого факта в жизни Раевского, как его знакомство с Владимиром Набоковым. Крупный писатель Русского зарубежья также в своё время увлекался бабочками. Какое-то время он заведовал отделом насекомых в одном из американских университетов и опубликовал несколько научных статей. Раевский любил его повесть «Пильграм» об учёном-энтомологе.

«Нет на свете большей улады, чем занятия литературой и ловля бабочек», – это изречение принадлежит именно Набокову.

Кстати:

Как-то Николай Алексеевич решил показать Набокову выставку художника Зарецкого «Пушкин и его время». Они отправились в Пражскую публичную библиотеку. Увидев портрет баронессы Вревской, Раевский вспомнил, что Пушкин называл Зизи Вульф – в замужестве Вревскую «кристаллом души» своей. На портрете же была изображена полная большая женщина в возрасте. На что Набоков сказал:

– Теперь это не кристалл, а целый сталактит.

«В жизни Пушкина малозначительного нет», – так всегда считал Раевский и постоянно расширял поле своих изысканий в пушкинистике. В 1934 году он стал искать потомков Александры Николаевны, сестры жены Пушкина. И только в 1938 году обнаружил их родовой замок в Бродзянах. Побывал там. Потом хотел туда съездить ещё, так же как и в Теплице, родовое гнездо Долли Фикельмон, но война смешала все планы. Его даже арестовало гестапо как русского, небезопасного для немцев. Через два месяца он был отпущен с подпиской о невыезде. Всю войну он занимался темой «Пушкин в Эрзрумском походе» и практически написал монографию. Но потом все его материалы были утеряны во время боевых действий в Праге. 13 мая 1945 года его арестовали снова, но теперь это были советские власти. 5 лет исправительно-трудовых лагерей и 3 года поражения в правах. Работа для него нашлась только в Минусинске, где ему пригодились познания в биологии. Там он работал в клиничко-диагностической лаборатории местной больницы.

В 1961 году Алма-Ата становится третьим родным городом для Николая Алексеевича Раевского. Здесь он и жил, работал библиографом и переводчиком в республиканском институте клинической и экспериментальной хирургии до семидесяти лет. В Алма-Ате выпустил свои книги в издательстве «Жазушы». В Алма-Ате в 1989 году закончился этот трудный, насыщенный событиями и встречами жизненный путь.

Кстати:

Нетрудно заметить, что эта моя глава резко отличается от всех, имеющих в этой книге. Но что теперь поделаешь: была возможность лично побеседовать с Николаем Алексеевичем Раевским – не на сто процентов исполнимая, но всё же возможность, и я, вследствие своей нерасторопности, лени, неопытности, глупости – не знаю, чего – я упустила её. А ведь могла бы иметь свой, как теперь говорят, эксклюзивный материал. И когда я готовила выступление в клубе пушкинистов года два тому назад, то пришлось использовать чужие строки. Думаю, что можно мне простить этот пересказ, поскольку материалов о Николае Алексеевиче до обидного мало. Как я полагаю, у него не осталось прямых наследников. И жена его умерла. И теперь уже, смотрю, появляются и переиздания его книг. Наверное, авторское право при этом уже трудно нарушить.

Окончание в следующем номере.

Владислав ВЛАДИМИРОВ

ОГЛЯНИСЬ НЕ В ДОСАДЕ

Ещё раз о том, что такое Целина

Из прошлого – близкого и далёкого

(Продолжение. Начало в № № 1, 2 за 2013 г.)

Сам помню, как вечерами даже в Алма-Ате опустели театры, кинотеатры, концертные залы, клубы. Люди боялись выходить из дома. А посему распоряжением тогдашнего первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Пономаренко главные и окраинные улицы стали патрулировать войска и курсанты военных училищ.

Порядок был восстановлен быстро и – повсюду.

Однако дослушаем Бельгера: «Но аул был уже не тот...

Да, посевные площади увеличивались из года в год, росли урожаи, поднимались трудовые показатели, строились добротные дома, культурные объекты, жизнь стала динамичнее, напористой, степь пробудилась от рокота моторов, прокладывались дороги, обновился мост в райцентр – всё так. Но аул уходил за горизонт, таял, исчезал».

Однако только лишь Целина стала причиной прогрессирующего исчезновения аула?

Нет, не только.

«... фундамент, заложенный предками казахов, вся психо-физическая структура казахского аула, как воплощение народной нравственности, традиций, культуры, быта, сохранились в той или иной мере до недавних дней.

И вот парадокс: окончательный крах аула произошёл с приобретением Казахстаном политической независимости. К досаде и великому сожалению, это так.

Заброшенный, ненужный, забытый, преданный всеми, униженный, обескровленный аул чах быстро и непоправимо, безработная молодёжь, почувствовав надвигающуюся катастрофу, подавалась в город, устраивая, как получится, свою судьбу. За ней, продав всё, потянулись старики. Заколачивались окна-двери, бросались дома, спасались кто как мог от бесперспективности, безнадежды, безработицы, пьянства, воровства, дикости и распущенности, грабежа, произвола, подавленности, заброшенности.

Власть всё это видела, знала, но и она оказалась бессильна спасти аул, ибо её душили другие безотлагательные, повседневные проблемы. Надо было любой ценой отстоять независимость. Чью? Для кого?! Надо было строить новое государство. Надо было перед цивилизованным миром держать марку, не ударять лицом в грязь, пускать цветные пузыри. И жертвой пал аул. То, что, в сущности, искони представляло основу Казахии. То, что питало, поддерживало, обогащало, кормило, облагораживало страну.

Жертвы оказались вообще неисчислимы. Фанфары фанфарами, но всё же позволю себе здесь ограничиться одним лишь фактом. Зачем мне распространяться о том, что и так все знают и видят?».

См.: Герольд Бельгер. «В тёмный час перед рассветом». – «Білім» («Знание»), Алматы, 2003, с. 18-19.

И далее бескомпромиссно-жесткий в своей правде Бельгер ссылается на конкретные данные: «За десять лет независимости численность населения республики сократилась с 17 миллионов до 14 миллионов 995 тысяч человек. Заметно снизились за этот период и экономические показатели. Например, добыча угля – от 131 до 69,6 миллиона тонн, железной руды – от 47,1 до 7,8 миллиона тонн, посевные площади – от 35 182 тысяч до 15 169 тысяч гектаров, зерно – от 28,5 до 6,4 миллиона тонн, поголовье крупного рогатого скота – от 9,8 до 3,9 миллиона голов».

Эти отнюдь не одухотворяющие цифры – не с потолка.

Их Бельгер взял из газеты «Известия» от 12 января 2001 года – довольно объективного издания братской России – настолько сразу же после схода СССР с исторической арены *братской*, что у плотно окружавших её хронически поддатого президента Ельцина прожжённых дельцов и прохвостов (типа гнусавого Шохина и прочих политических авантюристов) тогда вполне хватило отваги и мужества скинуть в Казахстан, как я уже заметил выше, тонны *деревянных* рублей и храбро оставить его наедине с архисложной ситуацией.

О её роковом драматизме с исчерпывающей полнотой и откровенностью уже давно и справедливо сказано Первым Президентом Казахстана, прежде всего в книге «На пороге XXI-го века» («Онер» («Искусство»), Алматы, 1996, с. 144-147).

Но даже в столь трагической обстановке у истинных казахстанцев не опустили руки. На глазах всего мира, изумлённого их стойкостью, у них оказалось достаточно решимости, умения и сил для преодоления, казалось бы безудержной, стихии экономического регресса и деградации, пожалуй, даже не сравнимых (в условно-сопоставимых масштабах) с пагубными последствиями Второй мировой войны.

Не сразу, а постепенно, но всё же дошёл черёд на государственном уровне и до возрождения казахского аула: 2003-2005 годы были объявлены Президентом *годами аула*, призванными в корне преобразить положение. Отныне и в обозримом будущем казахский аул у государства не остаётся сиротой.

Что же касается ретроспективного взгляда на изначальный период освоения Целины, то и тут Бельгер честно констатировал: «К счастью, продилася эта вакханалия недолго. Схлынула мутная волна...».

Верховодства криминальной стихии не получилось.

Целина отвергла не только всяческое отребье и сброд, но и людей малодушных и своекорыстных. Произошли своего рода *естественный отбор и селекция*, в результате чего на Целине остались в основном люди с самыми серьёзными намерениями – на первых порах избавить свою громадную страну от слишком явственной угрозы грядущего бесхлебья.

Хлебных карточек к середине 50-х годов уже давно не было, но и не было никаких намёков на становившееся при Сталине уже традиционным регулярное снижение государственных розничных цен. Очереди за хлебом, мукой, крупами, не говоря уже о говядине, баранине, свинине, по всем городам и весям вновь становились устойчивым бытом. В эти очереди становились с самого утра. Народная молва окрестила сельмаги (сельские магазины) *сельмагами* – в них можно было беструдно отовариться только лишь солью, барнаульскими спичками и желудёвым кофе.

Но вот диковинный парадокс тех лет: в городах полки магазинов, в особенности гастрономов, сплошь были уставлены бесчисленными пирамидами аккуратных консервных банок с крупной позолочённой надписью «СНАТКА» и клешнистым изображением красного камчатского краба, а по соседству, как дрова, лежали круглые палки сухих копчёных колбас, и – представить сейчас фантастично – никто не смотрел ни на них, ни на крабов. Там же натуральной красной лососёвой икрой, лоснившейся на маслянистых тугими ядрышками, торговали вразвес из плотно окольцованных железными обручами толстеньких, аккуратно обструганных жёлтых бочоночков, которых в каждом магазинном дворе было навалом. Но люди спрашивали, когда будут *давать* (не *продавать*, а *давать* – цены-то были мизерными) творог, молоко и куриные яйца, не получили ли растительное масло.

Иногда под утро на задворки торговых точек завозили сильно замороженные груды красно-белых туш наскоро разделанных сайгаков. Пока их сгружали с грузовиков, тут же моментально образовывалась громадная очередица жаждущих унести с собой пару килограммов (больше в одни руки *не давали*) степного *деликатеса*. Приготовленный на керосинке или электроплитке, а то и в обычной печи (газа тогда и впомяне не было), по вкусу этот *деликатес* очень смахивал на хорошо вываренные резиновые калоши.

В очереди люди постарше нередко добром вспоминали военные годы и тогдашнего наркома торговли – умного и расторопного Ильяса Омаровича Омарова. Очень хвалили его за то, что способствовал регулярным завозам в Алма-Ату больших партий крупных черепах. Их распределяли по детским учреждениям, творческим союзам, но кое-что попадало и на предприятия через ОРСы – отделы рабочего снабжения. Спорили, чуть ли не до хрипоты, уточняя – то ли Омаров завозил черепах из Приаралья, то ли из Туркмении, то ли даже из Ирана, где всю войну вместе с британскими размещались и советские войска. Но быстро сходились лишь в одном мнении: варёные черепахи были несравненно вкуснее сайгаков, очень напоминали курятину, а иные – даже ягнятину.

Но где она была, эта ягнятина?

Разве что на самых дальних животноводческих отгонах да на банкетных столах высокой партсовноменклатуры, госбюрократии, армейских начальников и дипломатов.

На городских же рынках к баранине, говядине, свинине нельзя было подступиться. Хотя попытки регулировать и там розничные цены не переводились – от Москвы до Бреста и от Бреста до Сахалина.

Так это ли главная формула Целины?

В заголовке своей статьи в 12-м номере союзного журнала «Овцеводство» за 1958 год Кунаев утверждал: «Казахстан будет иметь 75 миллионов овец!».

Хрущёв в своё время поднимал планку ещё выше и фантастичней – 100 миллионов.

Однако эти благие намерения и принятые в их канве официальные постановления, распоряжения, указания и т.п. никак не подкреплялись достаточными финансовыми вложениями. Пропагандистский энтузиазм не мог заменить материально-экономических рычагов. Двинувшая было снова в животноводство молодёжь покидала отрасль. Не помогали ни шумные слёты молодых чабанов, ни снятые на заграничной плёнке под личным контролем Кунаева и Бюро ЦК цветные фильмы типа «Животноводство Казахстана», которые показывали часто наезжавшим в республику заморским визитёрам.

Конечно, реальная ситуация в животноводстве не была столь гибельной, какой её мрачно обрисовали воскресшие в период *горбостройки* и после неё противники освоения Целины. Животноводство Казахстана не рухнуло и не топталось на месте. Оно развивалось внушительно, однако не так быстро, как требовалось, хотя в каждой области, в каждом районе множились (так их называл Хрущёв) *маяки* – наиболее передовые хозяйства по производству мяса, молока, шерсти, яиц с толковыми руководителями и слаженными трудовыми коллективами. Споры нет, Целина сама себя животноводческой продукцией, не говоря уже о зерне, обеспечивала с лихвой, но невероятно громадные поставки в общесоюзный фонд, Москве и Ленинграду, пяти военным округам подсекали продовольственное снабжение самой республики, готовой оказаться в известном положении сапожника, который сам без сапог.

К тому же не зевали и соседи: по северным областям – из братской России, по южным – из не менее братских Киргизии и Узбекистана шастали вереницы рефрижераторов и грузовиков, увозивших из Казахстана всё, что в них помещалось – оптом скупленные расторопными заготовителями мясные туши, битую птицу, сливочное масло, мешки с мукой, гречкой, рисом, фасолью, горохом, сахаром, ящички с винами и водкой, конфетами, печеньем...

Однажды Д.А., получив очередную информацию об этом, молвил высоким чином республиканского Министерства внутренних дел: «У нас с вами не было свыше такого приказа, чтоб до упора снабжать наших дорогих соседей».

На какой-то срок опустошительные рейды сокращались, но потом возобновлялись с прежней интенсивностью.

И всё же главная причина была отнюдь не в этих набегах, а в том, что во всей Целинной Эпопее – я эту формулу никому не навязываю, но сам полагаю именно так: почти на каждый её большой или малый *плюс* приходился такой же большой или малый *минус*.

И что же, это монополия, единственная прерогатива только лишь целинной экономики или любой другой?

Увы, это более чем извечная практика любой экономики, какой её ни назови – феодальной, социалистической или же (как сами более чем впечатляюще видим сейчас) рыночной (капиталистической).

И разноотраслевая экономика Казахской Целины (как помним: само понятие *экономика* восходит к греческому *oikonomike*, что буквально означает *искусство ведения домашнего очага, хозяйства*) особо отточенным искусством, к сожалению, долго (вплоть до 70-х годов) не блистала ни в домашнем, ни в общественно-государственном её вариантах.

Многое в экономике зачастую двигалось рывками, очень круто и размашисто, с контрастно-переменчивыми перепадами, как на громадных алтынбаканах (качелях) или в лётно-пилотажной зоне – *вверх-вниз, спад-подъём, голова-ноги...*

Но со временем всё-таки налаживалось и – довольно прочно.

Опытными мастерами-наладчиками в этом колоссально сложном деле в разное время под волей и рукой Пономаренко, Брежнева, Кунаева были знающие специалисты-аграрии, опытные аппаратчики ЦК Компартии Казахстана – такие, например, как (в разное время) заведующие его сельскохозяйственным отделом Юрий Михайлович Бурлаков, Александр Петрович Рыбников, Эдуард Семёнович Карбовский...

Или второй секретарь ЦК Компартии Казахстана Валентин Карпович Месяц – фигура во всех отношениях колоритная, влиятельная и безусловно положительная. Даже если и появилась с возвращением Месяца в родную Москву и назначением его там министром сельского хозяйства СССР не лишённая язвительности ремарка завистливых номенклатурных острословов: «*Одним Месяцем сельского хозяйства в СССР не поправишь*».

Или министр сельского хозяйства республики Михаил Георгиевич Моторико, в прошлом директор Кустанайского конезавода, потом первый секретарь одного из райкомов партии, затем председатель Кустанайского облисполкома, зампред Совмина республики.

Много доброго для Казахской Целины сделал на всех своих ответственных постах исключительно деловой и работоспособный Николай Михайлович Макиевский. Как *дважды* проработавший в аппарате Президиума Верховного Совета Казахской ССР, я хорошо помню: в Верховный Совет республики Макиевский традиционно избирался по 237-му округу в Кокчетавской области, где проявлял себя исключительно деятельным депутатом, истинным *слугой народа*. В ранге министра строительства предприятий тяжёлой индустрии, он отменно руководил сооружением многих жизненно важных целинных объектов, умело курировал в правительстве республики (уже как вице-премьер) всегда сложную и хлопотную сферу строительства.

О многих заведующих отделами ЦК, первых секретарях обкомов, председателях облисполкомов, министрах, председателях комитетов я уже не говорю. Кунаев пофамильно упомянул, воздав им должное, в своих воспоминательных книгах «О моём времени» и «От Сталина до Горбачёва».

Естественно, далеко не все *зигзаги судьбы* многих из них, последовавшие в фарватере крутых социально-общественных метаморфоз, могли быть предвидимы даже проницательным Димашем Ахмедовичем.

Честное слово, не знаю, как отнёсся бы он к весьма примечательному перевоплощению того же Макиевского – Николай Михайлович в свои 63 года, в аккурат к 50-летию Целины, принял духовный сан и стал *отцом Николаем* для всех прихожан Свято-Вознесенского храма в южной столице республики.

Быть может, вспомнил бы Д.А. Льва Николаевича Толстого, которого почитал безмерно – нашло же на гениального графа в конце концов необыкновенное по своей ясности просветление: «То, что прежде казалось мне хорошо, показалось дурно, и то, что прежде казалось дурно, показалось хорошо. Со мной случилось то, что случается с человеком, который вышел за делом и вдруг дорогой решил, что дело это ему совсем не нужно, – и повернул домой. И всё, что было справа, – стало слева, и всё, что было слева, – стало справа».

Не знаю, не знаю.

Однако предполагаю: наверняка порадовался бы Димаш Ахмедович и за Николая Михайловича, и за всю православную церковь в Казахстане, ибо мир ещё никогда не становился хуже оттого, что кто-то в нём, дабы придать жизни высший смысл, наполнил своё сердце мудростью любви ко всему сущему и обратился к новой жизни; наша же церковь, обретая в лице Макиевского своего нового служителя, теперь становилась безусловно крепче в бескорыстном расчёте и на его бесценный социально-экономический опыт. Но вот жаль, что Димаш Ахмедович об этом уже никогда не проведает.

Никто из кадровой обоймы ЦК, как и сам Д.А., не числил себя в ангелах. Очень удивил иных святош и ханжей, например, тот же Моторико, взяв в жёны свою секретаршу после безвременной кончины своей законной супруги. Да и самому Михаилу Георгиевичу крепко не повезло: попал в автомобильную катастрофу, не только разбил очки, но и весь перекалечился, чуть было не угодил на Тот Свет.

Но, видимо, Всевышний простил ему грандиозно-затяжное сражение с Казахским академическим театром драмы имени Ауэзова по изъятию из репертуара (изничтожению) пьесы известного казахского литератора Акима Тарази “Везучий Букен”, якобы яростно окарικатурировавшей ситуацию на селе, а заодно и всю распрекрасную советскую действительность. По “Букену” выходило: если ты делаешь всё по инструкциям, то идёшь тогда по миру от своей дурацкой честности; а если ты обходишь эти инструкции, то по тебе плачет тюряга. Воюя с крамольной постановкой, министр, между прочим, не забыл официально запросить Министерство культуры республики (об этом мне поведал заместитель министра культуры Исаак Иванович Попов) для передачи Минсельхозу в *служебное пользование* переписки Екатерины Великой, альбомов “Великая Отечественная война 1812 года”, дневников Николая Второго и т.п.

Втянули в этот демагогически-занудный хоровод даже Кунаева, но от очередной крупной виктории над правдой, театром, постановкой и драматургом – дела в животноводстве лучше не стали.

Поправлять их надо было другими способами.

Но, право, только не прочувствованно-казёнными *открытыми обращениями*, сварганенными на столах партийных чиновников, в редакциях областных и республиканских газет. Такие дежурные, ложно-пафосные *обращения* выпекались чуть ли не семь раз на неделе. Никто их, кроме творцов, машинисток и полиграфистов, не читал.

Не помогали тут стриптизно-откровенные *закрытые* Письма ЦК КПСС, насылаемые Черненко по всем партийным инстанциям и затем читаемые коммунистам в аудиториях, свободных от беспартийных *товарищей*, ни даже тревожные *Записки* самого Брежнева в Политбюро и уж тем более мёртворождённые *почины* типа «*Ни одного отстающего рядом!*», от которых Кунаева воротило, как от прокисшей капусты: «Ну скажите на милость, как же может быть отстающий рядом, если он плетётся позади? А если он рядом, тогда он вовсе никакой не отстающий! – возмутился Д. А. бюрократическим творчеством Карагандинского обкома. – Пусть лучше пораскинут мозгами, если таковые у них остались, как по-настоящему заинтересовать людей! Где у них материальные стимулы? Неужели не понятно, что без полновесного рубля всё это колокольный звон в пользу Иисуса Христа! Даже на Кавказе говорят: “Сухой спасэбо в горло нэ лэзет!”.

И всё-таки тут не совсем он был прав.

Рубль рублём, но не только длинного рубля ради сбивчиво, но тем не менее всё увереннее набирая желанную стабильность, горячо трудилась Казахстанская Целина и её лучшие люди, о чём ещё будет черёд сказать особо.

А пока – о другом, о чём ещё, пожалуй, мало где говорили.

Молчишь, Пентагон?

Странно-закономерная цикличность в перманентных нашествиях катастрофических бед, с невероятной щедростью вываливаемых на Целину *небесной канцелярией*, всё ещё ждёт своего вдумчивого исследователя. И он, семи пядей во лбу, оснащённый самой точной эмпирикой и эффективными методами научного анализа, видимо, сможет прийти к каким-то убедительным, железно проаргументированным выводам и заключениям, но только не к открытию лично для меня *непреложного* факта, сообщённого Д.А. уже на исходе его многотрудного земного круга.

А всё дело-то сколь просто, столь и, скажем так, мерзко.

Любой общественно-государственный строй при своих хронических неудачах горазд лепить безустальный образ коварного внутреннего или внешнего врага (а чаще их вместе), чтобы видеть в нём (в них) главный источник всех своих бед.

Советскому строю изначально не на выдуманных, а на самых реальных оппонентов всех мастей и оттенков повезло самым невероятным образом.

Это общеизвестно.

Их обилие, но уже с помощью конвейерной выделки партийным, армейским начальством (низами – тоже), органами ОГПУ/НКВД/МГБ *врагов народа* олигофренически приумножилось в мрачные периоды внутривнутрипартийных разборок. Но вот эти разборки сгинули, однако их логика и диагностированные ими заклятые недруги, прежде всего внешние, пооставались на своих местах и почти в прежних количествах.

Поэтому-то, несмотря на всю ясную мне непреложность факта, сообщённого Д.А., коррекция (поправка) читателя на здравый смысл просто необходима.

Это сейчас.

А в лишь недавно минувшую эру гигантского противоборства двух диаметрально противоположных систем здравый смысл для них обеих в большей части их отношений был элементарной обузой и непозволительной роскошью. Хотя и выпадали изумительные годы общечеловеческого единения т.н. западных демократий и т.н. кремлёвского тоталитаризма, например, в совместной борьбе против гитлеризма и всех разновидностей международного фашизма.

Но когда интенсивно осваивалась советская Целина, такого единения уже давным-давно не было. Да зачем оно понадобилось бы западным демократиям (а заодно и восточным деспотиям), если и те и другие даже во сне видели крах ненавистной им советской системы? Спалить её в ядерном огне, как это вполне предметно предусматривалось проектом «Дропшот» («Уложить наповал») и другими людоедскими планами Пентагона, уже было невозможно, поскольку гореть с нею вместе никому не хотелось ни в Белом доме, ни на берегах Потомака и Темзы.

А вот экономически и психологически измотать её – в самый раз. И Целина для этих остро и точно заточенных намерений стала стратегической мишенью № 1.

Поэтому-то и все приличные дела на ней уверенно налаживались до тех пор, пока её поступательное движение опять не перешибалось каким-либо трудно угадываемым, почти не прогнозируемым, но дьявольским взбрыком молча затеянной Западом **МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ**.

Такая *глобальная* (в масштабе Земшара) *война* была запущена в действие сразу же вслед за Карибским кризисом в 60-х годах XX-го века – по сверхсекретным планам североамериканской и НАТОвской военщины в добавление к уже активно полыхавшим на Земле войнам – холодным и горячим, локальным, идеологическим, психологическим et cetera.

Как в своё время объяснял Кунаеву достопочтенный Юрий Владимирович Андропов (с ним Д.А. связывало многолетнее и глубокое дружество), эта негласная *метеовойна* своим остриём была направлена против СССР и его восточноевропейских союзников, а также против – на расистском языке тайного агрессора – *жёлтой и чёрной опасности* в лице Китайской Народной Республики, Северной Кореи, Вьетнама, Камбоджи, Лаоса, Эфиопии, Анголы, других государств Азии и Африки, сбросивших ярмо евроазиатского колониализма и североамериканского неоколониализма.

Для точной практической результативности своих замыслов устроителями невиданной мизантропической акции была тщательно изучена вся неодавняя история опустошительных засух (недородов) на территориях Центральной России и Украины, Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, других регионов СССР.

Свой же огромный континент, тоже чувствительный к ударам природных стихий, заправили адской диверсии под прицел *метеовойны* не ставили, хотя уже тогда бельмом на глазу у них была не только Куба, но и другие симпатизирующие Фиделю Кастро государства Нового Света. С Кубы же и в особенности с многострадального Вьетнама вполне хватало *химической войны* и дьявольских бомбардировок, вбивавших, по самодовольным словам *ястребов* Пентагона и Конгресса США, Вьетнам *в каменный век*.

Тогдашнее отставание космических программ США от аналогичных советских ничуть не мешали Пентагону *снайперски* (именно так мнилось его стратегам) дырять по своим «ювелирным» разработкам самые верхние части земной атмосферы, искусственно влияя на расположенный на высоте 20-25 километров слой озона, который предохраняет живые организмы на всей площади планеты от вредоносного коротковолнового излучения (солнечной радиации).

Тогда эта необъявленная *метеовойна* прицельно била по всей громаде земельных площадей СССР, по его посевам и пастбищам, прежде всего, по целинным территориям то сериями небывалых засух, то избыточным многоводьем, то помесью крупного града и снежных зарядов, чёрных бурь и опустошительных суховеев.

Синоптическую *зимолетопись* той поры читать и поныне жутко. По данным многолетних климатических реестров, на Казахской Целине фиксировалось не более 50 спокойно-безветренных дней. Стратеги необъявленной войны решили, что и этого для СССР слишком много, обильно попотчевав целинные земли штормовыми ветрами, затяжными метелями, буранами, кислотными ливнями.

«Всё пережила наша целинная земля: и пыльные бури, и уродливые плешины эрозии, и страшные засухи, и снежные заносы на необрунных хлебных полях, и непрекращающиеся дожди в разгар жатвы. Пыльные бури окутывали пашню крошечной тьмой. В первую засуху хлеборобы не вернули даже семян... Одним словом, терниста стезя к тому, чем нынче все мы гордимся», – писал незадолго до своей кончины один из самых смелых и преданных темат Целины её энтузиастов и знатоков – Вениамин Иванович Ларин.

См.: Вениамин Ларин. «ДиПкорпус. Думы о людях села. – “Жазушы”, Алма-Ата, 1983, с. 8; “Всенародный подвиг”. – “Простор”, 1984, № 2, с. 9.

А вот конкретные свидетельства уже знакомого нам Марка Павловича Николенко: «Май 1963 года целинники называли “чёрным”. Весенние штормы бушевали неделями. Шквальный ветер перемещал огромные массы земли, засекал побеги. Чёрные тучи пыли застилали небо, становилось темно, как при солнечном затмении, от пыли дышать было нечем.

Мы с главным агрономом выехали в поле, и пока осматривали посевы, машину нашу занесло выше колёс.

Тяжким оказался урон, нанесённый разбушевавшейся стихией. Бури оголили не защищённые стернёй поля, занесли мелкозёмом соседние массивы и дороги, засыпали кюветы. Богатство, которое природа накапливала десятками и сотнями лет, мы теряли за одни-двое суток...

С той недоброй весны главнейшей нашей заботой стала защита земли... Стихли фанфары вокруг пропашной. Чёрные бури заставили признать плоскорез. Не без борьбы плуг уступал ему всё большие и большие площади...».

Он же, Николенко, пояснял далее: «... идея бесплужной обработки не была навязана целинникам извне: мы шли ей навстречу через каждодневный опыт, который складывался не только из радостных побед, но и из жестоких поражений... Многие приёмы агротехники, механически перенесённые из западных районов страны в восточные, оказались тут непригодными... В ту пору Целина лоснилась тучным чернозёмом, и плодородная сила её казалась неисчерпаемой, а потому любые предостережения о возможной утрате плодородия звучали тогда по меньшей мере неуместно».

Зато *извне*, точнее – *сверху*, усердно и категорично навязывались в приказном порядке вещи, вполне играющие на руку зачинщикам *метеовойны* – именно так совершенно неожиданно для них их же самым усердным союзником оказалось бессмертное чудище партийно-советского бюрократизма и кондового безмыслия: «Целину захлестнул безудержный поток всевозможных рекомендаций, нередко противоречащих не только хлеборобскому опыту, но и обычной житейской логике. Слово агронома утратило всякий вес: мнения его не спрашивали и не считались с ним. Каждую весну хозяйства получали указания – сеять зерновые сверх плана. Монокультура вытесняла севообороты. Пары оказались под суровым запретом. Их объявили виновниками ветровой эрозии и стали называть пылевыми котлами».

См.: М.П. Николенко. «Поле Жизни. Записки целинника». – «Простор», 1984, № 2, с. 14-33.

Если Казахстанскую Целину терзали чёрные бури, то спутником многих пространств на Земле стала, на первый взгляд, совершенно безобидная аэрозольная дымка – отнюдь не сигнал ласкового привета от матери-природы.

Приятны ароматы лесов и полей, перенесённых воздушными течениями за сотни и даже тысячи вёрст. Лесными фиалками нашего Прионежья и Подмосковья пахнет высоко в небе над Африкой.

Или пахнет разрезанным кокосовым орехом над тундрой.

Тоже восхитительно.

Где поэты, которые бы сказали об этом?

Но воздушные течения, как река: что в неё ни кинь, всё понесёт – и венки цветов, и ведро навоза.

И воздушные течения переносят различные гадости, каковыми нашу маленькую планету снабжают отнюдь не марсиане. Следы пестицидов с нашей Целины находят в печени трески северных морей и в печени пингвинов Антарктиды.

Стоило мне упомянуть об этом в начале 80-х годов минувшего века в своей трилогии «Вернуться и ничего забыть», как эти строки немедленно повывлетали, решительно вычеркнутые карандашом бдительного цензора.

А взять те же индустриальные дымы в частицах сажи. Эти злые частицы внедряются в облака, и облака тотчас уменьшают свою отражательную способность. Замажьте чистое зеркало сапожной ваксой – примерно то же самое. Значит, опять изменяется теплообмен между Землёй и Космосом.

До чего же наивными были товарищи Ларин и Николенко!

Рассуждая о причинах катастрофических пыльных бурь на Целине, они были готовы находить их в чём угодно, но только не в том, в чём эти причины заключались истинно. Но и особенно упрекать ни Ларина, ни Николенко нельзя, ибо настоящие (синоптические) первопричины внезапных и труднопрогнозируемых перемещений гигантских воздушных масс на Целине, известные только московской группе членов высшего партийного ареопага (тогда Президиума ЦК КПСС), не докладывались Хрущёвым ни в его безразмерных выступлениях и речах по всей стране, ни на Пленумах ЦК, ни на сессиях Верховного Совета СССР и заседаниях его постоянных комиссий.

Никита Сергеевич всегда был готов разыграть в рискованных играх с США и очень ловко разыгрывал любую козырную карту – от временного сокрытия шпиона Пауэрса до ракетного Карибского кризиса, вмиг поставившего мир на грань необратимой термоядерной геенны.

В случае с Пауэрсом сообразительный Никита Сергеевич предложил своим подручным громче громкого объявить, что североамериканский пилот погиб вместе со сбитым в районе Свердловска его высотным самолётом-разведчиком «U-2». О том, что при этом одной из выпущенных по «U-2» ракет был уничтожен вместе с лётчиком ещё и советский истребитель-перехватчик, – молчок. В Штатах поверили, клюнули на эту приманку и выдали мировому сообществу свои оправдания: мол, пардон-с, заблудился несчастный Пауэрс, больше не повторится. А шпион на следующий же день неожиданно воскрес для публичного суда над ним.

Никита Сергеевич сорвал на этом солидный моральный выигрыш.

Но разыгрывать *метеорологическую* карту поостерегся.

Вопрос: почему?

Ответ: да потому, что Хрущёв прекрасно знал про вторую фазу этой жуткой необъявленной войны, которая непременно должна была *врезаться* по её зачинателям (зачинщикам). Вот когда бы это произошло, тогда и можно было бы ударить всей идеологической мощью по мировому империализму, опять показать ему загадочную для всех зарубежных переводчиков *мать Кузьмы*, так они интерпретировали излюбленную и знаменитую на весь мир лексему Хрущёва – показать буржуям *Кузькину мать*.

Его волюнтаристский (командный) стиль партийно-державного управления всей Целиной и её экономическими проблемами плюс всецелинная бестолковость первоначальной агротехники тоже стали союзниками НАТОвской *метеовойны*.

Особенно погибельной оказалась засуха 1963-1964 годов, когда Хрущёв, давно осточертевший Западу (и собственной стране), из-за колоссального недорода зерновых вынужден был создать специальную комиссию, которая всерьёз рассматривала вопросы возможного возвращения к пищевым (питерского колера) рецептурам самых трудных военных лет.

Собственно, именно этот катастрофический хлебный недород, колоссально приумноживший расходы СССР на зарубежные закупки зерна, и катапультировал (выбросил) на нескрываемую радость не только Кунаеву нашего дорогого Никиту Сергеевича из насиженного кресла Премьера и Первого секретаря ЦК КПСС.

Так и не удалось Хрущёву величаво отпраздновать знаменательное 10-летие своего первопартийного руководства. А он, этот славный юбилей, как тут ещё раз не вспомнить, уже был, что называется, на мази и готовились к нему повсеместно с тем самым несусветно-космическим размахом, на который в нашем любезном Отечестве завсегда были горазды при любых его правителях и управителях – будь то 300-летие Дома Романовых (1913), 100-летие со дня гибели Пушкина (1937), 800-летие Москвы (1947) или 70-летие Сталина (1949)...

Бескровное свержение Брежневым Хрущёва на памятном всем моим старшим современникам Пленуме ЦК КПСС 14 октября 1964 года – это тоже отнюдь не косвенный результат и одна из конкретных целей *метеовойны*, которая её отцам тогда ещё казалась управляемой. Неуправляемым без какой-либо *кажимости* был Хрущёв. И это, повторяю, не могло не надоесть всем, как внутри партии и страны, так и вне СССР и всего социалистического содружества.

И коль небъявленная *метеовойна* активно поспособствовала окончательной политической катапультиации Хрущёва и необратимому его переходу в мемуаристы и возделыватели томатов на подмосковной даче, то со своей нелёгкой стратегической задачей умные заокеанские заправилы всем сущим на планете в условиях биполярного противоборства справились тогда архиуспешно.

Все высшие государственные секреты (Белый дом США и североамериканские спецслужбы называют их *top-secrets*) от Хрущёва унаследовал Брежнев. Не менее дорогой для всех нас, чем Никита Сергеевич, и, пожалуй, даже поболее уважаемый – Леонид Ильич и раньше был их обладателем. При партийно-державном верховенстве Хрущёва на плечах Брежнева лежала вся та огромная ответственность, которую прежде нёсли при Сталине Лаврентий Павлович Берия и Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко – за практическое выполнение обширных, невероятно амбициозных, но в той ситуации жизненно-необходимых ядерных и космических программ СССР, опиравшихся на самые лучшие достижения отечественной и мировой науки и уверенное развитие многоотраслевой индустрии социалистической державы.

Однако словоохотливый в быту (и в толково сооружаемых для него лучшими речеписцами публичных выступлениях и партийных докладах) Брежнев оказался достойным преемником всех своих предшественников: о *метеовойне* принародно он, тоже, как и Хрущёв, не обмолвился ни словом, хотя она всю зажирала громаднейшие пространства.

Любая страна от столь чудовищных потрясений обнищала бы люто и непоправимо. Но только не советская сверхдержава с её закалённым народом, всегда готовым к любым, даже самым невероятным передрягам.

Вызвать опустошительный голод, а следом за ним экономическую деградацию и катастрофическое сокрушение Великой Советской Империи (падение Третьего Рима) и её союзников Штатам, их европейским и азиатским сателлитам по-прежнему не удавалось. В 70-х годах XX-го века жестокие засухи, раз за разом, снова жутко трепали сельскую экономику СССР. Доставалось и т.н. странам народной демократии. Как и раньше, были под прицелом Китайская Народная Республика, Северная Корея, Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Эфиопия, Ангола, другие несогласные с дядюшкой Сэмом государства Азии и Африки. Не забывали устроители *метеовойны* даже про крохотную Албанию.

Одним из немногих факторов, который даже в такой аховой ситуации более или менее уверенно спасал положение СССР, опять-таки была освоённая Целина. В целом по державе она хотя и не давала того, что рисовалось Ленину, Сталину, Кирову, Хрущёву, Пономаренко, Брежневу, Куняеву в радужных целинных планах, но тем не менее именно целинные урожаи, прежде всего казахстанские, а потом уже все остальные (в значительной степени на экстенсивной основе) позволяли Стране Советов не только сводить концы с концами, но и, несмотря на всю зыбкость экономической ситуации (в самооправдание был даже заимствован у Канады такой блок: *«Целина – зона рискованного земледелия»*), целенаправленно и неуклонно улучшать агротехнику, планировать будущие общесоюзные сборы зерна не вилами по воде, а, как говорится, на основе, максимально приближённой к строго научной.

А тем временем дальше приключилось то, что и должно было произойти. С годами и десятилетиями относительно точный прицел сатанинской *метеовойны* был сбит и получилось, как с острой бритвой, когда её владелец хватается не за ручку, а за лезвие.

Чреватые катастрофами нарушения в *биосфере*, в *экосистеме* всей планеты неизбежно потащили за собой мировые экономические, энергетические, финансовые, продовольственные и прочие кризисы, коих ныне в Европе и на прочих земных пространствах больше, чем у дурака махорки.

Сейчас, как видим, преступный бумеранг, безмозгло запущенный в слепой ярости к мировому коммунизму, уже всё чаще и бесприцельней бьёт по громадным площадям не экс-советской Целины и всего бывшего СССР, а по густо заселённым регионам самих же Штатов, других стран Нового и Старого Света.

Что посеешь, то пожнёшь?

В принципе – Да.

Посеяли вроде бы изначально послушный командам жгучий *прицельный* ветерок, пожинают никем и ничем не управляемые апокалипсически *опустошительные* бури.

Однако эта, так сказать, разновидность несколько запоздалого Божьего наказания пока ещё не есть подлинное возмездие. Есть все виды на то, что его грядущая, более мощная, чем ныне, эскалация не пощадит ни *ноосферы* (термин академика Вернадского) Запада, ни по отдельности и скопом его ни в чём не повинных людей, далёких от любой политики, безжалостно круша их налаженный быт, яростно сметая жилища, уничтожая посевы, отбирая жизни.

Подлинные же лиходеи-экспериментаторы в штатском и военных мундирах, в белых халатах учёных давно ушли (естественным путём: каждый – смертен) от наказания, почив в бозе с превеликим почётом, а иные даже попав в пантеон национальных героев. Их достойные преемники все катастрофические катаклизмы на планете, охотно поддерживая движения зелёных (синих, фиолетовых, серо-буро-малиновых и т.п.), усердно и доходчиво объясняют какими угодно причинами, но только не изначально-стартовыми, хладнокровно разработанными в прямом расчёте на экономическое, а затем и политическое сокрушение мирового коммунизма.

Очень сомневаюсь в том, что в скором времени История расставит все точки *над i* в этом всемирного масштаба умышленном чёрном злодействе.

Увы, наверняка ещё долго не расставит.

Это растяпистый выродок Гитлер со всеми своими ублюдками-пришпешниками не умел тщательно прятать концы (в воду или в костры), и потому-то состоялся справедливый Нюрнбергский процесс. Пусто не бывает не только *свято место*. Сменившие фюрера профессиональные маляки-мизантропы искусством политической мимикрии, обмана народов и *полной непричастности* к вселенскому Злу овладели в совершенстве и все, даже самые доказательные инвективы на свой счёт, безусловно, проведут по спасительной для них графе научной фантастики.

Они (в который раз!) попытаются доказать: корень всех нынешних и грядущих экологических бед так и не поумневшего рода людского не в *метеовойне* (для них такого понятия не существовало, и вслух это кошмарное слово обычно не произносится), а исключительно лишь в треклятых циклических вспышках магнитных бурь на Солнце, чья поверхность пышет адской жарницей, в сверхмощных выбросах солнечного вещества, активно порождающих геопатогенные зоны на Земле, едва ли не все деструктивные процессы на нашей планете, которую безжалостно атакует злое и беспощадное Светило! Но кто и когда преступно пооткрывал ему на Земле космические шлюзы, каковые закрыть если и удастся, то уж во всяком случае не после ближайшего дождичка в четверг, – об этом ведать покамест мало кому дано.

И вот то в одном, то в другом (обычно курортном) месте учёные представители землян и ведущие (куда ведущие?) политики собираются на многомудрые толковища о грядущих последствиях интенсивно меняющегося климата планеты. Проблемы глобального потепления, ускоренного

таяния ледников, чудовищного загрязнения окружающей среды не сходят с повесток дня всевозможных политических и научно-практических курултаев. В Японии даже принят так называемый *Киотский протокол (договор)* о квотах – *нормах* вредных выбросов в атмосферу каждой страной.

Подумать только: какие могут быть *нормы* в активно убыстряющейся процедуре самоуничтожения рода людского? Но, по мнению творцов договора, другого выхода нет: каждая страна, если хочет физически выживать в Третьем Тысячелетии, просто обязана сначала перейти хотя бы на эти *нормы*.

Чернила на Протоколе уже давно высохли.

Однако главный хозяин мировой экономики а, стало быть, мировой политики – дядюшка Сэм не спешает поставить свою подпись под этим Протоколом.

Кремль тоже не видит великого смысла в этой вроде бы насквозь альтруистической бумаге. При этом любому неискущённому человеку может показаться: Россия следует в фарватере глобального бихевиоризма (поведения) США покамест вынужденно – экономически она всё ещё не окрепла так, чтобы идти собственным путём.

Возможно, тут есть своя правда.

Однако – не вся. Ибо Россия (даже при всех своих пока ещё полностью не восполненных потерях) остаётся великой державой с огромным ядерным топором, и улыбчивый североамериканский Мировой Жандарм *volens volens* (волей-неволей) вынужден считаться с этим, а также с тем, что за Россией (и это вполне естественно) тянутся остальные государства постсоветского пространства.

Хотя и не все – иные из них уже в самом отказе от Киотского договора предпочитают идти не за Россией, а – за Штатами. Это, прежде всего, страны Прибалтики и Грузия, страсть как жаждущие любой ценой вступить в ЕЭС и НАТО.

Время от времени собираются международные конгрессы по изменению климата. Их участники старательно убаюкивают себя сладостными грёзами и надеждами на будущее, светлой верой в могущественное всеисилие науки и всё в тот же неистребимый, прежде общеимперский и вседержавный, а ныне всеЭСЭНГэвский *авось: Бог не даст, свинья не выест*.

Эти бесполезные говорильни уподобляются некоему Обществу содействия вращению Земли и диспутам учёных персонажей из сатирических творений Свифта, обсуждающих, как лучше выпаривать солнечный свет из огурцов, напоминают некогда популярные телевизионные сеансы коллективной психотерапии чудодея Кашпиоровского и его конкурента Чумака.

А наметни в Екатеринбурге, недавнем Свердловске, даже родилась теория о том, что грянувший после схода СССР с мировой арены небывалый кризис на всём вчерашне-советском пространстве даже явился небывалым благом.

А именно: в эти страшные для миллионов внезапно обнищавших людей годы простаивали десятки тысяч индустриальных гигантов, шахт, карьеров и прочих источников обильного загрязнения атмосферы и всей окружающей среды, а значит, среда эта стала несравненно чище.

Некий учёный (по имени Владимир Семёнович) рано поутру 9 октября 2003 года в пространной передаче североамериканского радио «Свобода» радостно и оптимистично оповестил всё, как прежде говорили, прогрессивное человечество о том, что со времени падения СССР сама «природа отдохнула от болезненных ситуаций» и что «наука не стоит на месте», а посему абсолютно нет никаких оснований впадать в минор и тем более – в панику.

27 октября 2003 года это всезнающее радио процитировало слова Президента Российской Федерации Путина, сказавшего (дословно) следующее: «Киотский договор превратился в ярмо для мировой экономики».

Затем Владимир Владимирович многозначительно добавил: «Ещё НЕ ИЗВЕСТНО, почему происходит потепление мирового климата».

Официально заявив именно так, а не иначе, весьма искушённый по части мировых *top-secret-ов* Президент России дал понять, что не только президенту США Бушу-младшему хорошо ведомо, откуда растут уши и ноги нынешней аховой ситуации с повсеместным распространением так называемого *парникового эффекта*.

Сказанное Путиным надо понимать так.

Истинные причины безрадостной картины и её творцы Кремлю хорошо и давным-давно известны.

Можно бы и поднять на этот счёт немалый пропагандистский шум, да только вот прок от него какой? А посему не грех, если мир останется пока в неведении. Однако зияющей брешки, образовавшейся за десятилетия, никакими бесполезными бумагами (вроде Киотского протокола) не заткнуть. Вселенский Апокалипсис способны предотвратить и предотвратят другие способы. Они у Кремля есть. Но их цена исключительно высока, а потому у России нет никакого желания использовать их сегодня, чтобы завтра самой остаться в проигрыше.

Однако при всём при том, если судить по (перспективному) большому счёту, Россия ничего не потеряет, если даже и подпишет Киотский протокол, на что прозрачно намекнул в ходе своего визита в Японию тогдашний российский премьер Касьянов.

Касьянов из премьеров убыл.

Киотский протокол остался.

В небе над Целиной. Все флаги в гости к нам

Как уже знаем, среднестатистический возраст людей на Казахстанской Целине в первые годы её освоения не превышал 24-х лет. Это потом она постепенно стала взрослеть, а тогда энергичная среда первооткрывателей стремительно выдвигала на самые беспокойные и ответственные места экономики и управления новые, прежде никому не известные кадры и

столь же быстро преображала прежние. Известного вечного конфликта поколений (хорошо выраженного ещё Тургеневым в контрастном сочетании понятий *отцы и дети*) как такового на Целине не было. Да и не могло быть хотя бы в силу проведения там (как и везде по стране) строго сбалансированной кадровой политики. Но зато повсюду возникала здоровая кадровая состязательность. Здоровая, прежде всего потому, что для всяческих интриг и подковёрных игр, присущих большим и малым кабинетам, обычно украшенным портретами генсека и членов Политбюро, места и времени просто-напросто не находилось.

Открытой (в самом буквальном смысле) всем ветрам Целине до этих интриг дела не было.

Любой результат труда того или иного работника, был ли этот работник в комбинезоне механизатора или при традиционной для любого райкомовца или райисполкомовца шляпе при галстукке – позитивный, негативный или же совсем никакой – всегда был на виду у всех, причём не на словах, а во всей своей конкретности. Тот, кто не выдерживал такой состязательности, скоренько вылетал из номенклатурной обоймы.

Димашу Ахмедовичу всё это было по душе.

Сам же он всегда приглядывался к людям и оценивал их не по возрасту, а по способностям. Хорошо помню, как он в своё время сказал о Назарбаеве: «Берём его в секретари, потому что порядочен, знающ, деловит. Рот ему варешкой не заткнёшь. А мне, сам знаешь, блюдолизы осточертели. С ним и поспорить можно. Пойдёт далеко, если не остановят. Но остановить я не дам».

Через год мы с Д.А. летели в самолёте на Кустанай. Командир корабля Андрианов вынес для Кунаева бланк со сводкой погоды по трассе.

Погодой Д.А., где бы ни был, интересовался беспрестанно.

Оттого я и назвал его в своей слегка зашифрованной трилогии «Вернуться и ничего не забыть» Непревзойдённым Синоптиком.

Тогда она ещё была не дописана, но я уже понимал, что те, кому она станет поперёк горла, спуску мне при первых же для них благоприятных ситуациях не дадут...

... Кунаев посмотрел на сводку, но не спросил ни про осадки, ни про ветер, ни про атмосферное давление. Обычно он тихо язви́л, если погода предрекала неурожай: «Вот хлеб не соберём, тогда что соберём? Тогда соберём пленум».

Но тут новый Миллиард наклёвывался определённо, и настроение было приподнятым. Д.А. облётывал все области, чтобы подкрутить хвосты тем, кто благодумствовал в видах доброго урожая. Ибо виды – это ещё не тот полновесный хлеб, что, как тогда говорили, – в закромах Родины.

Плотный Андрианов, как и все высокие люди, чуть сутулясь, удалился в кабину, а Д.А. спросил, отложив сводку и поглядывая в иллюминатор: «Ну а как тебе Нурсултан? Круто берёт?».

В интонации явно проскальзывала подсказка: *да, круто*. Ответа Д.А. не стал дожидать, заметил с укором: «Он так себе врагов наживёт ещё и ещё».

«У кого их нет?».

«Это правда».

«Потомственных тупиц не жалует он. Дегенератов. Мерзавцев...».

«Ага, ты хочешь сказать, что я их жалую?».

«Я говорю про то, о чём вопрос».

«Вот и правильно, – легко согласился Кунаев. – Мне доложили, будто он ребячился на боевых учениях. Брал ножи у десантников и метал их в цель. Ты был там. Ты тоже метал?».

Он спросил, а мне вмиг припомнились эти самые учения.

Мчал я на них с двумя бывальыми фронтовиками – заведующим отделом административных органов ЦК (и силовых структур) Анатолием Фёдоровичем Шаловым и помощником Д.А. по ГО (гражданской обороне – остряки сокращённо именовали её *ГрОбом*) Ишаном Избасаровым.

Секретари ЦК добирались отдельно и позже нас.

Мы же мчали несколько десятков километров по льдисто-накатанной дороге, а потом, как в детективе, появился над мелкосопочником зелёный вертолёт в камуфляжных разводьях с крупным номером на борту, застрекотал, зависая прямо над нами, затем, вздымая снежную крошку, приземлился у дороги на ровное место, распахнулась овальная дверца, и мы пересели в его наполненное моторным гулом и лёгкой вибрацией чрево, наблюдая за тремя чабанами, которые перегоняли куда-то по холоду большую отару овец и застыли, оторопелые, от столь кинематографического видения.

Шалов, перекрывая дробный рокот двигателя, назвал нам совхоз, к которому были приписаны чабаны и отара – Анатолий Фёдорович эти места знал как пять своих пальцев, потому что после демобилизации из армии проработал не один послевоенный год, казахский язык тоже здесь же освоил досконально.

Вертолёт круто пошёл вверх. Летели на высоте метров двести, не больше. Машину чуть-чуть водило из стороны в сторону и потряхивало. Всё, что было положено видеть с воздуха, было видно на белой от снега равнине – а в самом салоне на перегородке, разделяющей его с экипажем, висел тоже зимний пейзаж, аккуратно зарамленный: на краю леса белые берёзки по колено в снегу. Пара больших термосов под столиком, а на столике десяток книжек, перехваченных амортизационной резинкой: не дремала политработа, книжки выглядели зачитанными – ленинский трёхтомник, сборники, уставы...

И вот тут меня осенило: так это же вертолёт командующего войсками Краснознамённого Среднеазиатского военного округа. Им тогда был генерал армии, будущий Маршал Советского Союза и министр обороны СССР Дмитрий Тимофеевич Язов, насколько я смыслю в военном деле, исключительно толковый военачальник. В Большую Войну он прошёл Крым, Рим, медные трубы и чёртовы зубы. Когда начиналась хлебоуборочная кампания, Язов самолично наезжал в отряженные для неё армейские автотранспортные подразделения, заботясь о том, чтобы они сработали там выше похвал. Его очень любили в войсках. Как и самого первого командующего КСАВО

Николая Григорьевича Лященко, о котором тоже среди военных ходили всяческие были и легенды в основном позитивного свойства, но не лишённые некоей солдатской усмешливости.

Про богатырски необъятных габаритах Лященко, например, рассказывали, что перед обедом он заливает в себя пару полных кружек *термоядерной*, а для ночёвки ему сваривают две кровати вместе, поскольку на одной он никак не вмещается, недаром же у его личного везедехода нет справа рядом с водителем переднего сиденья, сам Лященко располагается на заднем, а ногами упирается в стенку, отделяющую кабину от двигателя.

Про Язова говорили, что он в своём всегда до блеска начищенном сапоге (молва утверждала, что сапоги себе он всегда чистит сам, никому не доверяет) там, где рядовому бойцу во время войны было положено за голенищем держать алюминиевую ложку, в мирное время командующий держит список трёх знаменитых поэм Пушкина – «Полтавы», «Гавриилиады» и «Луки Мудищева», а при случае наизусть читает из них в назидание замполитам самые нежные строфы, от которых тонкого воспитания дамы вполне могут грохнуться в затыжной обморок.

Крупнолицый, широкоплечий и рослый, всегда сосредоточенный, но никогда не угрюмый, продутый почти всеми ветрами Великой Отечественной войны, Язов в антрактах между теми или иными фазами крупных манёвров, развёрнутых в N-ских местах, недоступных для фотосъёмки с североамериканских, китайских и прочих разведывательных спутников, мог блистательно порассуждать о военных взглядах Карла Клаузевица, Фридриха Энгельса, Альфреда фон Шлиффена, Уинстона Черчилля, их боевых подвигов, а под настроение прочитать нам наизусть целые главы из пушкинского «Евгения Онегина», поведать ту или иную фронтовую бывальщину или же что-то из житейски поучительных анекдотов, вроде бы никак не сопряжённых с военными учениями и перспективами в ту пору очень непростых отношений с нашим великим юго-восточным соседом.

В громадной походной палатке, по морозной зиме хорошо утеплённой не известными мне техническими способами (а также стаканом-другим крепкого чаю и рюмкой-другой коньяку), его слушателями оказывались достойные люди, тоже очень отзывчивые на ладный стих и острое слово.

Хозяйство у Язова было преогромным и хлопотным. Всякий Божий день и в нём, даже, казалось бы, насквозь пронизанном токами армейской дисциплины, тем не менее что-нибудь да происходило, как говорится, из ряда вон выходящее.

То в одном месте вдруг полыхнёт ночью солдатская казарма и в неукротимом огне сгорят заживо несколько военнослужащих.

То в другом месте пьяный офицер-танкист, капитально отметив свой день рождения, полезет под утро в окно к молодой председателю исполкома местного Совета, причём явно не как к депутату, а с истинно мужскими намерениями.

То обнаружится ещё один офицер, но уже званием повыше и не танкист, а начхим такой-то (цифровой индекс) части. Он в армии – как собака на заборе. И армия ему нужна как телеге пятое колесо. А потому сорвётся неожиданно с места и не в Алма-Ату, а подальше – в Ташкент, и там его узбекские чекисты извлекут из тёплой компании западногерманских туристов, где он, поглощая дармовый шнапс или джин, будет всюю разглагольствовать на самые секретные темы своей химической службы, а те примутся записывать его на магнитофон и фотографировать его самого – и всё это начхиму нужно было для того, чтобы любой ценой избавиться от осточертевшей ему службы. До феерической пьянки с эфэргэшниками он перепробовал многое, но ничего не сработывало так, как он хотел. Все его драки и кутежи, прочие выходы разбирал только лишь суд офицерской чести. Быть может, вот только теперь этот акробат угодит под военный трибунал, но опять-таки наверняка не угодит, потому что специалист он отличный, а на весь округ начхимов полный и хронический недобор, никто из нормальных людей в этой должности служить не желает.

Ладно, этот дрянной майор дальше Ташкента не ухилил, а вот из соседней воинской части некий фрукт ранним утром, когда все (караул тоже) крепко спали, ловко пробрался к лётчикам на аэродром, успел расчехлить крайний самолёт «Ан-2», подтянуть к нему тележку с аккумулятором, убрать тормозные колодки из-под шасси, залезть в кабину, запустить двигатель, чтобы вырулить на бетонную полосу, взлететь и махнуть на этом похищенном летаче за государственную границу – в Китай.

Язов никогда не дожидался, чтобы Кунаев о такого рода ЧП узнавал не от него, как командующего округом, а иными путями. Дмитрий Тимофеевич ничего и никогда не скрывал, докладывал всегда сам и с наиболее полной достоверностью.

Много позже я напишу о нём. Написанное назову: «Когда бы в бой послал товарищ. Язов». Главный редактор молодёжного еженедельника «Оркен-Горизонт» Алтынбек Сарсенбаев (царство ему небесное!) и ныне прекрасно здравствующий его заместитель Вадим Борейко сразу же напечатают этот материал на всю газетную страницу, а бесстрашная «Комсомольская правда» – отчего-то убоится...

До глубокой ночи во все глаза смотрели мы всё, что могло предложить воинство Язова на земле и в воздухе. Зрелище выткалось во всех его стадиях и фазах исключительно потрясающим. Изрыгали ракетный огонь многоствольные установки. Поверх их проходил, высверкивая из крошечной мглы фотовспышками громадные квадраты земли, ночной самолёт-разведчик. Ввинчивалась в небеса некая спецракета-перехватчик и через несколько секунд, под громкий радиокомментарий, настигала искомую цель на громадной высоте.

И т.д. И т.п.

Во всей полноте становилось понятней, куда идут народные деньги. Но не менее понятным было и другое – вся тогдашняя правомерность этих фантастических трат: силу уважали во все времена.

А поначалу вся мощнейшая техника была выстроена на линейке. С бравыми, хорошо кормленными экипажами. Очень наглядно. Броня отдраена, крепка, одежда подогнана, сапоги начищены. Быть может, и где-то майор-начим тоже застыл по стойке «смирно». Флажками обозначены интервалы. Кирпичиками обложены дорожки. Зенитные установки, бронетранспортёры, танки, вертолёты – сильная скорострельность, впечатляющие габариты, экипажи не из одного и даже не из двух человек. Могучая инженерная техника, тягачи, краны, тралы, мосты. Радиосредства и прочая и прочая. Особый шик у техники десантных войск – она изящна и красива. В «Красной звезде» читал, не верилось, как библейскому Фоме, а сам увидел – поразился: с небесной высоты парашютируют не автоматчики, а танки с полными экипажами, приземляются и с ходу – в бой. Чудеса! Воскрес бы ненадёжный наш маршал Тухачевский – поразился бы несканно своей идее, бесповоротно ставшей фактом. Толсто бронированные лбы и бока стальных чудищ, округлые приземистые башни.

Сила на силе.

И только где-нибудь на левом фланге линейки крохотная букашка медицинского автомобильчика с металлической лодчонкой-волокушкой на прицепе. Её бригада многое умеет и, конечно, в случае чего покажет на все сто это умение своё, сомнений тут никаких, недаром столь решительно сверкали всякий раз очки лейтенанта-медика, главы этой команды, но всё равно на всю жизнь врезалось в память это контрастное соседство зелёной букашечки-вездеходика с белым кругом на крыше и впечатанным в него красным крестом и – самой мощнейшей военной техники, предназначенной для того, чтобы любой, кто всерьёз станет нам поперёк с любым оружием, был бы на первый случай утрашен или, что вероятнее, сокрушен.

Пока было светло, командующий предложил нам: «Товарищи офицеры! Перед вами все виды стрелкового оружия. Извольте опробовать».

Отказу его настойчивому пожеланию не было.

Назарбаев стрелял отлично из всех видов.

Шалов с Избасаровым тоже.

А генерал КГБ Камалиденов – хуже некуда.

Не скрою: мне же была весьма приятна похвала Язова после того, как я тоже опробовал все эти виды.

Продолжение в следующем номере.

Анатолий ВОЛКОВ

Дневник отдыхающего путешественника

(Продолжение. Начало в №№ 1, 2 за 2013 г.)

Глава 3

28 октября 1981 года*Манакор, пещера Драх и другие мальоркские чудеса.*

Ирина Замалдинова в 1995 году в № 8 газеты «Круиз Т&М» в статье «Испанское государство» писала: «Балеарские острова всегда были центром культуры и торговли. Греки, римляне, карфагеняне, арабы останавливались в их портах. Балеарские острова дали науке и географии целый отряд картографов и первооткрывателей. Здесь классическое Средиземноморье. Эти острова образуют мост между Европой и Африкой, между античной соразмерностью и томной негой арабского танца. Каждый из островов – Мальорка, Менорка, Ивиса, Форментера, Кабрера – имеет своё лицо; ещё не так давно море разделяло их серьёзной преградой. Между островами есть даже языковые различия, жители каждого из них говорят на особом диалекте каталонского языка. Это земли, богатые историей и культурой, это возделанные поля, оливковые деревья и соборы, миндаль и ветряные мельницы, сосны и мебель в стиле барокко. Ежегодно сюда устремляются миллионы людей со всех концов земли».

Водитель нашего автобуса Андрес в 8.30 изящно вывел это комфортабельное транспортное средство из ворот до удивления чистенького порта. Курс – на Манакор. Впереди – 55 километров. Свернув направо, мы помчались по набережной, отвоёванной у моря и застроенной современными зданиями. Что запомнилось в этой поездке? Прежде всего, как ни странно, часто встречающиеся ветряные мельницы. И, конечно, кайма гор, являющихся продолжением Аппенин и Пиринеев и уходящих в Северную Африку. Эти горы закрывают остров от холодных ветров, и поэтому погодные условия на нём почти идеальные. Купаться можно круглый год, в июле температура воздуха не превышает +32, а зимой – не ниже +16 градусов. В январе-феврале туристы специально приезжают сюда полюбоваться цветением деревьев, особенно на одной из здешних гор (450 м.), расположенной примерно посередине пути между городами Пальма (300 тыс. жителей) и Манакор (30 тыс.). В третьем по величине городе – Инка – проживает 20 тысяч. Всего местных жителей – 600 тысяч человек, а в разгар туристического сезона их число достигает 1 миллиона. На острове более тысячи отелей всех классов. Стоимость проживания в них за номер соответственно от 950 до 6000 тысяч песет (за 100 песет дают соответственно 1 доллар или 0,75 рубля). Прожиточный минимум в Испании равен 32 тысячам песет в месяц. 0,2 млн. получают менее 10000 песет, 5 млн. – от 10000 до 30000 и только 7 млн. человек – выше прожиточного минимума, в том числе и наш гид, пенсия которого, по его словам, составляет 50000, как и зарплата нашего водителя.

Направление экономики Испании во многом бытовое и иное обслуживание – одних туристов в год приезжает до 40 млн. человек. Важное место занимает сельское хозяйство, особенно виноградарство – 3-е место в мире по производству вина после Франции и Италии. По выращиванию и переработке оливок – 1-е место и по производству цитрусовых – 2-е. Имеется и промышленность, включая автомобильные заводы фирмы «Сеат». На острове Мальорка собирают по три урожая в год. Основная проблема – отсутствие надлежащего количества воды и практическое отсутствие рек. Снег, если и выпадает, то только в горах, дожди редки. Жители копают в горах артезианские скважины. Там же имеются озёра, собирающие выпадающие осадки. Помимо овощей и фруктов на острове в теплицах выращивают цветы, которые отправляют в континентальную Европу. На Мальорке много коров и овец, т.к. здесь полностью отсутствуют хищники, особенно волки.

Повсюду растут пальмы, их, кстати, сюда привезли испанцы из Валенсии после того, как в 1237 году было свергнуто правление арабов. Завозят их и в настоящее время. В частности, на набережной в г. Пальма, по которой мы проезжали, пальмы высадили пять лет назад. По пути нам показали горную цепь, на самой высшей точке которой, составляющей 1500 метров, расположена обсерватория. Здесь много полей, засеянных просто травой на срок до 4 лет, после чего их снова вовлекают в севооборот, засаживая полезными растениями. По существующим здесь обычаям отец-крестьянин передаёт землю, как правило, одному из сыновей, который остальным выплачивает отступные в размере стоимости их доли в земельных угодьях, чтобы не дробить бесконечно земельный участок. Но существуют и предельные нормы владения землёй, дабы не сосредотачивать слишком много в одних руках. Поэтому нам встречались и пустые нераспаханные земли, которые находятся как бы в резерве. На Мальорке также широко налажено производство кожаных изделий, изделий из стекла, искусственного жемчуга. Есть и мебельные фабрики, а поскольку имеются запасы угля, есть и своё энергетическое производство.

Что и поражает и ужасает при капитализме, так это соседство изощрённого качества работы, будь это различные товары, здания, дороги, рекламные щиты, поля, и самого кощунственного безобразия, беспросветной бедности, нищеты материальной и особенно моральной. Вспоминается Тунис – голодное, землистое, какое-то синеватое со впавшими щеками лицо одного из уличных торговцев, предлагавших нам в центре города, возле здания французского посольства, какую-то мелкую дребедень. За любую валюту, включая доллары, которые там никто не хочет принимать. Или другой тунисец, лежавший, опершись на одну руку, возле металлической решётки, огораживающей пляж Hotel Amilkar, на котором мы загорали и купались, и жадно смотревший на кипящую на пляже жизнь, или... да много их таких, безжалостно вычеркнутых из жизни на внешне соблазнительном фоне «сплошного изобилия» и кризиса перепроизводства.

Но вот 55 километров позади – и мы въезжаем в Манакор, направляемся к фабрике по производству искусственного жемчуга. Входим, поднимаемся на второй этаж. Отгороженные стеклянной стеной, как в зоопарке, трудятся в основном работницы, плавят, тянут, превращают стекло из палочек в шарики, затем окунают их в специально приготовленную массу, сушат, полируют, нанизывают на нити... Одним словом, весь производственный процесс налицо. Но это ужасно. Мне довелось наблюдать производственный процесс в Жданове на Азовстали, в Темиртау на Карагандинском металлургическом комбинате. Процесс, который кроме гордости за человека, достигшего таких вершин в своём труде, ничего не вызывает, а здесь – именно чувство зоопарка и зверей, загнанных и бессмысленно, механически шагающих из угла в угол по своей клетке.

Оттуда спустились в магазин, даже не поняв сначала, что он огромен по своим размерам. И чего там только не было, с чисто капиталистической изощрённостью – лишь бы продать: бесконечное множество коле, серёжек, цепочек, браслетов из жемчуга, золота, серебра. Броши, кулоны, просто какие-то украшения. Знаки зодиака ценой 3,3 доллара, игрушки – быки, куклы и т.п. Посуда, фарфор, хрусталь, фаянс. И всё это выставлено, выложено, расположено на всех уровнях, открыто, закрыто, на любой вкус, на любую цену. Да, тяжело пришлось нашим женщинам. Правда, они кое-как пытались держаться в рамках приличия, но давалось им это с трудом.

Из Манакора поехали на побережье в Порто-Кристо, где расположена знаменитая пещера Драх (Cueva DRACH). Но прежде чем мы до неё добрались, нас высадили в центре Порто-Кристо, возле пляжа и окружающего его кольца магазинов. Наши гид Рамон и Вера Аркадьевна объявили – желающие могут искупаться, а кто хочет, может в течение 45 минут походить по магазинам. Начался бесконечный поход (или как теперь называется – шопинг), который продолжался и после возвращения из пещеры Драх, и после обеда, и по прибытии в г. Пальма. Очевидно, он будет продолжен и в Барселоне.

Но об этом несколько ниже, а сейчас о пещере Драх. Это сталактитово-сталагмитовая пещера, которая образовалась естественным путём. О её существовании люди знали издавна и посещали её, добираясь до озера, расположенного ниже поверхности на 20 метров, с факелами и свечами, изрядно всё закоптив. В начале XX века некий французский учёный открыл второй вход в пещеру. Один известный каталонский архитектор сделал систему освещения пещеры, после чего она заиграла всеми красками и преобразилась. Рост сталактитов и сталагмитов продолжается и по настоящее время – примерно по одному сантиметру в год.

Подкатили к пещере. Чувствовали себя как на дипломатическом приёме, ну или на футбольном матче. Со всех сторон подкатывают огромные автобусы. Из них увешанные кинофотоаппаратурой выходят любители потратить своё свободное время, да и свои деньги за рубежом. Всего за 5-10 минут набирается тысяча человек. Вход в знаменитую пещеру выглядит как подземный уличный переход, почти на ровном месте. Но ступеньки сразу же круто уходят вниз, и начинаешь ощущать влажное дыхание необозримой пещеры. Неяркое освещение высвечивает в крошечной тьме

то те или иные группы сталактитов и сталагмитов, то где-то далеко в глубине расщелины неподвижную голубую гладь воды. Разноязыкий говор слышится как впереди, так и сзади. Дорожка сужается, а пещера расширяется. То слева, то справа лучи умело спрятанных осветительных приборов выхватывают невероятное разнообразие, порождённое природой. Каждый в меру своей фантазии может представить себе всё что угодно – и мавританские замки, и сказочные детские дворцы, и кипарисы, и баобабы, переплетённые лианами. Одни из сталактитов свисают короткой щетиной, другие, уже сросшиеся со сталагмитами, образуют или изящные стройные копыта, или многоохватные дубы – и всё это в светло-кремовых и желтоватых тонах. Один из поворотов выводит нас прямо к озеру. Добирались до него полчаса. Справа наискось через весь зал тянется тёмная полоса неподвижной воды, слева на круто поднимающемся берегу – ряды простых деревянных крашенных скамеек. Одна из групп береговых сталактитов и сталагмитов слабо освещена. За какие-то 5 минут все скамьи заполняются. Откуда-то из глубины раздаётся голос диктора, читающего на испанском, итальянском, немецком и английском языках коротенькое объявление. Всё смолкает, медленно гаснет свет. Раздаётся тихое звучание камерного оркестра, и из глубины зала медленно выплывают три лодки, освещённые по бортам лампочками. На передней, на носу, спиной по движению, сидит музыкант, играющий если не на простом клавесине, то, вероятнее всего, на электрооргане. В середине – скрипач и виолончелист, а на корме – гребец. В двух других только гребцы. Они медленно скользят мимо зрителей, лодка с музыкантами уплывает за скалу, откуда слышна музыка, а две другие совершают различные эволюции, поблёскивая огоньками. Наконец, снова появляется лодка с оркестром и, проплыв мимо нас, медленно скрывается вдали, музыка стихает, раздаются громкие аплодисменты за прекрасное исполнение произведений. Гаснут огоньки, и в темноте начинает светиться дальний берег, свет, постепенно разгораясь, приближается, затем уходит к дальнему берегу и затихает. Снова за группой сталактитов и сталагмитов загорается неяркий свет. Одни люди по длинному переходу идут мимо озера, другие (мы с Розой в том числе) садятся в лодки, которые, медленно скользя, доставляют нас к концу озера, достаточно глубокого – до 12 метров в отдельных местах и приличных размеров – 200 на 60 метров, со слегка солоноватой водой. Высаживаемся на берег и начинаем свой путь по более короткой старой дороге. Проходим вверх 20 метров по причудливо извилистой тропинке мимо потемневших от копоти известковых наростов. Но вот забрезжил свет, и мы снова на поверхности земли под изумительно-синим небом. Пещера Драха, как сон, осталась позади. Снова садимся в автобусы – и вперёд в Порто-Кристо, обедать, а затем в обратный путь в г. Пальма. По дороге нам рассказали, что на острове Мальорка имеется ещё пять аналогичных пещер, но без таких озёр. Есть здесь и Национальный парк с живущими там животными, в основном привезёнными из Африки.

Наш словоохотливый гид Рамон заботился о нас как клушка о цыплятах. Пересчитывал по головам в автобусе и самом ресторане, а по дороге немного рассказал о местном житье-бытье. На пенсию здесь выходят в 65 лет. Женщинам предоставляется по оплачиваемому месяцу до родов и после. Жениться и выйти замуж можно с 15 лет, но до 21 года с разрешения родителей. Практически парни женятся в 23, а девушки выходят замуж в 19 лет. При женитьбе сын отделяется от семьи и заводит самостоятельную квартиру, стоимость которой, например, на окраине г. Пальма 2 тысячи песет в месяц, но чем ближе к центру и фешенебельней квартира, тем она дороже. Можно пойти по другому пути. Например, сам Рамон купил в рассрочку на 10 лет домик за 600 тысяч песет, за который он платит государству. Кстати, сейчас домик уже оценивается в 1 миллион песет, но он платит из прежнего расчёта, примерно по 4,2 тысячи песет в месяц. Через два года к 21-летию сына он закончит за него платить и завещает сыну. Можно пойти ещё по одному пути – купить квартиру в доме. Так, например, в г. Пальма на набережной, отвоёванной у моря, квартиры в новых домах стоят 3 миллиона песет (так называемые трёхкомнатные, то есть состоящие из трёх спален, столовой, кухни и других необходимых помещений).

Подъехали к городу и закружились по улицам Пальмы. Миновали торговый центр, район гостиниц, расположенных в основном возле моря, со своими пляжами, площадками для игры в теннис и мини-гольф, а также бассейнами.

За 400 тысяч песет можно купить автомобиль типа «Фиат», а затем платить по 71 песете за литр бензина. Желаящие, видимо, есть, так как машины мчатся со всех сторон, а Испания вынуждена расходовать до 1/3 бюджета на закупку 49 миллионов тонн нефти из 51 потребляемой в год, в том числе и в СССР. Автомобильная промышленность Испании выпускает до 2/3 из приобретаемых в стране машин. В основном это продукция фирмы «Сеат».

Несколько слов о магазинах в тех местах, которые мы посетили – в Манакоре, Порто-Кристо и Пальме. Выше я уже писал об изошрённости торговли Манакоре, такова же она и везде. Поскольку погода здесь тёплая круглый год, то товары вывешиваются и выкладываются прямо из глубины магазина и выплёскиваются на тротуары. Очень много хорошего, но много и разнообразной белиберды. Поскольку нашему брату-туристу поменяли всего по 38 рублей на каждого, да ещё на много стран, а большинству хочется увезти отсюда что-либо ценное, то на самом деле это оборачивается тем, что покупают всяческую дешёвку. Имеются здесь и традиционные для Испании товары: веера, сомбреро и тому подобное, а также, например, специально изготовленные кремниевые и прочие пистолеты, макеты кораблей и т.д. Есть множество игрушек – карменситы, тореро, просто забавнейшие куклы, пупсы, ослики, от небольших до величиной в 70-80 сантиметров, фигуры Дон Кихота и Санчо Пансы, часы в разнообразных браслетах, платья и костюмы – шерстяные, хлопчатобумажные, кожаные, замшевые.

Некоторые цены. Дублёнки – 25000 песет, замшевое женское пальто – 179000, фарфор из Валенсии – от 5000 до 25000, сапоги женские – от 1900 до 2600, есть и по 3890 песет. Безрукавки «adidas» – 935, кеды этой же фирмы – от 650 (тряпичные) до 1260 (кожаные) песет, джинсы – 2000. Духи «Шанель» № 5 – 1150, ковры 1,5 на 2 метра – 11300. Очки солнцезащитные обычные – 460, хорошие – от 800 до 1000 песет.

В 17 часов фирма «Мелия» закончила с нами работу, высадив нас в порту, а далее мы бродили самостоятельно. В 22 часа отчалили из порта г. Пальма и взяли курс на Барселону.

29 октября 1981 года

Испания, Барселона, Пикассо.

Вот и крайняя западная точка нашего путешествия. Теперь, кстати, как бы мы ни плыли, будем продвигаться на восток, ближе к дому. Испания. Страна с многовековой историей, с интересной, но трудной судьбой. Издревле эти земли поддавались только упорному повседневному труду, выковывавшему человека-труженика. Кто только ни сменял здесь друг друга, какие только веры, обычаи ни оставили своих следов. Мавры – мусульмане боролись с христианами, и Реконкиста оставила значительный след в характере гордых, вспыльчивых испанцев, честнейших и плутоватых, Дон Кихотов и Санчо Панс. А испанские женщины...

Испания занимает 505 тыс. кв. километров и проживает в ней 36,9 млн. человек. Правда, были времена, когда португальцы и испанцы ринулись открывать мир, и спор за приоритет достиг таких размеров, что Папа Римский был вынужден поделить между ними весь неоткрытый и только что открытый мир. Но это – в прошлом.

Сейчас в стране парламентская монархия. Законодательная власть принадлежит кортесам. Сенат располагает 208 местами, палата депутатов состоит из 350. У власти – Союз демократического центра (СДУ), лидер которого в результате внутривнутрипартийной борьбы стал занимать всё более правую позицию. СДУ – это партия буржуазии и средней интеллигенции с 88 тыс. членов. По 200 тыс. членов насчитывают Социалистическая рабочая и Коммунистическая партии, но на выборах они не сумели оказаться в большинстве. В экономике царит застой. Производственные мощности используются на 80 %. 10 % трудоспособного населения – безработные. Главной продолжает оставаться сфера обслуживания, особенно иностранного туризма (39 млн. человек). Имеется промышленность, но пока многие средние и мелкие предприятия закрываются. Несколько сократился из-за неблагоприятных погодных условий объём производства сельскохозяйственной продукции. Во внешней торговле страна ориентируется на страны Общего рынка – 51 % товарооборота, страны СЭВ занимают 3 %. СССР продаёт нефть, машины, оборудование, закупает у Испании цитрусовые, различные виды сыра.

Испания обладает значительным количеством памятников культуры. Имеются шедевры живописи таких мастеров, как Веласкес, эль Греко, Сурбаран, Гойя и многих других. Театр своего расцвета достиг в эпоху Возрождения, особенно при Лопе де Вега.

Барселона – центр Каталонии, одной из 50 провинций страны, которая, наряду со страной Басков и Галисией, обладает полной автономией. Барселона – второй по величине город Испании, но первый по торговле, выпуску текстиля (80 % объёма производства в стране), продукции химической промышленности (40 %). Производство электротехнических изделий составляет 35 %. Порт Барселона занимает одно из ведущих мест в Средиземноморье. Город полукругом окружен горами. Благодаря мягкому климату бывает очень много туристов. Отели Барселоны могут одновременно принять до полумиллиона туристов, которых, наряду с климатическими условиями, привлекают удивительная архитектура, особенно в старой части города, хорошо развитая торговля и относительная дешевизна товаров и услуг. На нужды туризма тратится свыше пятой части бюджета (22 %). Строятся отели, рестораны, прокладываются магистрали. Барселона располагает множеством музеев, в том числе реконструируемых, и иных привлекательных для туристов объектов.

В 9 часов, получив половинки пропусков в Барселону с печатями и подписями, ринулись по автобусам. Гид – представительнейший Андреу. Немного вперёд, два шага направо – и... перед нами с одной стороны восьмиметровая статуя Колумба на 60-метровом пьедестале, а с другой – прямо у берега – точная копия его корабля. Боже, как они только на таких судёнышках плавали?!

Поворот налево – и мы сразу же на одной из центральных улиц – Рамблас.

27 декабря 1983 года Л. Вирина в статье «Тень и свет на бульваре Рамблас», опубликованной в газете «Советская культура», писала: «Барселонцы любят говорить: «В Каталонии есть всё, даже свой Мадрид». Шутка явно приправлена заносчивостью, тем не менее Каталония и столица её Барселона действительно неповторимы. Что, например, способно сравниться с бульваром Рамблас? Короткая прямая от площади Каталонии, сердца огромного города, к набережной Колумба – вот и весь Рамблас. Архитектурные достопримечательности Барселоны – не на Рамбласе. И платаны вдоль чугунной ограды куда скромнее своих собратьев с соседнего бульвара Грасию. Рамблас был бы обыденным внешне, если бы кому-то удалось отобрать у него душу – средоточие страстей и контрастов. Представьте надменность каменных громад на площади Каталонии: стальной куб универсального магазина «Корт Инглез» с витринами, сверкающими и среди ночи, банк Бильбао, кредитный банк, банк Мадрида... Помпезные статуи на их фасадах, специальная полиция в помпезной форме у забранных в позолоченный чугун подъездов. Всё призвано утвердить власть капитала. А рядом с площадью Каталонии, словно раз и навсегда окаменевший в великолепии, беспшашный, изменчивый Рамблас!

И тут свой парад дорогих витрин. Но к сумеркам перед ними с лязгом падают металлические решётки – словно забрало опускается на меха, кожи, феерические драгоценности. И становится ещё призывнее россыпь дешёвых товаров в маленьких лавках, теснящихся под арками ворот, в щелях между домами... Туристы льнут к лавкам, барселонцы минуют их. Но приходят выходные дни, вот тогда жители Барселоны – хозяева Рамбласа. Похоже, весь город в праздничные дни выходит на бульвар.

Улица очень красива, со множеством самых разнообразных домов различных стилей, со сплошными магазинами в первых этажах. На этой улице расположен оперный театр, очень знаменитый. Как правило, в осенне-зимний период в нём идут спектакли балетной группы, а весной – оперной. В Барселоне имеется также превосходный концертный зал, так что музыкальная жизнь бьёт ключом. Слева по ходу промелькнул крытый рынок, как говорит Андреу, лучший в Испании. Посредине улицы (для автотранспорта по бокам проложены узкие дороги для одностороннего движения) расположены на довольно большом протяжении птичий рынок и длинные газетно-журнальные киоски. Очень оригинальны цветочные магазины. Быстро доехали до площади Каталонии. В центре её расположен небольшой сквер, скамейки на котором не для нашего туриста – посидеть можно только за плату.

Въезжаем в самую старую часть города с ещё сохранившимися, удачно вмонтированными в строившиеся на протяжении веков здания, остатками римских строений. Вообще на эти земли претендовали многие – иберийцы, затем финикийцы, греки, карфагеняне и со II века до н.э. по IV век н.э. – римляне. Здесь же расположено здание современных форм, построенное ассоциацией архитекторов Каталонии с разбросанными по фронтонам рисунками Пикассо, естественно, в увеличении. В Барселоне очень чтут Пикассо, т.к., несмотря на то, что он родился в Малаге, художественное образование получил здесь, и барселонцы считают, что все основы художественного творчества были заложены в столице Каталонии. В этом году исполняется 100-летие со дня его рождения, и в четырёх городах Испании проводятся официальные мероприятия в его честь – Малаге и Барселоне, Мадриде – столице Испании и Гернике, где он пострадал во время бомбёжки и о которой написал свою известную картину. Далее нам показали ряд зданий, представляющих историческую ценность, таких как часовня XIII века в романском стиле, резиденция епископов, построенная в 347 г. н.э., здание института истории Барселоны. В нём ранее размещались юристы, и над почтовым ящиком был вырезан в камне знак, на котором, в частности, были изображены воробьи и черепаха – олицетворяющие то, что правосудие должно осуществляться быстро, но на практике движется чрезвычайно медленно. Можно этот знак трактовать и как призыв – торопись медленно, т.е. старайся решения принимать быстро, но с учётом тщательного и досконального рассмотрения каждого дела.

Подошли к собору Святого креста. Это по-настоящему первый огромный католический собор, сооружённый в готическом стиле. Впечатляет, и очень сильно. Эти игольчатые, резко взмывающие на какую-то недоступную высоту стены, витражи на религиозные сюжеты, дата сооружения – XIII-XV века, камни, к которым прикасались, на которые веками смотрели люди... В храме имеется главный алтарь, где расположен крест, с которым крестоносцы ходили на завоевание Гроба Господня, и 28 часовен, в которых и при нас находились верующие, входившие в них и почти опускавшие по ходу движения на одно колено. Кругом мерцали свечи, зажжённые прихожанами. Посреди зала расположено огромное помещение, в котором собираются высшие иерархи церкви.

За их креслами (деревянными, жёсткими, потемневшими от времени) расположены 46 гербов различных рыцарей, которых в 1518 г. король Карл IV постановил собрать в этом месте. Здесь эти иерархи находятся при проведении торжественных месс, а также при обсуждении наиболее важных вопросов. Сам главный алтарь в настоящее время несколько перестроен в связи с изменением порядка литургии в католической церкви. Если ранее священнослужитель находился к пастве во время молитвы спиной, то теперь – лицом. Прямо над главным алтарём – часовня, в которой захоронены мощи св. Иоалалии, убитой в IV в. римлянами, и в XIV в. перенесёнными сюда. По барельефу изображения, на которых показаны мучения св. Иоалалии, суд над ней и её распятие. Св. Иоалалия и св. Мерсий являются покровителями Барселоны, а св. Монсеррат – всей Каталонии. Здесь же прямо на стене, справа от алтаря для молящихся, на высоте 2,5-3 м в стену вделаны два гроба, в которых покоятся останки каталонского короля Ромона Беренгуера (Romon Berenguer) и его супруги. При выходе из здания прямо на улице снова видишь часовни. Внутри небольшого двора – фонтан, пруд, в котором плавают белые-белые гуси. Почему они здесь плавают, точно неизвестно, но предполагается, что это или цвета св. Иоалалии, или это в честь непорочности самой церкви.

Оттуда мы прошли на небольшую площадь, на которой расположены здания законодательной и исполнительной власти. В здании Генералита и сейчас располагается президент Каталонии, а напротив – здание парламента. Традиции самостоятельности очень сильны в Каталонии (впрочем, как и в стране Басков, Галисии и ряде других провинций), одной из которых является собственное кастальское наречие, отличающееся от испанского языка. Весьма приятна такая традиция, как исполнение по субботам на одной из улиц старого центра народных мелодий и танцев под них просто прохожих или специально приходящих сюда людей.

Пока мы через площадь переходили от здания президента в здание парламента, на неё выскочила небольшая группа безработных, в основном молодёжи, и стала шумно протестовать. Здание парламента очень интересное. Построено ещё в 1369 г. Начало этому положил один из кастильских королей, который по существу заложил основы демократии – выборы от различных слоёв населения представителей для коллективного решения различных насущных вопросов. Был построен зал для заседаний, в котором 140 представителей решали проблемы. Зал очень величественен, сооружён по тем же принципам, что и готические храмы, только с деревянным потолком, разбитым балками на квадраты и красочно расписанным. Стены зала увешаны каталонскими флагами в четыре красные полосы. Мы уселись на деревянные кресла с натянутой сзади на спинки кожей с узорами. Наш Андреу рассказал немного об истории Каталонии, её постоянной борьбе за самостоятельность, за автономию в наши дни. Пока он вёл рассказ, мы рассматривали стену за столом сначала короля, затем председателя Совета, на которой изображены Богоматерь, св. Иоалалия и св. Андреу, герб этого города. Зал ярко освещён огромными люстрами с лампочками в виде свечей. Подумалось – а как же их зажигали раньше? Видимо, опускали на

цепях, заменяли новыми и снова поднимали. Но тогда возникает ещё вопрос – а не капали ли эти свечи на головы и платья сидящих?

Но вернёмся снова в зал. В 1979 г. после долгого перерыва были проведены выборы в автономное правительство Каталонии. Победил на них молодой социалист, экономист по образованию. Был избран Совет в составе 43 членов, который заседает в другом, полукруглом зале, с рядами уходящих амфитеатром тёмных дубовых кресел и огромным портретом Марии-Кристины, вдовы Альфонса XII и матери Альфонса XIII в возрасте 5-6 лет. Последний является дедушкой ныне царствующего короля Хуана Карлоса, скульптурный портрет которого расположен ниже на специальной подставке.

При выходе из этих залов на улицу на одном из лестничных маршей увидели написанные прямо на стене сцены из жизни современной Каталонии в псевдореалистическом стиле. Так вот, один каталонец изображён с овцой на плечах.

Вышли из здания на площадь, и пошли по узенькой улочке, на которой расположен ряд зданий, построенных много-много веков назад. Приятна забота, с которой поколения каталонцев, жителей Барселоны сохраняли их. Например, остатки храма, построенного в I веке н.э. римским императором Августом, а затем разрушенного сменявшими друг друга завоевателями. Впоследствии для сохранения этих остатков их включили в специально построенное здание клуба альпинистов, т.к. барселонцы – завзятые спортсмены и любят бывать в окружающих их город горах.

Покинув это прекрасное многовековое творение рук человеческих, мы помчались в *Montana de Montjuich* – Монжюик – гору евреев, довольно высокий холм, расположенный в северо-западной части города, откуда открывается прекрасный вид на порт и город. Исторически евреи здесь действительно жили, до тех пор, пока в результате Реконкисты не установился католицизм, их стали притеснять, и они ударились в бег.

Начинаем постепенный подъём вверх. Дорога идёт через Ботанический сад, в котором произрастают всевозможные кактусы, пальмы и другие экзотические растения, привезённые с разных концов света и прижившиеся в мягком барселонском климате, обусловленном с одной стороны Средиземным морем, а с другой – горами – полукругом обнявшими город. Барселона располагает прекрасным портом, расположенным в бухте, защищённой мысом, отстоящим от материка как большой палец в рукавице. Со стороны порта на гору Монжюик идёт также канатная дорога. Барселона является единственным городом, в котором дважды проходили Всемирные выставки – в 1889 и 1929 годах. В частности, на этой горе располагались павильоны, построенные для выставки 1929 года. Монжюик располагает также целым комплексом парков и других сооружений, в числе которых и специально построенная к выставке Испанская деревня. Конечно, выставочная и реальная деревня отличаются, тем не менее получить о ней представление можно. В чём смысл этой деревни? В том, что на сравнительно небольшом земельном участке были представлены все типы деревенских зданий, да ещё в придачу по соответствующим исторически сложившимся районам страны: Каталонии, Валенсии, Галисии, Страны

басков и т.д. Следует также иметь в виду, что в связи с отсутствием достаточного количества леса на территории страны и наличием так же, как на всём средиземноморском побережье, значительного количества строительного камня – ракушечника, известняка, мрамора и т.д., все здания в основном строились как в стране, так и на выставке – из камня.

Прямо против входа в «Испанскую деревню» на центральной площади расположены различные строения, характерные для Кастилии. Интересно, что на площади много детей – девочки, видимо, не одним классом, сидят и рисуют различные здания, при этом оживлённо переговариваясь между собой. Далее незаметно переходим в галисийскую деревню. Здесь среди других зданий размещена копия церкви св. Джеймса, очень почитавшегося в старину, куда массами стекались пилигримы. Она построена в мавританском стиле, а на одной из стен развешаны длинные цепи. Это копии, а в различных районах страны и сейчас ещё на стенах церквей висят подлинные цепи времён Реконкисты, когда церковь собирала пожертвования и выкупала у мавров попавших в плен христиан, за что в благодарность церкви за избавление последние покупали эти цепи и вешали их на стены церквей.

В нижних этажах зданий расположены мастерские, лавочки, где на ваших глазах вышивают, печатают на ручных типографских станках – на бумаге, выделанной под старину, различные тексты, карты, картины, выдувают стеклянные изделия. Вовсю процветают различные народные промыслы, характерные для той или иной части страны. Всё это тут же реализуется в соответствующих лавочках. Помимо указанных продаются, например, принадлежности тореадорского одеяния, бандерильи (от игрушечных, стоимостью 75 PST, до настоящих – 225 и более PST), девичьи платья, посмотрев на которые, сразу вспоминаешь Кармен. В одном из двориков стоит бюст знаменитого испанского тореадора Манолетто.

После обеда отправились осматривать церковь Святого семейства. Путь наш пролегал по новому городу, строительство которого началось в середине прошлого века. Проехали мимо солидного вокзала, Триумфальной арки и парка – построенных для проведения Всемирной выставки 1889 года. Ныне в парке располагается городской зоопарк. Одна дорога переходит в другую, вот мы на магистрали, следуя по которой через 160 километров можно оказаться на франко-испанской границе. Проезжаем мимо самой крупной арены для боя быков – на 20 тысяч человек и подъезжаем к церкви Святого семейства. Выходим из автобуса – поворачиваемся и – остолбеваем. Рядом, можно сказать в нескольких шагах, уходят ввысь четыре готические башни, по-язычески отделанные всевозможными фигурами, барельефами, плавно текущими выступами из камня. Над всем этим великолепием, когда запрокинешь голову, чтобы где-то на 106-метровой высоте распрощаться взглядом с ним, сияет полукругом радуга. Да, вот тебе и сооружение, которое строят уже 100 лет – с 1882 года и, как шутят, будут строить ещё 100 лет. В 1882 году архитектор Антонио Гауди начал сооружение на этом месте часовни, а в 1890 году – самой церкви в стиле модерн. Церковь должна состоять из двух частей – подземной и наземной. Подземная часть уже закончена и там идут службы, а наземная

всё ещё строится. Сам Гауди скончался в 1926 году и похоронен в часовне, так что он соорудил себе великолепный саркофаг или пирамиду. Строительство потихоньку велось до 1935 года, пока экономические и иные неурядицы не прервали его на 20 лет. Затем оно было продолжено. Строительство ведётся на частные пожертвования, а правительство почти не помогает.

В окончательном варианте это будет величественное сооружение, первые контуры которого видны сейчас. Намечено, что будет три фасада, которые отразят рождение Христа, его смерть и воскресение. На каждой стороне будут по четыре башни, а всего 12 – по числу апостолов, учеников Христа. Фасад, который мы сейчас видим, отражает рождение Христа, строится вторая сторона, которая посвящена страстям (страданиям) Христа, после чего станет строиться третья часть. Как нам сообщили, в комплексе намечено соорудить ещё 6 больших, посвящённых 4-м евангелистам, Богородице и Христу, и 12 небольших башен. Предельная высота их достигнет 170 метров. Украшения на ныне действующих башнях напоминают сверху митру апостола. В середине композиции – кипарисовое дерево – символ вечности. Апсида с алтарём расположится с другой стороны. На главной башне будет 7 входов, также связанных с магическим по представлениям верующих числом. Самое удивительное, что все работы по облицовке здания камнем проводятся вручную.

У гюда узнали, что в Барселоне есть метро, строить которое начали в 1922 году и первую линию пустили в 1924 году. Сейчас общая протяжённость линий достигла 50 километров.

Мчимся по главной улице Барселоны, называемой в народе Диагональю – она действительно пересекает город наискось. В разное время официальное её название было разным – Королевская, Республики, Генералиссимуса Франко. Пересекаем площадь Хуана Карлоса, улицу императора Августа, подъезжаем к фешенебельной части города, расположенной близ гор, в более прохладной зоне, где живут состоятельные люди.

Автобус плавно забирается всё выше и выше, дорога с достаточно крутыми поворотами прихотливо вьётся по склонам горы, поднимаясь на площадку Тибидаво, на высоте 500 метров, на которой расположены церковь Второго сердца Христова (т.е. после воскресения), а также комплекс и антенное хозяйство радиотелецентра. Задумал построить эту церковь итальянец дон Боско, которому однажды в поездке послышался внутренний голос, что он должен соорудить церковь в месте Тибидаво – слова, которыми дьявол пытался совратить Христа – т.е. я даю тебе всё это – показав ему на окружавший Спасителя мир с одной из гор в Палестине. Строительство началось в 1886 году и закончилось в 1960 году, а сам дон Боско, скончавшийся в 1928 году, похоронен в часовне, расположенной рядом с основным зданием церкви, состоящей из двух частей – нижней, где в пяти неффах расположены пять алтарей, главный из которых выложен мозаикой в византийском стиле, и верхней – используемой только в торжественных случаях. В витражах этой части храма использованы гербы различных провинций Испании, а в часовне – земель латинских, в другом помещении – фигуры Христа и дьявола с видом не Палестины, а Барселоны.

Поехали вниз, и стало закладывать уши, как у нас при спуске с Медео. В автобусе зазвучал записанный на кассету голос Хулио Иглесиаса – лучшего из всех поющих сегодня на испанском языке в мире. Может, сама испанская обстановка на нас подействовала, но мы все дружно согласились, что голос этого бывшего футболиста прекрасен.

Едем в старую часть города, где расположен музей, точнее один из музеев Пикассо, созданный его секретарём и другом Агилларом.

Сам музей Пикассо занимает довольно много помещений в одном из бывших дворцов, открыт в 1963 году. В начале экспозиции ранние работы Пабло, написанные им в период обучения в Барселоне. По мере продвижения по залам видим поиски этим мастером новых форм. Достаточно полно представлены все периоды его деятельности, варианты, предварительные наброски ко многим его работам. Коллекция велика, и поэтому сейчас приобретён второй дворец для её размещения и чтобы большее число людей могло познакомиться с творениями Пабло Пикассо. Но и сейчас в этих старых кирпичных сводах добрым словом вспоминаешь Беренсера ди Агиллара, давшего нам возможность познакомиться с творчеством великого мастера, рука которого уже в ранние годы была уверенной и крепкой. Тем, кто не знал его возможностей, было интересно познакомиться с картиной 16-летнего Пабло «Наука и благотворительность», где около постели больной изображены отец (в виде врача) и мать (в виде монашенки) в очень реалистичной манере. Но те, кто близко не сталкивался с творчеством Пикассо, осмотрев другие его работы, честно говоря, не были в восхищении. Насмотрелись, прошлись по древней улочке Монкада до небольшого бульвара, а по нему до здания старого овощного рынка, построенного в 1876 году из металлических конструкций, а ныне отводимого под различные выставки, сели в автобусы и поехали на теплоход.

Продолжение в следующем номере.

Любовь КАШИНА,

васильевед

«Мне светит истиной в строке находка...»

*Не хочу можжевелевой доли,
Я хочу быть деревом в поле,
Чтобы птицы на ветках пели,
Чтоб в тени моей люди сидели...*

С. Поделков

Сергей Александрович Поделков (1912-2001) – поэт, переводчик, исследователь, педагог всю свою жизнь стремился к познанию окружающего мира. Его выделяла высочайшая гражданственность, любовь к родной земле, природе. Жизнь не щадила поэта. Он испытал тяжёлый крестьянский труд, голод, радость поэтического взлёта и боль забвения и запретов. Был репрессирован, познал тяготы подневольного труда и унижений политического заключённого. Воевал простым солдатом, прошагал от Москвы до Кёнигсберга. Видел смерть, терял боевых товарищей. Всё это только зака-

лило С. Поделкова, его несгибаемую волю, силу духа, не ожесточило душу поэта. Он сохранил способность любоваться красотой окружающего мира, а в своей поэзии воспевал «многокрасочный, многозвучный бег жизни».

«Ах, Песочня, деревня родная»...

Родился Сергей Александрович Поделков 21 сентября 1912 года в деревне Песочня Калужской губернии. Жил в доме деда Михаила Евлампиевича. Дед был весёлый словоохотливый человек, знал много сказок, побасёнок, поверий, был хорошим рассказчиком. Подросткий Сергей любил слушать деда, задавал ему массу вопросов и дедушка объяснял их внуку как мог.

Отец Александр Михайлович ещё подростком уехал в Москву на заработки. Работал в Замоскворецком трамвайном парке. Как и многие передовые рабочие, принимал участие в революции 1905-1907 годов, даже некоторое время отсидел в тюрьме.

Мать Елена Семёновна Исполнова первое время после замужества жила в Песочне в многочисленной семье свёкра, затем переехала в Москву, где семья поселилась в двухэтажном деревянном доме в Первом Коровьем переулке. На каждую весну мать брала с собой маленького Серёжу и уезжала в Песочню на полевые работы.

Началась первая мировая война, и отец Сергея был мобилизован на фронт. Елена Семёновна переехала к своей сестре в Киев, где вскоре родился ещё один сын Георгий.

Потом – Гражданская война. Маленький Серёжа своими глазами видел и петлюровцев, и красногвардейцев, и кайзеровских оккупантов.

Летом 1918 года отец бежал из германского плена и приехал к семье.

«Я получил незабываемые подарки: букварь, хрестоматию, цветную бисерную ручку и набор карандашей. Отец оказался хорошим и терпеливым учителем, с его помощью в короткий срок я научился читать и писать и овладел четырьмя действиями арифметики. Больше того – даже прошёл начатки Священного писания под руководством соседа по квартире Васи Пояркова, учившегося в духовной семинарии».

В конце 1918 года семья возвращается в Москву. В Москве был голод. Отец возвратился на работу в трамвайный парк. Но жить было трудно, не было продуктов, и Александр Михайлович решил вновь отвезти семью к отцу в Песочню, где прокормиться было легче.

Сергей поступил в Песоченскую школу сразу во второй класс, так как писать и читать он уже умел. Память у мальчика была уникальной: он с лёгкостью запоминал стихи, его интересовали исторические рассказы об Иване Грозном, о Петре Первом, о нашествии Наполеона, о Дмитрии Донском. Читал он очень много, особенно любил стихи Пушкина, Некрасова, Лермонтова, Сурикова, Никитина.

«Дед сплёл мне аккуратные лапти и свил к ним тонкие оборы, «специально для старшего внука, – говорил он. – И я гордился этими лаптями. В один из приездов в деревню отец привёз мне роман А.К. Толстого «Князь Серебряный». Выполнив домашние уроки, сразу брался за чтение при горящей лучине, воткнутой в светец. Читал и перечитывал. Самая дорогая и любимая книга».

Серёже не было ещё и семи, когда дед посадил его на лошадь и велел съездить и напоить коня. Мальчик был горд, что выполнил первое поручение по хозяйству. Он испытал непонятное чувство полёта и с тех пор полюбил лошадей.

«У меня были свои грабли, а в сенокос 1920 года дед наладил мне маленькую косу и научил косить траву. На полянке он уходил от меня вперёд, и от взмахов его полторааршинной косы тянулся зелёнопенный вал, а потом снова начинал прокос и постепенно наступал меня, сердечно покрикивал: «Налегай, внук, а то пятки подрежу!» – вспоминал Сергей Александрович.

За Окою
Колеблется путь,
Солнце плавится,
каplet, как ртуть,
в лунках,
в рвах
большака мостовая.
Ах, Песочня,
деревня родная!
Бьёт набатной тревогою грудь...
К милым ставням резным
На виду
Слободою щербатой иду.
Покосился,
деревня,
твой облик...
И осел,
тёмным временем облит,
В угол рубленный
дедовский дом.

В 1921 году отец и ещё несколько рабочих съездили на Алтай посмотреть и выбрать место для сельскохозяйственной коммуны. Они получили огромный массив целинной степи на плодородных землях Алтая.

Шесть рабочих семей отстроили посёлок Калужка. С этих пор началась сознательная трудовая жизнь Сергея Поделкова. В летнюю пору он наравне со взрослыми работал в поле, а зимой учился в школе.

Степь!
И сияющий жар свиреп.
Созревший злак –
решенье всех судеб.
Душа
в изнеможенье счастья, –
слова
из печи лета
вынимают слово:
Хлеб!

Сергей окончил начальную школу в Шахах и поступил в пятый класс девятилетки в районном селе Павловск. В Шахах Сергей познакомился с бывшим артистом Малого театра Николаем Базановым, который открыл в Поделкове задатки артиста и определил Сергея в драматический кружок. И Сергей решил стать артистом.

Вскоре Калужка стала распадаться. Рабочие стали возвращаться в Москву. Затосковал по своей работе и отец. Дом был продан за бесценок, продан скот, и семья вернулась в Москву.

Отец устроился кондуктором в трамвайном парке. Семье предоставили угол в семейном общежитии. Детям вновь пришлось ехать в деревню к деду.

Сергей стал учиться в шестом классе в Дугне и работал по четыре часа на чугунолитейном заводе. Вскоре отец вызвал сына в Москву. В седьмом классе Сергей учился в Замоскворечье.

Но он по-прежнему мечтал быть артистом. Записался в театральную студию, стал синеблузником. Сергей не только сам играл в театральных постановках, но и ставил сценические агитки. Однажды по просьбе руководителя студии написал два стихотворения «Алтайская степь» и «Море». Отдал их для рукописного журнала секции и забыл. Когда вышел журнал, на первой странице были помещены стихи Сергея Поделкова, которые похвалил редактор: «В них есть та божья искра, без которой не бывает поэзии».

Сергей стал изучать книги по искусству стихосложения. Учился он в это время в ФЗУ, работал на фабрике «Ливерс».

Пробовал учиться у Есенина, бегал на поэтические вечера Маяковского. Двадцатые годы известны развитием разных направлений и течений в литературе: экстрактивизм, экспрессионизм, имажинизм, конструктивизм и т.д. Сергею была ближе поэзия Н. Тихонова, Э. Багрицкого, В. Луговского. Их поэзия стала для него образцом. Сергей стал посещать литературное объединение «Искра».

В январе 1929 года в Замоскворечье по инициативе райкома ВЛКСМ состоялся вечер поэзии. Выступали А. Сурков, С. Шевцов, С. Васильев, в программу включили и выступление начинающего поэта Сергея Поделкова. Этот вечер стал для Сергея судьбоносным. Он окончательно решил быть поэтом.

«Я начал печатать свои стихотворения – сначала в многотиражке фабрики «Ливерс», где я работал ткачом; затем в журналах «Огонёк», «Рост», «Красная новь», в «Литературной газете», в журнале «Красноармеец и краснофлотец», в альманахе «Молодость» и в других периодических изданиях».

Сергей Поделков стал посещать литературное объединение при журнале «Огонёк». Здесь совершенствуется мастерство поэта, лучшие стихотворения публикуются в журнале. В объединении в это же время занимались Я. Смеляков, Л. Ошанин, С. Михалков, С. Васильев.

Работа на фабрике отнимала много сил и времени, и в апреле 1932 года Сергей Поделков ушёл в профессиональную литературную работу.

«Поэзия, ты подвиг духа...»

В начале марта 1933 года в составе группы писателей А. Новикова-Прибоя, В. Березовского, Я. Смелякова, В. Лимарева Поделков был направлен в Ленинград для выступлений и встреч с ленинградцами. Кроме того, вместе с М. Исаковским он почти полтора года выступал во многих губернских и уездных городах. У него появилась возможность поехать по стране.

В конце сентября 1933 года издательством «Молодая гвардия» был устроен первый творческий вечер С. Поделкова. Было много народа. На встречу были приглашены известные литераторы В. Луговской, И. Уткин, П. Васильев, Д. Кедрин, А. Гатов, Л. Лавров.

Стихотворения Сергея Поделкова были высоко оценены. Это имело огромное значение для дальнейшей творческой биографии поэта.

В декабре 1933 года состоялось открытие Вечернего рабочего литературного университета ВРЛУ. В числе студентов был и Сергей Поделков.

Издательством «Молодая гвардия» ему было предложено выпустить сборник стихотворений. В 1934 году вышла первая книга Сергея Поделкова «Стихи о войне, о славе, о любви».

5 марта 1935 года Сергей Поделков был принят в Союз писателей. Была сдана в печать вторая книга стихотворений и поэм «Круговорот».

... Свеча в слезах. Бумага в мыслях острых.
Свеча и тишь. И в поле хлебозор.
Поэзия, ты подвиг духа, постриг,
Ты – пытка словом, сердца приговор...

Далёкие встречи

В тридцатые годы Сергей Поделков встретился с поэтом Павлом Васильевым. Сначала они виделись на поэтических вечерах, но близкого знакомства не было. В своих воспоминаниях Сергей Александрович пишет: *«Когда я слышу имя – Павел Васильев, мне вспоминается горячий июньский день 1932 года, зелёная Москва в солнечном чаду и обширная комната редакции журнала «Земля Советская». Она находилась в Большом Черкасском переулке, в здании ГИХЛ, на шестом этаже.*

Я открываю дверь – и замечаю в передних углах за столами двух сотрудников и секретаря журнала Даниила Романенко. У простенка, между распахнутыми окнами, на столе главного редактора И. Касаткина сидит, свесив ноги, курчавый остроскулый парень... Завидев меня, он соскакивает на пол и мгновенно оказывается рядом, порывисто протягивает руку.

– Поэт Павел Васильев! – громко и серьёзно отчеканивает он. Я называю себя и пожимаю его сухую, жестковатую руку.

– Да, я знаю тебя, ты мне нравишься, – несколько покровительственно говорит он и дружелюбно обнимает меня за плечи. – Садись, мы тут о поэзии рассуждаем...

Так близко, вплотную, таким разговорчивым Павла Васильева я видел впервые. Мы обменивались мнениями о творчестве совершенно разных поэтов, дореволюционных и современных. Он особенно восторгался Языковым и Есениным, читал отдельные стихотворения наизусть. В эти минуты его узкие, чуть зеленоватые глаза широко раздвигались и поблёскивали, а тонкие ноздри еле заметно вздрагивали. Суждения Васильева были свежи, необычны, богаты мыслью и исподволь настойчивы. Уверенность чувствовалась в каждой определяющей фразе. Нечего греха таить, характеристики поэтическим явлениям давались нами решительно, без оглядки. Васильев их остроумно припечатывал, как «тавро», на некоторые ведущие в то время имена. Мы были молоды: ему было 23, мне – 19».

Это была судьбоносная встреча. Дружбу с Павлом Васильевым Сергей Поделков сохранил на всю свою жизнь. Эта дружба сыграла в какой-то мере трагическую роль в жизни С. Поделкова. Сначала травили П. Васильева, травили доносчики, завистники. Сергей Поделков продолжал встречаться с П. Васильевым, имел неосторожность приглашать его в Литинститут, где учился сам, восторгался его стихотворениями. Не прислушивался к «добрым» советам комсорга Е. Долматовского и М. Алигер. В конце концов стали травить и самого Поделкова. В институте, особенно после убийства Кирова, была напряжённая обстановка, была создана сеть доносчиков, некоторые из них были в штате НКВД.

После крупного разговора с Долматовским и отказа предоставить справку о болезни Сергея вызвали на бюро комсомола. На повестке дня – персональное дело Сергея Поделкова.

«Прочли заявление Долматовского о том, что я отказался предоставить ему, комсоргу, удостоверяющие справки, что я послал его к чёрту, что, дескать, он, комсомолец, поступает не по-товарищески. Это начало. Дальше приготовилась Алигер: «Поделков считается комсомольцем. Какой же он комсомолец? Он не уважает великого вождя нашего товарища Сталина. Когда на собрании обсуждалась речь тов. Сталина при выпуске красных командиров из академии им. Фрунзе, Поделков играл в шахматы... Разве это не оскорбление великого вождя? Я предлагаю исключить его из комсомола».

Сзади – за спинами нескольких человек сидел человек из НКВД. Он был помощником Матвея Тительмана, моего будущего следователя. Он организовал в ВРЛУ банду стукачей и клеветников, которые сдавали студентов в лагерь: А. Гая, А.Португалова, И. Гущина, Н. Назарова, Г. Нагаева, И. Шитикова-Двинского и других.

После, в 1938 году этого представителя НКВД расстреляли вместе с Матвеем Тительманом.

Мне дали слово для объяснения. Я сказал: «Это всё ложь. Я был на собрании и сидел в 10 ряду. Многие студенты могут подтвердить это. Что касается заявления Долматовского – оно также фальшиво. Ни один студент справок не сдаёт, тем более – комсоргу... Тогда вскочила Алигер: «Я требую его исключения! Мы будем голосовать». И проголосовали, и исключили...»

Пока я занимался своими делами – Павла не видел. И вдруг узнаю: произошла драка между ним и Джеком Алтаузенем. Как это могло случиться? Было известно, что Джек – работник НКВД. Я искал Павла, но его нигде не было. Однажды выхожу из университета и вижу – на скамейке сидит Павел. Я кинулся к нему. Мы обнялись. Обращаюсь к нему: «Паша, что случилось? Как ты оказался в квартире Алтаузена? Он же твой враг!» Павел только махнул рукой...».

Павел рассказал другу, как это всё произошло и за что. Но изменить уже было ничего нельзя. Сергей предложил Павлу уехать во Владивосток, но Васильев сказал, что уехать ему нельзя, т.к. на него завели дело.

«Мы протянули друг другу руки, крепко обнялись. И он ушёл. Один раз оглянулся, помахал рукой. Грустно. Больше я его никогда не видел».

Сергей Поделков поехал на Алтай. Побывал в Барнауле, Змеиногорске, на Риддере, в Шаховском, Павловске. Он искал женщину, в которую был влюблён, когда учился в Павловске. Здесь он узнал печальную историю. Муж её погиб, а она сошла с ума. Сергей Поделков написал небольшую поэму, посвящённую ей, «Воспоминания о Нине Гоффер».

В Барнауле он прочитал в газете о том, что состоялся суд над Павлом Васильевым.

Арест

«После возвращения из Сибири я обнаружил на своём подоконнике 2 книжки. Спросил маму: «Откуда эти книжки? У меня таких не было». Мама объяснила: «Пришёл какой-то парень, сказал: «Я брал у Сергея две книги. Возвращаю. И тут же ушёл». Я попросил бросить их в печку. Среди книг было запрещённое издание Гоголя «Мёртвые души».

Для продолжения работы я должен был взять у Ставского направление в архив. Пришёл в СП, сижу в секретарской комнате. Из кабинета Ставского выходит Борис Горбатов. Мы пожали друг другу руки. Он мне шепнул: «Серёжа, на минутку выйди в коридор».

– Что случилось, Борис? – спрашиваю.

– Я сидел в кабинете Ставского, туда вошёл человек, связанный с НКВД. И когда зашёл разговор о тебе, он ухмыльнулся: «Через четыре дня его арестуют».

– Ты ничего такого не сделал?

– Нет! – говорю я.

– Уезжай, Серёжа, подальше, ну, скажем, на полгода или на год. Берегись!

Ставский заявил, чтобы я зашёл через неделю. Я верил и не верил.

7 октября за мной приехали. Четыре человека. Три оперативника. Один встал с винтовкой у двери квартиры. И дворник – тётя Вера. 6 часов продолжался обыск. Рылись в книгах, в рукописях, чтобы забрать с собой. Что-то они искали. Спрашивали об оружии... Потом задали вопрос: «А ещё книги есть?». Забрали поэму о Фрунзе, черновики, уйму рукописей. Тётя Вера посоветовала взять с собой полотенце, мыло... Она не первого меня провожала. Мама сказала: «У печки книги есть». Принесли дешёвое издание «Мёртвых душ» Гоголя. Те, которые принёс незнакомый парень. Словом, подкинули. На первом листе была нарисована свастика. Вот что они искали... Оторвали лист – остальное бросили к порогу. Ждали 2 машины. В одну сели два оперуполномоченных со мной. Во вторую – остальные. Привезли на Лубянку».

На допрос Сергея Поделкова вызвали на третий день после ареста. Его обвиняли в создании контрреволюционной организации в университете. Поделков всё отрицал. Доказательств у следователей не было. Сергей Александрович вспоминает, что когда его вели на второй допрос, то неожиданно остановили и закрыли спинами, но Сергей Александрович увидел, как от Тительмана вышла и гордо прошла мимо М. Алигер.

Свой допрос Тительман начал с вопроса: «Почему Вы плохо говорили о товарище Сталине?».

Поделков опять всё отрицал. Названа даже была дата его встречи с Василием Сидоровым – 14 июля 1935 года в саду Дома Герцена. Ведётся протокол допроса, который дают подписать Сергею Александровичу.

«Я пишу в протоколе: «Как я объяснялся с Василием Сидоровым, находясь 14 июля в Барнауле, а он в Москве?». Протокол испорчен. Надо сказать, что допросы велись так, что мне не давали спать. Физических пыток ещё не было».

По делу Поделкова вызывали и допрашивали студентов университета Долматовского, А. Шевцова, В. Сидорова, Калиновского, Шапира и др.

Его пытались обвинить в антисемитизме, но веских обвинений выдвинуть не смогли. Запросили отзывы из Песочни, фабрики «Ливерс», где он работал, но характеристики были положительные. Тогда Тительман взялся за семью. Вызывал на допросы мать, угрожал, запугивал её. Вызывали на Лубянку и брата Георгия. Ничего серьёзного Тительман не нашёл и тогда передал дело Ульриху.

Поделкова осудили по статье 58-10 (контрреволюционную фашистскую агитацию) на три года.

Чибью. Ухтопечлаг

В лагере Сергей Поделков был на общих работах. Однажды ему повезло, ушла в декрет парикмахер, и по приказанию начальника лагеря Поделков брил заключённых.

В центре Чибью работал бригадиром тоже осуждённый Я. Смеляков. Они общались.

Здесь у него была возможность пользоваться библиотекой для вольнонаёмных, читать газеты и журналы. Стихи писать было запрещено. Сергей Поделков поделился со Смеляковым, что тайком пишет стихи. Был донос Черноиванову. За Поделковым пришли. Но Сергея Александровича успел предупредить Болеслав Павлович Козловский (заместитель начальника Ухто-Ижимской транспортной группы). Он тоже был осуждён, но по статье 111, и они вместе сожгли тетрадку стихов Поделкова.

Всю ночь Сергея Александровича допрашивал сам начальник лагеря Черноиванов, требовал признаться, где тетрадка его стихов.

«Видимо, у того, кто Вам сообщил, там были переписаны стихи Пушкина и Баркова. Тетрадка была под подушкой, она исчезла...».

Утром Поделкова отпустили, а через неделю отправили на тракт Чибью – Крутая.

Возвращение

В июне 1938 года Поделков стал начальником пристани. Появилась возможность писать. В августе он вернулся в Москву. Работал внештатным сотрудником Всесоюзного радиокомитета, редактором отдела поэзии.

В это время он написал «Утро после ассамблеи», «Казнь на Троицкой площади», продолжил работу над поэмой о Петре Первом.

Наступил 1941 год, и Сергей Поделков ушёл на фронт. Воевал на Волховском фронте, Калининском, на 1-м Прибалтийском. В составе 106-го отдельного фронтового понтонно-мостового батальона принимал участие в штурме Восточной Пруссии, брал Тильзит. Войну закончил в Кёнигсберге. Он прошёл всю войну простым солдатом.

В короткие передышки между боями читал лекции солдатам, написал историю батальона и даже руководил художественной самодеятельностью. На стихи времени почти не оставалось.

В ноябре 1945 года С. Поделков был демобилизован.

Заново началась его творческая жизнь. Поездки по стране, активная работа над новыми стихами, в которых он воспевал мирную жизнь, героический труд народа: *«Это радостное состояние, возможность открытий как исцеление от болезни. Словом – я возвратился к самому себе».*

«Благодарю тебя, воображенье»

Сергей Поделков с упоением стал работать. Долгое время его поэзия жила только в мыслях, в душе и в памяти поэта. Все это нужно было выплеснуть на белый лист бумаги. Сейчас он мог, не скрываясь, писать.

... Воображение – буря мастерства!
В нём вяжется по следу водополя
в единый луг разгульная трава,
в нём проступают доли торжества:
прапамятью нанизанные с болью
на мысль мою прозревшие слова .

Долгое время об аресте и заключении Поделков молчал. И только в 1966 году в предисловии к книге стихов Сергея Александровича «Власть сердца» Лев Озеров коснулся этой темы. Наиболее полно об аресте Сергей Александрович рассказал в обстоятельном письме исследователю жизни и творчества П. Васильева Станиславу Евгеньевичу Черныху.

*Сергей Поделков и Лев Озеров (в центре)
на вечере А. Ахматовой.*

Лев Озеров в вступительной статье к сборнику стихотворений «Власть сердца» пишет: *«Муза Сергея Поделкова жизнелюбива и патетична. Она ратует за яркую, подчас избыточную живописность и за полногласное слово – это перекатных громов. Для этого она наделена острым зрением и зычным голосом, привыкшим к луговым просторам. Поэт впитывает жизнь всей своей душой. Об этом он говорит сам:*

Всё, что слышать мог,
всё, что видеть мог,
в сердце я копил, про запас берёг:
Время звёздное, небо тихое,
соловей в кустах с соловьиной,
пляску дробную, молодёжную,
и девичью любовь тревожную...»

Огромное влияние на поэзию Сергея Поделкова, как и Павла Васильева, имело народное творчество: песни, сказки, былины. Это помогало им обрести яркую образность, чувство слова и интонаций, народную песенность.

Размаху масштабности, былинной эпической шири, искусству слова, он научился больше всего у В.А. Луговского, считает Лев Озеров.

Поле жизни – поле боя...

Поле жизни – поле боя,
 перепаханное поле,
 звон колосьев, зыбкость зноя,
 человеческая доля;
 с неба выстрел ястребиный,
 гуд пчелы над зверобоем,
 одинокая рябина...
 Поле жизни – поле боя...

Цикл стихотворений о войне был издан в двухтомнике «Избранное»; в нём – «Офицер», «Понтонёры», «Пехотинец» и мн. др. По мнению окружающих, соратников по перу, Сергей Поделков сравнительно немного написал о войне, т.е. тема войны не стала основой его творчества.

Вот что написал об этом сам С. Поделков: *«Прежде всего потому, что главным моим занятием на фронте было прямое солдатское дело – сражаться, уничтожать врага. Я не был журналистом и не занимал должности поэта во фронтовых газетах. Всю войну я прошёл рядовым, был сапёром, пулемётчиком, понтонёром. Иначе говоря, я не имел ни времени, ни возможностей заниматься поэзией. То, что создано в короткие передышки между боевыми действиями, вошло в это издание. Стихи эти, думается, дают конкретное представление о солдатском труде, поте и крови... Да и стоит ли поэту ограничивать себя какой-то одной, пусть чрезвычайно важной темой? Я прожил большую и трудную жизнь, и война для меня явилась только продолжением испытания моей воли и моего духа. Пройдя её, хлебнув с избытком её кровавого варева, я глубоко убедился, что она только страшная аномалия жизни, и её краски (чёрная, серая, кроваво-красная) слишком бедны, чтобы ими пользоваться постоянно... А краски жизни – безграничны, безмерны, и я старался в своей поэзии передавать многокрасочный, многозвучный бег жизни».*

Но картины жестокой войны будоражили память солдата, не покидали его душу, волновали сердце, и неслучайно он уже в 1981 году напишет стихотворение «Этюд войны»:

Картина горя, вставленная в нишу...
 Больные пятна расплескал пожар,
 клыки огня уже пробили крышу,
 начёсы дыма как ночной кошмар.
 Багровый снег. И отсветы – мазками .
 И в стёганке – спиной к избе – она
 прижала судорожными руками
 к груди ребёнка...
 Люди, ей видна
 пучина пустоты, где смерть, обрушась,
 оставила клеймо следов косых.
 А очи? Их огромный круглый ужас,
 как остановленные вдруг часы.
 Что там? Глядит, глядит. На ней лица нет.
 Следы – за раму – в угол... И в мозгу:
 два правых каблука двух полицаев,
 меж ними задник валенка в снегу...

Но в его поэзии даже в годы войны и торжество жизни, и красота природы, и любовь к Родине:

... Медовая позолота
В воздухе талом
видна.
И птичьего перелёта
звучит лебяжья струна.
Неуловимы усилья
Сонцеворота.
Канун!
Расправляет природа крылья, –
птица – женщина Гамаюн.
В роще
музыка пробужденья.
Треснула синь в ветвях.
От потепленья,
от возбужденья
ноги берёз в слезах.

Чувственны, яркие стихи о любви у С. Поделкова. Это и поэма о первой любви поэта к Нине Гоффер, и «Посвящение», и «Первый снег», и «Звезда», и «Повилика», и ещё много стихотворений, которые тревожат душу.

Качается над нами первый снег,
лежит земля, как белая страница...
Идём. Снег за ворот! Снег без помех
на озарённое лицо садится.
Ты щуришься – снег леденит ресницы,
как птичьи крылья. На виду у всех
дай отогреть их... Поцелуй и смех –
аж вздрагивает на сосне синица.
Нам жизнь дана, она – и миг и век;
пусть отвернутся ханжеские лица;
нет меж сердцами ледяной границы –
ты шепчешь: «Дорогой мой человек».

Качается над нами первый снег!

Говорят, что настоящий поэт – всегда пророк, а Сергей Поделков – поэт настоящий, с глубоким словом, яркой образностью, интересными сравнениями. У него «тишь, отполированная солнцем», «жара, как бабье иго», «опутанные солнца пряжей кони ржут», «воздух пересыпающийся как пепел», «где-то позёмки виляют хвосты», «раскрывает песня рот, будто пламя в небо бьёт», «весна! Природа потеряла стыд». Живая образность, созвучность с современностью обеспечивают интерес к поэзии Сергея Поделкова читателей разных поколений, в том числе и молодёжи, а главное – его поэзия трогает душу, заставляет задуматься, так ли ты живёшь?.. В каждом стихотворении его мысли, его состояние, его чувства.

Поэт Валентин Сорокин говорил о Сергее Александровиче: «Его надо уважать потому, что для меня С. Поделков это человек – проповедник своего поколения и поэзии своего времени. И я его считаю одним из самых верных друзей Павла Васильева. У Павла Николаевича было много врагов, но было и много друзей, хороших и верных».

Сергей Александрович мечтал, чтобы его поэзия пережила его, была интересна будущим поколениям.

... Да сам лысею –
знаю –
не добро,
да, сам седею –
времени тавро,
но яростно
я одного желаю,
чтоб не состарилось
моё перо.

По воспоминаниям современников Поделков был всегда самокритичен, оттачивал каждое слово. Он всю свою жизнь учился у историков, публицистов, у мастеров слова, классиков, стремясь достичь высот поэтического мастерства. И это ему удалось.

Хочу исправить старые стихи.
Хочу! Мои стихи. Я волен. Вправе.
В них хмель, неповторимые грехи...
Да разве можно молодость исправить?!

... Мне светит истиной в строке находка,
в душе бушуют волны языка.
Ржаной ломоть и молока махотка
на деревянном блюде мужика...

Более 20 лет он учил мастерству литературную молодёжь института имени А.М. Горького, который когда-то окончил сам.

Малоизвестно, что на стихи Сергея Поделкова были написаны некоторые песни, в том числе: «Отчего так грустно и тревожно», в 1941 году к музыке Н. Иванова С. Поделков написал стихи «Дальняя дороженька», которые тоже стали песней.

Дружба, испытанная временем...

Сергей Поделков высоко ценил дружбу. В своей жизни он испытал и предательство, и злобу, и зависть, и поэтому он осторожно выбирал друзей:

Слов много для хулы,
Им несть числа,
Алмазов меньше
в кимберлитской жиле;
опять нас, друг,
исподтишка хулили,
забота недругов
подстерегла...

На холм
хоть трудно,
но взойду,
Средь кочек топи –
шаг неверен.
Среди друзей –
я на виду,
Среди врагов –
всегда потерян.

Вернувшись из лагерей, Сергей Поделков вновь стал искать следы своего друга Павла Васильева. Выискивал в старых газетах и журналах его публикации. Старался встретиться с теми, у кого могли быть его рукописные стихотворения, посвящения. Так постепенно в доме Сергея Александровича собирался архив Павла Васильева.

Он выкупил альбом Павла у поэта А. Крученых, который был заядлым коллекционером рукописей поэтов и прозаиков того времени. В архиве Поделкова хранятся рукописи стихотворений Павла Васильева «Прогулка», «Конь», «Я полон нежности к мужичьему сну», «Прощание с друзьями», часть поэмы «Соляной бунт» (Свадьба), которые ему передал известный автор поэтических словарей А.П. Квятковский.

В его архиве хранятся письма от Н. Кончаловской, Нины Герасимовой, воспоминания современников.

Сергей Александрович является автором предисловий ко многим сборникам П. Васильева.

25 марта 1960 года постановлением секретариата правления Союза писателей СССР была создана комиссия по литературному наследию Павла Васильева, председателем которой стал Сергей Поделков. Началась работа по возвращению имени и поэзии Павла Васильева из небытия.

«Всё можно потерять неосторожно...»

Сергей Александрович не только сам занимался популяризацией творчества Павла Васильева, он привлёк к этому и своего сына Александра, который с отличием окончил Литературный институт им. А.М. Горького в 1974 году. Им была написана диссертация на тему «Поэзия Павла Васильева». Первый сборник Александра Ипольнова «Мёд великанов» был издан в издательстве «Современник» в 1981 году. Кроме того, он читал лекции по русской и всемирной поэзии в педагогическом институте им. Крупской. Работал с литературными объединениями. Являлся членом Союза писателей СССР.

*С. Поделков с супругой Ольгой Александровной
и сыном Александром Ипольновым.*

Сергей Поделков гордился сыном. Видел в нём своё продолжение. В стихотворении «Сыну» он напишет:

Всё можно в жизни поменять,
всё можно:
на кенаря – коня,
на посох – дом.
Всё можно потерять неосторожно –
рассудок, время и друзей притом.
Всё можно позабыть –
нужду и горе,
и клевету, и первую любовь.
Всё можно дать взаймы на срок – и вскоре
и хлеб, и деньги возвратятся вновь.
Хочу в тебе найти единовеца,
Чтоб к внукам шла связующая нить:
ОТЕЧЕСТВО,
как собственное сердце,
нельзя забыть,
дать в долг
иль заменить!

«Александр Исполюнов – поэт с глубоко национальным самосознанием, с корневым чувством отечественной истории, её драматизма и трагедийности. Его слово впитывало в себя «биотоки» русской многовековой духовности, выросло из лучших традиций классической поэзии; но было открыто и для древней мудрости Востока. И для лучших ценностей западноевропейской культуры. Поэт успел сказать далеко не всё, что мог, но тому, что им сказано, суждена долгая жизнь», – напишет о нём Станислав Золотцев.

Поэт был патриотом своей страны, хотел лучшего будущего для России. Но в 1993 году он погиб «при невыясненных обстоятельствах». Всего за несколько дней до гибели он написал:

Я прохожу, как по чужой стране,
Где холодно и неуютно мне.
«Да, слава богу, не было войны...»
Покорно, рабски повторяют люди,
Когда соборный разум всей страны
Расстрелян был из танковых орудий!
Я прохожу, как по чужой стране:
«Нет выбора!» два слова на стене.
Я прохожу, как по чужой стране,
Где вместо силы права – право силы,
Где все и всё – не так. И страшно мне,
«Нет выбора»... И в сумерках Россия.

Через несколько недель после гибели вышел его сборник стихов «Сумерки».

В декабре 1994 года Александру Исполюнову посмертно была присуждена литературная премия им. Андрея Платонова. Наследницей творчества Александра осталась дочь Маша, внучка С. Поделкова.

Смерть сына подкосила и без того надорванное здоровье Сергея Александровича.

«Опять болею. Непрерывно. Опять врачи, опять берут кровь. Трудно. Но я допишу это письмо», – сообщает он в письме Станиславу Евгеньевичу Черныху, в котором он вспоминал о встречах с Павлом Васильевым.

Человек мужественный, он нашёл в себе силы работать, возглавлять комиссию по литературному наследию П. Васильева, готовить к изданию его сборники, организовывать мероприятия. Памяти П. Васильева он посвятил стихотворение «Расправа»:

Среди радости русского леса
Поднималась она
– хороша! –
Сто колец прорезало железо,

золотая открылась душа...
Повалилась сосна, повалилась,
подрубили её моготу
Не за слабость корней,
не за хилость –
За величие, за красоту!

В музее Павла Васильева хранятся книги, переданные Сергеем Александровичем с дарственными надписями, вот одна из них: *Музею Павла Васильева с надеждой, что этот дом будет существовать всегда, пока жив человек и жива поэзия.*

Сергей Поделков. 1991 год.

Из-под пера Сергея Поделкова вышло большое количество прекрасных стихотворений и поэм. Кроме того, он занимался переводами с марийского и якутского языков.

Перевёл киргизский эпос «Эр Табылды».

При жизни было выпущено много книг поэта: «Марийские народные песни» в переводах С. Поделкова – 1955 год, «Власть сердца» – 1966 год, «Поле жизни», «Тревожная страда», «Ступени» – 1966 год, «Избранная лирика» – 1967 год, «Бег огня» – 1972 год, «Земное» – 1982 год, «Избранное» в двух томах – 1982 год. В библиотечке журнала «Огонёк» № 10 за 1984 год вышел его сборник «Ожидание журавлей», в 1988 г. – сборник «Обращение к судьбе» и т.д.

Его стихи публиковались в газетах и литературных журналах СССР. Им был написан целый цикл произведений о гербах русских городов. Сергей Поделков выступал и как критик, публикуя свои статьи о современной поэзии.

И всё это время он преподавал в Литературном институте имени Горького.

«Люди умирают – песни остаются»

Жизнь послала ещё одно испытание – Сергей Александрович ослеп. И даже после этого он не перестал работать. Помогала ему в этом его жена Ольга Александровна, которая делила с ним радости и беды, жила для него. Была ему и критиком, и советчицей, и сестрой милосердия.

Как сладкий сон на рассвете,
как радостная волна,
как в море попутный ветер –
ты мне нужна...
Как яхонта излученье,
как праздничный звон вина,
как вечное вдохновенье –
ты мне нужна, –

так он скажет ей в стихотворении «Ольге».

Будучи директором Дома-музея Павла Васильева, я не смогла встретиться лично с Сергеем Александровичем. Разговаривали только по телефону. Когда я

приехала в Москву, Сергей Александрович очень плохо себя чувствовал, и я решила перенести эту встречу на следующий раз, но когда я вернулась через год, в 2001 году, Сергея Поделкова уже не стало. Осталось его творчество. Его песни!

Горы оседают –
недра раздаются,
реки высыхают –
русла остаются...
Люди жить мечтают,
над землёю гнутся,
люди умирают –
песни остаются.

Это стихотворение, написанное в 1954 году, литературоведы считают ключевым в творчестве Сергея Поделкова.

В газете «Литературная Россия» был напечатан некролог, в котором группой ведущих литераторов было написано: «... Мы благодарим С.А. Поделкова за всё доброе, сделанное и сказанное им в русской литературе для нас, для народа. Скорбим вместе с его родными. Помним его. И не забудем».

Сергей Александрович Поделков прожил долгую плодотворную жизнь. Он оставил богатое творческое наследие. Он живёт в сердцах своих учеников, оставив добрый след на земле:

... И я б хотел
так жить и умереть –
дай силы мне,
о русская природа,
сигналом
в лихолетие
взлететь
И просиять
на празднике народа.

В доме Поделковых

В 2005 году я приехала в дом, где жили Поделковы. Дружелюбно встретила меня Ольга Александровна. В подарок семье я привезла фильм В.П. Татенко «Поэт Павел Васильев», в котором было интервью с Сергеем Поделковым. Ольга Александровна со слезами на глазах просмотрела фильм и сказала: «Как будто повидалась с ним. Я так Вам благодарна».

В доме Поделковых огромная библиотека, где есть книги и классиков, и советских поэтов и прозаиков, и зарубежная литература, и, конечно же, книги С.А. Поделкова.

Ольга Александровна позволила мне отснять на видеокамеру оригиналы произведений П. Васильева, но передать их в Дом-музей поэта отказалась, так как Сергей Александрович завещал всё РГАЛИ.

Она рассказала, что большую часть своей жизни Сергей Александрович посвятил не своему творчеству, а творчеству Павла Васильева. Говорила, что даже сердилась по этому поводу на мужа, но он всё равно писал о нём. Ольга Александровна вспоминала: «Был проведён прекрасный вечер памяти Павла Васильева. Галина Разумовская прекрасно читала «Лето». (И Ольга Александровна вдруг стала читать стихотворение наизусть сама). Были интересные мне люди, всё проходило на подъёме. Но уже в 70-х стали ставить палки в колёса. У Сергея Александровича даже был сердечный приступ. Эти недомерки встали стеной. Чем больше становился популярным П. Васильев, тем больше злобствовали его недруги».

Я попросила Ольгу Александровну высказать свои пожелания павлодарцам для записи на камеру. Вот что она сказала: *«Я не хочу, дорогие мои друзья, ничего назидательного вам говорить. Но я вас очень прошу: любите талантливейшие стихотворения талантливейших русских поэтов, не только Пушкина и Лермонтова, но и Гумилёва, Багрицкого, Николая Тихонова, Луговского, Павла Васильева и Сергея Поделкова. А сейчас безвременье, сейчас нет ничего интересного. Подождите немного, и родятся и на вашей земле Павлы Васильевы, гениальные поэты. И вообще на просторах России. Они должны родиться».*

Ольга Александровна подарила мне сборники Сергея Поделкова, книгу своего погибшего сына, которую он так и не увидел, газетные публикации, копии оригиналов стихотворений Павла Васильева. Всё это я привезла в Дом-музей.

Прошло время. Ольгой Александровной Поделковой в 2007 году был составлен и издан ещё один сборник Сергея Александровича «Музыка земли». Она сделала всё, что смогла для мужа. К сожалению, 18 июня 2011 года она тоже покинула этот мир.

Поэзия Сергея Александровича Поделкова живёт. Она учит любви к Отчизне, к родной земле, напитавшей поэта живительными соками вдохновения и любви. И когда отмечаются даты его рождения, знающим его творчество всегда приходят на память его строки: «Люди умирают – песни остаются». Эти строки и о самом Сергее Поделкове.

Литература:

- Сергей Поделков. Ступени: стихи. М.: изд. ЦК ВЛКСМ. 1966.
Сергей Поделков. Власть сердца. Стихи. М.: изд. Художественная литература, 1966.
Сергей Поделков. Библиотечка избранной лирики. М.: Молодая гвардия, 1967.
Сергей Поделков. Бег огня. Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1972.
Сергей Поделков. Земное. Лирика. Москва, 1982.
Сергей Поделков. Избранное в 2 томах. М.: Худ. литература, 1982.
Сергей Поделков. Музыка земли. Избранное. М. 2007.
Евгений Антошкин. Крестный путь поэта. Статья. 2002.
А. Испольнов. Уход. Стихи. М.: Художественная литература, 2002.
Сергей Поделков. Письмо С. Черныху. 1991.
Лев Озеров. О поэзии Сергея Поделкова. Вступительная статья. 1966.
г. Павлодар.

Сауле БЕККУЛОВА,

кандидат искусствоведения,

член Союза художников Казахстана и СССР

Приобщение к вечности

Мы ищем в себе тождества с Прекрасным и обретаем его, встречаясь с подлинным искусством. Когда оно говорит сердцу и уму особенным, собственным языком, если руку автора ведут Любовь и Восхищение.

Наверное, потому неувидительны изумление и радость при взгляде на произведения Натальи Баженовой.

Начало

Автор этих композиций декоративно-прикладного искусства молода. Тем драгоценнее опыт общения художницы с творчеством древних. Как в сакральных сценах из гравюр на скалах. О них, найденных в Казахстане, познакомив весь мир и нас, рассказал в своей книге гениальный учёный Алан Георгиевич Медоев. Он изъездил с экспедициями молодых сподвижников, будущих учёных, весь Казахстан. Именно с него началась мощная волна интереса к истории и этнографии нашего народа, а нынешняя молодёжь, усваивая уроки минувшего, воспринимает мир своей земли в подлинном значении.

Но вернёмся к нашей героине. Она работает в разных техниках, используя национальные мотивы и традиции казахов. Так, «Нежность» – это единая фигура, где двое сосуществуют слитно, а мерный ритм чёрно-белых красок даёт ощущение цельности и безмерности бытия. И – гармония частей и целого. Великая философия номадов!

Древняя песня камыша и войлока

Техника плетения шерстяной нити по речному камышу-чию, стара, как мир. Кочевник-казак – а мир всех кочевников назвал номадами – овладел ею в седой древности. Она составной частью входит в предметы, украшающие и функциональные, составляя декор и необходимость в юрте. Редкостного по простоте формы жилища. Уникальность его ныне признана всей планетой, а аналогов – не счесть, ещё со времён Колизея.

Чий служил для завес от жгучего зноя вместо дверей. Ведь закон кочевья – открытость. Буквально и фигурально, как и всё пространство вокруг: купол неба, ширь земли, изумруд травы на холмах и в степи, гордость гор и жар солнца, хрусталь рек, водопадов, моря. Такова она, планида Казахстана, рождающая собой и нрав детей своих, кочевников-казахов.

И всё, что в быту привычно глазу и рукам, под дыханьем красоты Земли обретает неповторимый облик. Удобство и красота, как и в архитектуре – главное условие традиционного казахского быта. И в обрамлении круглого объёма юрты, конечно же, огромна роль всевозможных ковров из войлока. Прямо на землю настилались текеметы – самые толстые

ковры из бараньей шерсти, спрессованной умелыми руками, охраняя от холода, сырости и ядовитых пресмыкающихся. Обычно двух цветов: белый и коричневый, с крупным орнаментом зоотерического типа: бараньи рога, их скрещенье, их интерпретации. В них – напутствие, благословение, свойство оберега.

Поверх текемета клали ковры более тонкие в той же технике, с более активным цветом. Затем – сырмаки, малые ковры и коврики, алаша – двухцветные, когда на белой шерсти контрастно и нарядно читаются «зеркальные» узоры орнамента – и растительного, и зоотерического типов, прошитые яркой шёлковой тесьмой. И, наконец, тканые (гобелены) и вышитые. Последние ценились особо, будучи наиболее изысканными по красоте и сложности исполнения. В них нередко вшивались полудрагоценные камни и золотые нити, сообщая жилью великолепный праздничный колорит.

Особенно отмечалось умение вышивки юной невесты. В отличие от общепринятых – чёрного и зелёного бархата, она на алом бархате, оставляя незатканное центральное поле, создавала своё произведение, как гимн любви и главное свадебное украшение будущей семьи. Здесь, кроме цветных шёлковых орнаментов, есть и золотые, серебряные, и стеклянные, и зеркальные вставки, вся фантазия и умение мастерицы. Встречаются и шитые золотом орнаментальные композиции на одежде из бархата и праздничных коврах.

Самым любимым металлом казахов издревле стало серебро. Символ чистоты и прекрасного, как юный полумесяц на бархате неба, горный ручей на джайляу или голос юной девушки.

Все ювелирные украшения женского туалета, инкрустации для мебели и музыкальных инструментов, вставки по дереву и коже для конской упряжи и посуды, для одежды – всё унизяно серебром.

И ажурные завитки узоров под музыку домбры ложатся в тишине на гладь ковра или тиснение дерева и кости верблюда. Так рождалось искусство жизни наших предков в консонансе с природой, дабы теперь, сегодня, в современности обрести название «декоративно-прикладного искусства».

И под руками и пытливыми, влюблёнными глазами восхищённых преемников обращаться вновь в искусство нации и общечеловеческое.

Связь времён

Аналогов в искусстве молодой художницы с традиционными истоками, безусловно, множество. И это естественно и закономерно. Вместе с тем пленяет глаз и воображение умение Натальи Баженовой в ортодоксальном увидеть нечто необыкновенное. В этом – секрет искусства подлинного творца. И это – дар божий. Зная с детских лет чудо общения с природой и рукодельем, ремеслом и ткачеством предков – казахов, девочка пытливо всматривалась в красоту мира: и в чудную природу Восточного Казахстана с его обилием рек, озёр, рощ и лесов, и в рисунки мастеров ковра, и во всё, что дало пищу сердцу и уму с младенческой поры: музыку, звуки родной речи, краски неба и земли.

Затем была учёба в стенах Академии искусств им. Т. Жургенова на факультете декоративно-прикладного искусства и магистратуре.

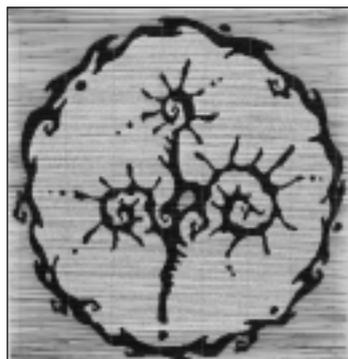
И параллельно – постоянно шла работа в любимом виде искусства: гобелены, сырмаки, чии. Глубокие пласты древней истории изучались пристально и небеспристрастно: в них открывалась написанная заново жизнь предков-казахов. А трудами новейшей истории взору предстали великие образцы древности от времён палеолита и до дней текущих в сложном многообразии и красоте, приобщая к вечности и космическим истокам бытия. Вскрывая закономерности жизни и прапредков Казахстана, и всего человечества.

Потому, наверное, неслучайно знакомство нашей героини с трудами Николая Рериха и его семьи. Как и интерес к эзотерике. К новейшим техникам в своём творчестве, к другим видам искусства, в частности, к живописи и графике.

Чии, гобелены, сырмаки

Так, расширяя рамки своего мира, Наташа видит мир взором живописца.

Мне живо вспомнились картины Сакена Гумарова в мыслеобразах при взгляде на гобелен «Связь с прошлым», чии «Символ триединства Азии» и «Под знаком Солнца» Натальи Баженовой. Поэтично-звонкий красочный мир чувств ведёт зрителя к тонким вибрациям красоты, столь неприметной обывателю и столь узнаваемо сияющей под чуткими пальцами и глазами художницы. Символика образов, столь органичная в орнаментах прикладного искусства, здесь обретает новый смысл и уровень восприятия. То есть, техника чия Натальи Баженовой позволяет говорить здесь о новом прочтении тем Любви и Вечности, тонком и неоднозначном. Хотя прежде всего – это радость глаза. Эти слова определения искусства: «Пища чувства, радость глаза» впервые я услышала от Евгения Матвеевича Сидоркина – мастера гравюры, народного художника Казахстана и моего доброго наставника. Услышав о нём, Наташа заулыбалась и с почтением промолвила, что его гравюры национальных героев казахского эпоса очень ценит и любит. Неудивительно, что в её творчестве графика тоже имеет место быть.

«Символ триединства Азии». Чий. 2010 г.

Однако, обращаясь к экспериментам с формой и техникой, автор не утрачивает самобытности и деликатности. И если вспомнить, что из чия делались музыкальные инструменты с нежным и печально-глубоким голосом, напоминающим флейту, то невольно возникнут ассоциации с композициями-чиями «Ночь предопределения» (2005), «Пейзаж» (2007), «Болашак – Будущее» (2002). В последней слышен ритм всех времён: мужчина-гора, женщина с ребёнком, новая мечеть, цветы, вода – символ жизни и праздник света.

Однако, обращаясь к экспериментам с формой и техникой, автор не утрачивает самобытности и деликатности. И если вспомнить, что из чия делались музыкальные инструменты с нежным и печально-глубоким голосом, напоминающим флейту, то невольно возникнут ассоциации с композициями-чиями «Ночь предопределения» (2005), «Пейзаж» (2007), «Болашак – Будущее» (2002). В последней слышен ритм всех времён: мужчина-гора, женщина с ребёнком, новая мечеть, цветы, вода – символ жизни и праздник света.

Картины Мира

Увидеть картины-чи, картины-гобелены, картины-сырмаки, батик Натальи Баженовой мне привелось недавно. Впервые. Меж тем за плечами художницы после Академии искусств уже несколько персональных выставок – в г. Таразе, в Алматы, участие в республиканских экспозициях.

Что же столь активно притягивает взгляд и заставляет работать наше воображение? Остаётся в памяти, формируя представление о неординарном таланте?

Конечно же, насыщенность каждой отдельной вещи токами высокой духовной частоты. Краски могут быть не яркими, не контрастными. Скорее, сознательно приглушёнными и мерцающими, напоминая волшебные узоры старинного восточного фольклора. Как в войлоке «Простор» (2007) с полётом коней и безграничным пространством, в чиях «Белая Тара» (2008), где смыкается понимание философии жизни буддийское и казахское, и «Легенда райского сада» (2007). И это тоже – разговор о душе, о мире и нас в этом мире.

Или как бы привычные, ортодоксальные мотивы гобеленов и сырмаков, где традиционный цвет смоделирован опытом древних. А художница вновь открывает нам неведомое. И её изделия-картины преобразуются в «зрелище и действие», сочностью цвета и чёткой симметрией форм или «живописным прочтением» создавая не атрибуты жилища, но космогоническую картину Вселенной: «Единство начал» (2002, батик), «Огонь» (2008, чий), «Лилия» (2008, войлок).

Ассоциации с европейской живописью будит «Похищение Европы» (2007, войлок) и «Автопортрет» (2009, смешан. техн.). Здесь мы в профиле девичьего лика замечаем и колорит русского импрессионизма, и портреты японской школы, и гравюру современника – Красавицу Е.М. Сидоркина.

Стержень

И всё же, что важнее всего в искусстве Натальи Баженовой?

За безудержной фантазией и поиском новых форм выражения, за бесконечными экспериментами с разным и столь знакомым материалом казаха-кочевника: чиём, войлоком, пряжей и другими восточными типами – батик, коллажи, за безмерным любопытством к непознанному миру Космоса есть один нюанс. Здесь – в консонансе с духовными исканиями и первооткрытиями – живёт неистребимый дух высокой, романтической веры в Завтрашний день. Свой, своих современников, соплеменников по стране, планете, Вселенной. Тому учат великое слово и краски Николая Рериха, ставшие путеводной звездой всем землянам ещё в начале XX века. А мы, ныне живущие, повторяя его бессмертное учение «Живая этика», учимся видеть самое лучшее – в человеке и в себе. Сегодня и всегда!

И в творчестве Натальи Баженовой это зримо уже теперь. Впереди – большие ожидания!

г. Алматы.

Людмила БАХТИЯРОВА

Казахстан, любовь моя

Главы из повести

Бескрайние степи, простор, солнечный диск над моей головой и детская радость в груди: можно бежать, играть, смеяться, падать, вставать, кататься со смехом на земле... Поле ласково отдаёт тепло твоему телу, если ты замёрз, если у тебя нет ночлега, если ты ищешь собеседника. Кто лучше поля поймёт тебя?!

Тюльпаны ранней весной. Степные тюльпаны. Вы, если видели степные тюльпаны, не сможете их забыть. Они такие нежные, такие хрупкие, такие стройные. Рвутся к солнцу! Во что бы то ни стало! Рвутся! Ввысь! Наперекор всему! Тюльпаны и я. Какая связь?

Казахстан – моя Родина, мой край родной. Я люблю тебя! И ты это знаешь! Как можно оценить любовь? Какими словами её описать? Какие метафоры подобрать? Перебираюсь в детство, там спрятаны тайны, будто в бабушкином сундуке, который стоял в её комнате. Бабушкин сундук открывался не сразу, крышка была тяжёлой, и сам сундук был очень большим, казался мне таинственным и притягательным.

Я девочка-подросток. Меня зовут Люда. Живу в большом красивом доме с окнами на дорогу, по которой каждый день проезжали машины, пролетали мотоциклы, неспешно крутили педали велосипедисты. Я любила смотреть в окно. Там особая жизнь, какая-то весёлая, вечно меняющаяся.

На той же улице, где стоял наш дом, жила и моя школьная подруга Анна. Мы вместе ходили в школу и вместе возвращались домой. Дорога домой казалась длиннее: мы обсуждали прожитый день в школе, думали об оценках, которые почти всегда нас радовали. Учились хорошо потому, что учиться нам нравилось. Для этого было много причин: здание школы – большое, трёхэтажное, в школе всегда тепло, большие коридоры, столовая очень большая, актовый зал, спортзал; учеников тоже было много, учились в две смены. Большая библиотека, в которую я часто приходила. Книг много, выставки интересные, библиотекари вежливые, интересующиеся тем, а чем же понравилась книга, почему выбор выпал именно на неё. Первая учительница наша – казашка по национальности. Екатерина Альжановна. До сих пор не знаю, Екатерина – её настоящее имя или нет. Но так и звали мы её – Екатерина Альжановна. Она учила не только меня, но и моего братишку Серёжу. Так много она знала! Мы с первых же дней её полюбили! Роста она была невысокого, волосы укладывала так, чтобы

Людмила

Раисовна

БАХТИЯРОВА

родилась в 1963 году в г. Атбасаре Целиноградской области. С 1978 года проживает в Башкирии. По образованию филолог. Работает заместителем директора по воспитательной работе средней школы в селе Кандры Туймазинского района. Печаталась в журналах «Литература в школе», «Воспитание школьника». В «Ниве» выступает впервые.

казаться, наверно, выше. Я смотрела на её причёску и думала: вырасту и сделаю себе такую, уж больно она красиво смотрится на голове. Екатерина Альжановна приходила в школу в строгом деловом костюме. Носила белые блузки. Особенно нравились её накрахмаленные воротнички. Объясняла материал понятно. Дома уроки готовить было легко. Дома я много читала. У нас был большой книжный шкаф, который притягивал меня к себе как магнитом. И я, и братишка любили читать. Мы даже иногда спорили, кому читать первому ту или иную книгу. Побеждала я, потому что была старше. Первая книга, над страницами которой я впервые плакала, это «Спартак».

Поезд мчался в одном направлении – на запад. Мы уезжали жить в Башкирию. Уезжали навсегда. Возможно, больше сюда и никогда не вернёмся. Окончены хлопоты с отправкой контейнера с вещами. Едем. Поезд стучит по шпалам. Или это в моей голове стучит: «Тук, тук, до свидания...». В вагоне тепло, солнечно. Многолюдно. Все смотрят друг на друга, спрашивая: «А вы куда направились?».

В Казахстане все хорошо говорят на русском языке. Очень хорошо. Без акцента, без речевых и грамматических ошибок. Наверно, сказалось и то, что когда-то в 50-е годы 20 века Казахстан был местом целины. Сюда съезжались люди разных национальностей. Все говорили на своём родном языке. Нужен был один язык «для связи» всех, и этот язык нашёлся – им стал русский. Все говорили на нём, рассказывали истории, анекдоты, пели песни. И ни у кого не было в мыслях, что русский язык вытесняет их родной язык! Боже упаси! Даже не было в мыслях! Русский язык объединял людей, разные национальности в одно общее целое – в единую нацию россиян. Полюбила русский язык и я, татарка по национальности по линии матери, башкирка – по линии отца. Мне и в голову не приходило, что мои родные языки хуже. Я разговаривала на них дома, со своими бабушкой и бабушкой. А в школе к тому же мы изучали ещё и казахский язык. У нас были учебники, словари, справочные пособия. Был специально оборудованный лингафонный кабинет для изучения казахского языка. Учитель – молодой казах, имени не помню. В памяти осталось, что он стоит у доски и показывает нам портреты казахских просветителей. На портретах изображены аксакалы, внушающие уважение. В классе тихо, все смотрят на портреты, думают. Я тоже задумалась.

За окном – бескрайние степи. Иногда я вижу пасущихся лошадей; чабанов, загоревших на солнце; маленьких детей, которые, остолбенев, смотрят на наш поезд. Странно, дети даже не машут вслед уходящему поезду, просто смотрят и всё. Солнце печёт. Жарко в вагоне. Люди хотят быстрее приехать до места назначения, но поезд не торопится. У него своё расписание, видимо, поезду не следует спешить.

В Казахстане тепло, даже очень жарко летом. Так хорошо! Бегаешь себе по улице, светит солнце, радость у всех на лицах! Теплом веет от каждого лица, от каждого. С течением времени лица стираются из памяти, а улыбка и радость на лице остаются в памяти. Как-то отдельно от лица – улыбка и радость. Понимаешь, как это важно – уметь передать радость, передавать и хранить её в себе, хранить и передавать. Радостные лица пришли из страны детства. И это очень даже хорошо, что в стране детства были радость и улыбки, доброта и доверие, детская непосредственность, которая старалась понять мир.

Я часто, очень часто вспоминаю тебя, мой Казахстан!

Казахстан, я люблю тебя! Посвящаю книгу светлой памяти моей бабушки – Габдулиной Саре, считавшей своей родиной Казахстан. Она говорила: «Меня спас Казахстан от голода, от неминуемой гибели. Я люблю Казахстан за это. Он подарил мне жизнь. И этим всё сказано». Не сразу я поняла глубинный смысл сказанных ею слов, не сразу. Прошло много десятилетий, и я поняла: «Он спас меня от голода. Он дал мне жизнь».

Моя бабушка. Какая она? Почему так дороги воспоминания о ней? Почему до сих пор щемит сердце, когда смотришь на старые, немного пожелтевшие фотографии и жалеешь о том, что не всё успел запомнить, не обо всём спросил, не всё знаешь... Моя бабушка была особенной, она не такая, как другие бабушки. Нет, не такая! А какая? Отвечаю: особенная! Я была ещё совсем маленькой девочкой, когда с ней познакомилась. Мне не исполнилось и пяти лет. Мы переехали жить к родителям моей мамы. А жили до этого на Сахалине. Сахалин – чудное место России! Край, о котором можно часами рассказывать! Я была в том возрасте, когда всё вокруг тебя интересовало, когда окружающий мир прекрасен, и ты жаждешь узнать больше, чем знаешь, и очень нуждаешься в людях, которые как проводники вводят тебя в этот мир, это должны быть люди, которым ты очень доверяешь. И рядом оказалась бабушка, моя бабушка! Я к ней привязалась. А она, видимо, подошла к тому возрасту, к тому времени, когда ей хочется открыться и что-то отдать, рассказать, оставить, причём оставить и отдать близким, и тут, к счастью, я так думаю, оказалась и я рядом со своей бабушкой! И что-то соединилось, сошлось, срослось, и я слушала, верила, спрашивала, открывалась сама и открывала бабушку. Конечно, я всё это поняла не сразу, прошло много-много лет, прежде чем до меня дошло, как мне повезло, да, как мне повезло, что я целых десять лет имела счастье жить рядом с бабушкой, слушать её, видеть её, дарить ей свои нехитрые подарки и видеть улыбку на её лице. Моя бабушка...

Мою бабушку звали Сара. Красивое имя, не правда ли?! Такое музыкальное, мелодичное, с ударением на первом слоге. Мне нравилось её имя.

У бабушки были натруженные руки. На них просвечивались её тонкие аристократические вены. Часто она сидела в своей комнате, положив руки на колени. Длинное, почти до пят, платье, сшитое её руками, вязаная кофта и платок на голове. Я сидела рядом с ней и рассматривала её: у неё

карие глаза, тонкие черты лица, хрупкая фигура. А какую она носила обувь? Самый маленький размер! Представляете?! Тридцать пятый! Её калоши и тапочки были крохотными и миниатюрными, словно бальные туфельки для Золушки из сказки. Вот такая у меня бабушка! Она разговаривала только на татарском языке, потому что русского языка не знала. Я быстро научилась её понимать. Быстро выучила татарский язык и очень хорошо на нём разговаривала. Мне было с ней, с бабушкой, очень интересно! Она знала мудрые истории, которые так искусно мне рассказывала! Хотя и была она не очень разговорчивой, но мне рассказывала о себе, о своих детях, о своих знакомых, о том, что нужно делать, а что нельзя. Она умела печь пирожки, варить супы, любила кулинарное дело, и я помогала ей готовить обед и ужин: мы пекли оладьи, раскатывали лепёшки, делали казахский бешбармак, пекли баурсаки. Мы вместе кормили курочек, которые жили в нашем сарае. Мы вместе пропальвали по вечерам или ранним утром посаженный нами картофель, который рос в нашем огороде. Мама всегда была на работе, а дома мы – я и братишка – были не одни, с нами были родные дедушка и бабушка. Когда я стала старше, я стала различать, что дедушка и бабушка по-разному видят мир, в котором они живут. Редко моя бабушка рассказывала историю своей жизни, эту историю я сложила по кусочкам и теперь рассказываю вам.

Маленькая Сара

Маленькая Сара уже и не помнила свою мать. Та рано ушла из жизни. Саре было лет пять или шесть. Не больше. Сара помнит чужую женщину, которая пришла на место её мамы. Женщина была большой, чужой, холодной, неразговорчивой. От неё стало в доме как-то очень быстро тесно, всем стало тесно: и отцу, и братьям, и сестре. Всем внезапно захотелось либо увеличить дом, либо его покинуть. Саре выпал второй вариант: ей пришлось покинуть дом. У неё на руках было двое малолетних детей, её собирают в дорогу. Сара помнит: утро, прохладно, перед домом – запряжённая лошадь. Она сидит в телеге, в доме пока ещё спят малыши, её дочери. Она уезжает, уходит или что-то в этом роде. Её провожает мачеха. Саре показалось, что провожают её с удовольствием, в надежде, что она не вернётся. Надежды мачехи оправдались: Сара не вернулась. Долгая дорога, без билета, без маршрута, без попутчиков привела её в Казахстан.

– Сара, Сарочка! – так звала её в детстве мама.

– Мама, как я тебя люблю! Мама, я тебя люблю! Ты такая красивая! Ты такая добрая! Мама, когда ты ушла от нас, туда, откуда не возвращаются, мама, мне стало не только одиноко, мне стало невыносимо жить... Мама, мама, мне приходилось рано утром выходить во двор, залезать на лестницу и закрывать печную вьюшку. Мачеха меня заставляла это делать: мне было так страшно выходить одной ночью во двор, но я выходила. Лезла по ступенькам лестницы и закрывала вьюшку. Лестница, сделанная руками папы, шершавая, крепкая, всегда стояла возле стены дома. Я поднималась по лестнице и тянулась к вьюшке. Как-то раз я даже упала, разбила себе коленку и боялась показать её мачехе. Мама, мама, почему ты так рано ушла от нас?

Сара просыпается, в доме тихо-тихо. Она пытается сохранить перед глазами образ мамы, но он ускользает, пропадает. У Сары слипаются глаза, так хочется спать. Сара засыпает вновь.

– Сара, Сарочка! Принеси мне воды... – просит мама.

– Несу-несу, мама, несу, – говорит Сара и подносит к губам мамы глиняную кружку. Губы мамы потрескались, у неё температура. Она давно болеет. Её лечит сосед, знахарь, он даёт пить травы, собранные в лесу, и настаивает их неделями, а потом даёт пить маме.

– Сара, подойди ко мне, – вдруг просит мама.

Подхожу. Мама берёт меня за платье, ищет мою ладонь, подносит её к своим губам и так застыбывает. Я не могу понять, что мамы больше нет, она больше ничего мне не скажет, она только целует мою руку, она передаёт мне свою любовь и тепло, жар своих губ.

– Мама, мама! – кричу я.

Мама не слышит, мама вроде бы спит: но нет, она не спит, она целует мою ладошку. Я вспоминаю, что этими ладошками я совсем недавно нарвала траву для мамы, чтобы заварить ей чай, чай из травы.

– Мама! – кричу я и просыпаюсь.

Мамы нет. За окном темно. Холодно. Дует ветер. Я сплю на печи. А мамы нет. Сара плачет. Сара закрывает глаза. Ей не хочется просыпаться: ведь во сне с ней мама, её любимая мама! Эх, не просыпаться бы подольше. Но нет, мачеха подходит к печи, тянется к ней в темноте её рука, дотрагивается до волос Сары, гладит её по голове. Мачеха тихо шепчет на ушко Саре: «Сара, иди закрой вьюшку. Тепло всё выдует из дома. Иди, скоро отцу вставать. Старайся не шуметь». Сара выползла из-под стёганного маминими руками одеяла и, стараясь не скрипеть входной дверью, вышла. Как всегда, она сразу же испугалась: ночная темнота её тревожила и пугала. Хотя и не раз отец говорил ей, что ночью и днём нет ничего страшного, это просто 24 часа делятся на два неравномерных отрезка: день и ночь, и всё! Но нет, она боялась темноты и ночи. Сара слышит, как что-то или кто-то (и сразу сжимается детское сердце от страха!) шуршит возле сарая. Да нет, не пугайся, это корова не спит, ждёт, когда её придут подоить. Корова не спит. Скоро и к ней придёт мачеха и прогонит её в стадо. Сара медленно направилась обойти дом с правой стороны: там есть вьюшка, которую надо закрывать. Сара понимает, что это нужно кому-то делать, но почему именно ей? А? Наверно потому, что у неё нет мамы. Конечно, всё из-за этого. Когда была жива мама, отец не отправлял её закрывать вьюшку, а сам это делал. Сара опять стала думать о маме.

В дорогу

На заре дом был разбужен сборами в дорогу. Все ещё спали, как вдруг лёгкая тень скользнула под окнами. Это Салимжан, он пришёл будить Сару. Скоро рассвет, и надо отправляться в путь. Сара ещё спала. Она вздрагивала во сне, спала беспокойно. Рядом с ней в люльке спала её маленькая Джамия. По ночам Сара качала люльку, Джамия сопела, переворачивалась на другой бочок и продолжала спать. А если и просыпалась, то только от того, что хотела есть. Только от этого. Сара давала ей пососать хлебную корочку, а потом тут же забирала её обратно, до следующего раза. Голод ещё не наступил в Башкирии, но то, что голод придёт в семью, уже

все чувствовали. Еды стало не хватать их семье. Голодали соседи. Люди стали больше говорить о том, где раздобыть семена для посева, как засеять поля, как вырастить урожай, как дожить до урожая. У всех были большие семьи, где росли по трое-четверо детей. В доме жили престарелые родители, всем нужна была еда. Стали говорить о том, что есть хлебные края, есть места, где много хлеба, где люди живут сытно. Люди говорили: «Это Казахстан. Казахстан, конечно, где-то далеко-далеко, но добраться до него можно». Стали чаще говорить о Казахстане и в семье Сары. Решено было отправить Сару первой в Казахстан.

От осторожного стука в окно проснулся Минигали, отец Сары. Всматриваясь в спящую дочь, он всегда представлял её совсем маленькой. Маленькая Сара, такая умненькая девочка! Такая способная и трудолюбивая! Рано к ней пришло горе. Минигали жалел свою Сару, жалел рано ушедшую жену. Но не мог переделать и перекроить жизнь так, как ему хотелось бы. Он мечтал о том, как Сара пойдёт учиться, но учиться ей так и не пришлось. Он мечтал о большом доме, где жила бы Сара, но и этого не было. Он мечтал о том, чтобы Сара была богатой, но и этого не было: еле-еле хватало на еду, и было не до богатства.

– Сара, мы вынесли вещи, садись в телегу. Уже запрягли лошадей, – так говорила Саре её мачеха.

– Сейчас-сейчас, вот только посмотрю ещё раз на дом, – поспешно отвечала немного испуганная Сара.

– И что на него смотреть! Дом как дом. Как у всех! Ведь тебе ехать, быстрее собирайся. Засветло доберётесь до какой-нибудь деревни. Там переночуете, потом опять в путь, так и доберётесь до Казахстана, – вновь послышалось недовольное ворчание большегрудой мачехи.

– Иду-иду.

Сара села в телегу. На колени ей положили спящую дочку, которой не было ещё и двух лет. Рядом с Сарой сидела трёхлетняя малышка, которая испуганно озиралась и не хотела никуда уезжать. Малышка прижалась к матери и затихла. Сара, это было видно всем провожающим, не хотела никуда уезжать. Она так хотела остаться! Так хотела! Она опять, вдруг что-то вспомнив, побежала в дом и там остановилась. На пороге своего родного дома. В этом доме она родилась, в этом доме родились её братья, сестра, в нём жила её мама. А сейчас она покидает этот дом. Сердце Сары чувствовало, что больше она не увидит свой дом, больше не увидит. Здесь на сельском кладбище спит её мама. Здесь могилка её рано умершего мужа. Он был болен с детства. Сара и не помнила, как однажды её отец сказал ей, что у неё будет муж. Мужа она побаивалась. Но потом привыкла и полюбила: Минибай оказался добрым, ласковым, слабохарактерным человеком. Он не смог стать защитником Сары. Сам боялся её мачехи, сам не мог разрешить ни одного жизненного вопроса. Саре пришлось «ковать» свой характер, и вот из слабой и нежной Сары выросла года за два сильная, малоразговорчивая, упорная женщина-мать. Сара упёрлась в притолоку двери, голова кружилась от нервного потрясения, от волнений последних дней. Сара чувствовала, что жить в том далёком хлебном краю ей будет и неплохо. Так рассказывали люди, пришедшие из Казахстана. Но

почему так не хотелось уходить? Почему? Ноги буквально прирастали к полу, будто чувствовали, стоит выйти из дома – и больше сюда не вернуться.

– Мама, мама! – услышала Сара и покачнулась в сторону входной двери.

– Мама, мама, где ты? Я замёрзла. Мне холодно. Мама, где ты? – опять услышала Сара голос Камили, своей старшей дочери.

Она трогала шероховатые стены родного дома, смотрела на вырезанную из старого журнала картинку на стене. Стены отдавали ей своё тепло, молча наблюдая, как Сара пытается задержаться подольше. Она подошла к печи, нагнулась, взяла свежий испечённый хлеб, отломала половинку, положила себе за пазуху и опять прошла в середину комнаты.

– Мама, я замёрзла...

Сара слышала, что Камиля стала плакать. Но уйти из дома не могла. Вдруг она стала метаться по комнате, будто что-то потеряла. Она металась по комнате, подходила к окну, к двери, к печи, к столу. И хотя ей нечего было брать, она всё металась по комнате и не могла подойти к двери, чтобы открыть её и выйти. Дверь отворилась, и вошёл отец. Увидев его, Сара заплакала и, как срезанная грубой рукой берёзка, упала на пол. Без чувств. Отец наклонился над ней, стал растирать ей виски, пытался звать на помощь, но никто на его крик не подошёл: мачеха, видимо, побежала в сарай, а дети притихли. Возница тоже, видимо, пошёл попрощаться со своей семьёй. Отец обнял Сару, прижал её голову к своей груди, пригладил своей крепкой мужской рукой её длинные волосы и, тихонько покачиваясь всем телом, сказал, будто напевая и прощаясь с дочерью: «Сара, не плачь, у тебя девочки. Ты не одна. У тебя есть мы, ты всегда можешь вернуться сюда. У тебя есть молодость, твои годы. Ты умна и красива. Ты сильная. Ты сможешь дойти до Казахстана, сможешь. А потом и мы к тебе приедем, или ты приедешь к нам. Не плачь, Сара, не плачь. Здесь стало жить опасно». И словно в подтверждение отцовских слов по стене дома прошуршали пули. В Башкирии шла гражданская война. Раздавались взрывы снарядов. Звуки канонады не пугали даже детей, так уж они стали привычны.

«Не плачь, дочка моя, не плачь. Не разрывай своё сердце и моё на части. Ты же сильная. А я так люблю тебя! Ты это знаешь. Просто я не могу уйти с тобой. Ты это тоже знаешь. Не могу. Но с тобой всегда будет моя любовь. Я люблю тебя, Сара. Ты так похожа на свою мать! Не плачь, Сара...». По лицу отца потекли слёзы. Сара раньше никогда не видела, как плачет отец. Он не плакал даже тогда, когда хоронил свою первую жену, старался держаться, чтобы детям было легче переносить горе. Но сейчас не выдержал. Оказывается, отцу было так плохо. Просто он не мог защитить Сару здесь. И теперь Сара погладила по голове своего отца и сказала: «Я люблю тебя, отец! Я дойду до Казахстана и начну там жить, ты не плачь и не кори себя. Ты ни в чём не виноват. Смотри за могилками мамы и мужа моего. Каждый день вспоминай обо мне и говори: Сара, я люблю тебя! И мне это поможет». Отец и дочь простились.

По лицу Сары текли слёзы. Они мешали ей смотреть на отца. Она вытирала слёзы ладонью, стараясь запомнить глаза отца. Она тоже любила отца и жалела его.

Бабушка моя замолчала. Больше она не могла говорить. Трудно ей давались воспоминания. Своим детским сердцем я чувствовала, как ей тяжело. По её морщинистому лицу пробежала слезинка. Я погладила её по щеке, прижалась к ней. Я слышала, как бьётся её сердце, встревоженное тяжёлыми воспоминаниями.

На кладбище

На казахстанском кладбище тихо. Шелестят своими листьями берёзки и тополя, так густо кем-то когда-то посаженные. Мне уже давно не десять и не пятнадцать лет. Я сама стала мамой, у меня дочь. Мы приехали в Казахстан, в город Атбасар, чтобы увидеть могилку бабушки моей. Я хожу между могилками, ищу могилу бабушки. Нахожу не сразу. Потом сажусь и молчу. Прошло так много лет, как мы уехали жить в Башкирию. Прошло так много лет после смерти бабушки, а на душе всё так же одиноко, всё так же не хватает родного взгляда, нежного прикосновения немного шершавых, но таких добрых бабушкиных рук. Бабушка заплетала мне две косы утром перед школой. А сейчас я сижу перед её могилкой и думаю о ней. Моя бабушка знает, она, я уверена, видит, что мы приехали к ней. Мы проделали долгий путь – из Башкирии в Казахстан, мы приехали к ней. Мы покрасили оградку синей краской. Синий цвет она любила, говорила, что синий цвет – это цвет неба. Она любила смотреть на небо. Любила считать звёзды на ночном небе, любила смотреть на летящих птиц. Мы привезли краску из Башкирии, боясь, что не сможем купить краску в Казахстане. Я сама красила оградку, я бережно водила кисточкой по стальным спицам ограды и мысленно разговаривала с бабушкой. Мне не было страшно на кладбище. И не было одиноко. Я рассказала ей о том, как люблю её, как любила её в детстве. Я рассказала ей о том, как нам живётся одиноко без неё, как мне бы хотелось забрать её с собой, и как нам не хватает её, как переживает моя мама, что не смогла перевезти её в Башкирию. Я рассказала ей о том, что мама моя переживает до сих пор. Я пишу эти строки и почти не вижу строчек, потому что на лице моём слёзы, я плачу, я всё ещё плачу, потому что нельзя вернуться в прошлое и доделать то, что не успел.

Я хочу вспомнить все события своей жизни, жизни моей мамы, моих родных и дорогих сердцу бабушки и дедушки. Я хочу вспомнить, записать и передать записанную историю другим. А кому? Тем, кто жил в то время в нашей стране и кого это время интересует: время гражданской войны, время Великой Отечественной войны, послевоенное тяжёлое время и, конечно, время освоения целинных земель в Казахстане. Тем, кто интересуется историей и хочет узнать больше. Тем, кто любит жизнь во всех её проявлениях и кому небезынтересна история России, история многонациональной страны, история жизни одного человека – женщины – как пример стойкости и любви, преданности и верности Казахстану.

«Как я устала, – подумала Сара. – Как устала я...». Какая-то тяжесть навалилась на плечи Сары, не было никаких сил, чтобы собраться и начать думать. Она будто завёрнута в тугую пелёнку. «Как я устала... Как... Ох, немного бы отдохнуть, немного, чуть-чуть, всего несколько дней. Как свежего воздуха, не хватает сил, нет возможности пожить спокойной и свободной жизнью».

Они ехали уже несколько дней. По дороге им встречались дома, покинутые жителями, сломанные заборы, выбитые стёкла. Кое-где на ветках красовались яблоки, красные, сочные. Солнечный свет просвечивал яблоки, будто рентгеновский луч. Возница останавливался возле брошенного людьми дома и срывал яблоки в свою шапку, а потом подавал их Саре. Сара без слов благодарила его, разговаривать уже не было сил. Во рту не было маковой росинки несколько дней. Маленькая Камиля плакала, плакала, а Сара только её качала и напевала грустные песни.

– А ты знаешь, Салимжан, когда мы доберёмся до Казахстана?

– Скоро доберёмся, скоро. Недолго осталось. Только бы девочки твои дотерпели, мы-то дотерпим, да, Сара?

Сара кивала головой. Чувствовалось, что солнце стало припекать намного сильнее, оно било по голове, платок на голове Сары был горячим, лицо было потным, глаза от солнца слезились. Они ехали по дорогам, по которым шла армия.

Сара долго добиралась до казахстанских степей. Она была измучена и лишена сил. Временами ей чудилось, что она не в дороге, а в большом доме, где так уютно и хорошо. Большой стол, весь заваленный продуктами, в доме много людей, все весело разговаривают друг с другом, смеются дети. Сара – хозяйка этого большого дома.

– Сара, смотри, девочки твои не плачут давно. Ты их кормила? – спрашивает Салимжан.

Сара вздрагивает и начинает понимать, что ей всё это снилось. Это только сон.

Камиля не унималась. Она просила еды. Есть было нечего, не считая двух-трёх яблок, сорванных Салимжаном.

– Я скоро накормлю тебя, Камиля, потерпи...

Но девочки теряли силы. Видимо, не дожить им до хлебного края, не дожить и ей самой, конечно. И не будет никогда у неё ни дома, ни семьи, ни простого человеческого счастья. Салимжан сказал, что съездит недалеко один, поищет людей, а она с девочками пусть подождёт его, он скоро приедет. И уехал. Сара долго ждала его. Долго. Пришла ночь. Стало прохладно. Девочки уже не плакали. Они впали в какое-то забытьё. Сара и сама уже не могла ничего: ни говорить, ни плакать. Сколько дней прошло, как уехал Салимжан, Сара не знала. Но Салимжан так и не вернулся. Сара не смогла уберечь девочек. Они умерли, умерли от голода, от холода, от той жизни, которая выпала на их долю. Саре пришлось самой их похоронить. Она выкопала не совсем глубокую могилку и положила Джамилу и Камиллю рядом. У неё не было лопаты, копала она, разгребая землю своими руками. Земля была мягкой, она будто жалела Сару и податливо «шла»

в ладони измученной женщины. Сара хотела вернуться сюда и перехоронить девочек, но разве сумеешь найти безымянные могилки? Давно проросли тела Камили и Джамилы степными тюльпанами, и для Сары то место, где она когда-то похоронила девочек, растянулось по всей казахстанской степи. Сара верила, что девочки её покойно спят в земле казахстанской, им тепло, и их никто не тревожит, они спят. И Сара здесь тоже заснёт когда-нибудь. И ей найдётся спокойное место на этой благословенной казахстанской земле.

Похоронив девочек, Сара перестала думать о спасении своей жизни, о том, что можно куда-то идти и дойти куда-нибудь. Она прекратила бороться за жизнь и просто легла на землю, рядом со своими девочками, и закрыла глаза. Всё, жизнь больше не нужна ей. Всё, в жизни её больше нет смысла. Она закрыла глаза и стала ждать смерти. Но смерть к ней не торопилась. Она о ней забыла. Сара долго лежала, засыпала, просыпалась, потом опять вспоминала девочек и начинала плакать. Начался дождь. Пришлось встать и идти хоть куда-нибудь, дождь, а вместе с ним и ураганный ветер, подталкивали Сару. Дождь был каким-то косым, бил по левой щеке Сары. Сара всё дальше уходила от места захоронения девочек. Наконец показались крыши домов, Сара услышала лай собак и почувствовала запах жилья, людей. Так она всё же дошла, дошла до людей. Где-то кричали: «Сахар, сахар! Хлеб! Хлеб!». Это был обыкновенный рынок, где люди торговали мясом, хлебом, молоком. Значит, кто-то невидимый вёл Сару за руку и привёл к людям.

Моя бабушка тяжело вздохнула. Я поняла, она не сможет больше вспоминать. Но она, помолчав, продолжила:

– Я потеряла веру в людей: возница, который вёз меня в Казахстан, так и не довёз меня и бросил одну. Бросил, да так бросил, что я долго не могла в это поверить. Он уехал за мукой, меня с Камилёй и Джамилёй оставил ждать, и сам не вернулся. Мне сказали женщины, торговки на рынке, чтобы я не ждала его, так как он совсем недавно сидел на рынке и говорил о том, как легко от меня избавился. Я не верила, но когда мне передали услышанный разговор, я не могла этому не поверить! Ведь он был одним из лучших соседей, он был одним из тех, кого мой отец попросил довести меня до Казахстана. Ведь он и сам потом собирался переехать в Казахстан, ведь он и сам плохо жил и так заботился обо мне в дороге! Нет, это не Салимжан, он не мог меня бросить!

– Такую глупышку везу, представляете! Думает, что доберётся до Казахстана! Откуда такие только берутся! – рассказывал Салимжан на рынке.

– Берутся, берутся, люди ведь разные, – вторили ему торговки луком и зеленью.

– А какая доверчивая! Я ей говорю, скоро приеду, жди. А она даже не спрашивает, куда я уйду и когда же приду. Вот глупая! Хотя жалко её, пропадёт, пропадёт, как собака в степи. Денег нет, еды нет, мужа нет, дороги не знает, в Казахстане нет никого, пропадёт, верно, пропадёт. А за неё мне дали два килограмма белой муки, два килограмма пшена и дров.

Вот эти слова «два килограмма белой муки и два килограмма пшеницы» и добились Сару, она поверила женщинам. И теперь не знала, куда же идти и как добраться до Казахстана. Женщины пожалели её, накормили и, подумав, сказали, что надо ехать обратно, домой. И Сара тоже подумала, что надо домой, но случай, как всегда, помог или не помог, бог знает, но случай повернул Сару в другую сторону, дорога в Казахстан была всё так же открыта, видимо, Казахстан тоже ждал Сару, она нужна была ему.

Степные дали. Нежный свет луны прорезал темноту окружающей Сару ночи. Сара вглядывалась в этот свет, в эту полоску. Ей казалось, будто от утренней росы шёл невидимый пока глазу пар спящей земли. Сара приподнялась на локтях, стала осматриваться вокруг. Взошёл месяц. Земля усыпана лунными бликами. Ночь была очень тёплой. Сара погладила землю, от неё шёл тёплый пар, будто парное утреннее молоко. Заря уже белела. Звёзды, такие далёкие, как-то незаметно пропали, и небо, свободное от звёзд, наклонилось к Саре и спросило:

- Устала?
- Да, устала.
- А шла долго? Откуда?
- Долго. Иду так долго, что не помню, сколько дней уже в дороге.
- Куда идёшь?
- Куда? В Казахстан.
- В Казахстан? Ну, ты дошла. Дошла.
- А радоваться этому не могу.
- Не можешь? Почему?
- Я потеряла всё, что было у меня. Чему радоваться?
- Нельзя потерять всё, как нельзя всё и найти. Всё в меру, ты разве не знаешь?
- В меру? В меру. А как это – в меру? Кто отмеряет меру для каждого из нас?
- Мера у каждого своя. По силе каждому, по духу каждому.
- Мне не по силам, видно, ноша выпала.
- По силам и тебе ноша. Зря ты так говоришь. По силе. Было бы не по силе, ты бы не дошла.
- Но... я потеряла, потеряла своих детей...
- Потеряла, я знаю. Но и нашла ты тоже.
- Нашла... А надо мне это?
- Надо, ведь ты нашла. У тебя ещё много будет подарков.
- Да, будет, будет..

Сара открыла глаза. Опять над ней склонилась какая-то женщина. Она говорила на казахском языке. Сара не слышала голоса женщины. Она закрыла глаза, и перед ней опять – отец, она слышит голос отца, его слова: «Сара, я так люблю тебя! Возвращайся, я жду! Дома нет тебя, дом пуст. Вернись, Сара!».

Бабушка замолчала. Я ни о чём не спрашивала. Бабушка привыкла ко мне, к моему молчанию. Она тоже ни о чём меня не спрашивала. Я видела, как тяжело ей вспоминать, и иногда даже хотела просить её больше мне ни о чём не рассказывать, потому что рассказы тревожат бабушку, я чувствую это, и мне совсем не хочется приносить ей дополнительные страдания. Но бабушка, посмотрев на меня, будто проверяя, слушаю ли я её, вновь продолжила: «Я хотела вернуться домой, хотела жить в собственном доме, хотела домой. И, представляешь, дом я тоже нашла в Казахстане. И дом, и всё, что нужно иметь в доме, всё у меня появилось, всё было». Мы сидели на скамейке перед нашим домом. Бабушка с любовью смотрела на дом, в котором теперь мы все вместе жили.

Дом Сары

Да, теперь у Сары был свой дом, собственный дом, большой и красивый. Дом на улице Ибаррури. Дом строили сами. Строил его Файзулла, муж Сары, а Сара ему помогала. Дом был саманный. Дом построили. И теперь в этом доме живём и мы: я, братишка, моя мама. Дом был очень тёплым. И зимой, и летом в нём было комфортно, потому что зимой в нём было тепло, топились две большие печи, они делали воздух дома сладкотёплым. А летом дома в жаркие дни было необыкновенно прохладно: будто ты – на берегу реки, а на тебя наплывают лёгкие волны, обдаёт лёгкий прохладный ветерок, и ты чувствуешь себя сильным и крепким. А если закрыть ставни, то станет ещё лучше в доме. Надо оставить одну ставню открытой в комнате, а остальные закрыть, тогда в доме будет необыкновенно прохладно и хорошо дышать. А ещё в эти часы и минуты в доме воцарялась таинственная атмосфера, помогающая мне сочинять фантастические истории, которые я записывала в свой детский журнальчик. Дом всегда был живым для меня, он разговаривал со мной. Со мной зимой разговаривала тёплая печь, которую заботливо разжигала моя бабушка Сара. Треск горящих дров напоминал музыку боя: головёшки, не сдаваясь огню, шипели и трещали, стараясь сохранить жизнь в этом красном аду. Летом по вечерам со мной разговаривали половицы, которые скрипели под нашими ногами. Мне нравилось в доме всё, что было в нём. В доме нашем стояло пианино. Оно занимало самую лучшую часть дома, было большим и очень красивым. Редко у кого на нашей улице было пианино, оно появилось у меня, когда мне исполнилось десять лет. Я ходила в музыкальную школу. У меня было два расписания уроков, которые висели на стене самой большой комнаты. Мне даже завидовали подружки, ведь у них было только одно расписание, а у меня – два! Я, конечно, не понимала тогда, в чём состояла важность этих двух расписаний, но то, что делали эти расписания с людьми, мне очень нравилось. Я поняла: расписания так действуют на людей, значит, они нужны. Значит, дни мои расписаны как-то по-особому, дни не могут проходить бесцельно, должны быть расписаны, тогда и время зря не уходит, оно ведь заранее расписано. Так в это расписанное расписание я старалась вклинивать наши игры с подружками,

походы в кино, в городскую библиотеку, и даже сон я вписывала в это расписание, будто боясь, что ему не хватит места в том же самом моём расписании дня. Мой дом, дом моего детства. Мой дом, дом моих радостей. Мой дом, дом моих предков, моих дедушки и бабушки, дом моей мамы. Дом, куда принесли меня из роддома. Дом, который я люблю и никак не могу забыть. Я закрываю глаза и хожу босиком по полу. Половицы деревянные, крашенные, тёплые и в то же время прохладные. Я брожу по дому, не могу заснуть. Смотрю в окно, вижу дом, что стоит напротив, там тоже кто-то не спит. А, это не спит, видимо, Рафика-апа, видимо, она болеет, ей не спится, или смотрит телевизор кто-то из её детей. Я не сплю. Я не могу заснуть, потому что спать не могу, не хочется. Дом будит меня: «Люда, вставай, не спи, иди и посмотри, как хорошо ночью за окном! Как хорошо! Посмотри!». И я смотрю, смотрю, открываю окно. Тихо, всё вокруг застыло в крепком сне. Вдруг замечаю на небе звёздочку, она еле-еле видна, она может пропасть...

– Звёздочка, ты не спишь?

– Нет, не могу.

– Что же тебе мешает?

– Что? Я боюсь упасть!

– Ты? Ты боишься упасть? Неужели звёзды падают?

– Падают и даже разбиваются насмерть! Я боюсь упасть и умереть на Земле!

– Если ты упадёшь, я не дам тебе разбиться, я поймаю тебя, поймаю в свои ладони. Не бойся, звезда. Я поймаю тебя!

– Ты такая маленькая, ты не сможешь. Я ведь звезда! Я горячая и холодная, я острая и неровная, я... – и звезда заплакала. Я почувствовала капли дождя на своём лице.

– Не плачь, звёздочка, не плачь! Я сумею тебя поймать! Сумею! Я не маленькая! Я большая! Я – та, что спасёт тебя! Спасёт! Не бойся!

Небо внезапно потемнело, будто подслушало наш разговор, и звёздочка исчезла. Я долго ещё смотрела на безоблачное небо и ждала появления звёздочки. Но её не было. Она исчезла. Исчезла так неожиданно и внезапно. По крыше дома застучал дождь. В такт ему неторопливо тикали стенные часы в доме.

Я дошла!

И вот она, долгожданная земля Казахстана, под ногами Сары. Сара, уставшая и потерявшая в пути самое дорогое, что у неё было, – детей, устало опустилась на землю. Возможно, она и не была первооткрывателем этой земли, но то, что она дошла, придавало ей силы. Сара, подняв голову, смотрела на небо. Оно казалось таким далёким. С раннего детства ей нравилось наблюдать за небом, смотреть, как плывут по нему перистые облака, как строгим треугольником, разрезавшим небо на части, улетали осенью птицы в поисках тёплых стран. Ароматы цветущих тюльпанов щекотали ноздри. В туманной дали сверкнула полоска реки. Степь на рассвете ещё спала. Степь была тихой, какой-то одноцветно-серой. Однако первые лучи солнца будоражили не только Сару,

но и тюльпаны. Солнечные лучики будили всё живое, они проникали, как тонкие иглы, в степную траву, в тюльпаны. Греет солнечный лучик заснувший бутон, но вот бутон начинает раскрываться, и – о чудо! – вся степь покрыта шапками жёлтых, красных, белых тюльпанов. Степь ожила на глазах Сары. «Однако, как красиво!» – подумала Сара. Голова закружилась, но не от запаха тюльпанов, а от слабости и от пережитых волнений последних дней.

Сара чувствовала, что теряет силы. Наконец Сара, не имея никаких сил идти дальше, упала на прогретую солнцем, пропахшую степными цветами землю. Она знала, что не сумеет подняться: силы буквально «вытекли» из неё, как вытекало молоко из бутылки, нечаянно опрокинутой ею самой в детстве. Сара помнит тот день, свой испуг, мамин взгляд на вытекающее молоко. «Мама застыла, и я тоже. Я прижалась к печке и не могла ни говорить, ни кричать, ни подбежать к этой бутылке... Ничего... Я была парализована. Мама, видимо, тоже. Потом, будто очнувшись от сна, она сказала мне, спокойно выговаривая каждое слово: «Так вот, Сарочка, и жизнь уходит: незаметно уходит, уплывает, вытекает из нас. Жизнь уходит, и ты не можешь остановить её течение. Не можешь, как бы ты ни пытался, жизнь уйдёт». Сара лежала на краю дороги, сознание покидало её. По этой дороге уже дня три-четыре никто не проезжал и не проходил. Сколько она так лежала, Сара не знала. Её, видимо, пытался кто-то разбудить. Кто-то думал, что она спит.

– Вставай, вставай! – услышала Сара.

Открыв глаза, Сара увидела наклонённую голову старого человека. Это был казах. «Мне так и не удалось узнать, кто же был этот человек, спасший меня. Ведь это он на своей лошади проезжал по этой пыльной дороге, он и спас меня от смерти. Как он меня положил на телегу, я тоже не помню. Может, он даже и поднял меня. Помню только, что он был очень старый. Кашлял, часто кашлял и напевал какую-то песенку на своём языке. Я стала понимать, что дошла до Казахстана, наконец-то дошла. Со словами на губах «дошла, дошла» я, видимо, опять впала в беспамятство. Помню тёплую воду, которая лилась по моим губам, помню, как кто-то смотрел на меня, трогал мои руки, ущипнул меня за талию. Помню, как стали до меня доходить слова на казахском языке:

– Якши, якши...

Вот так и не запомнила своего спасителя. Помню только его лицо, наклонённое надо мной, и его телегу. И всё. Бывает, оказывается, и такое: не помнишь тех, кто спас тебя, а помнишь тех, кто обидел. Почему? Видимо, это свойство памяти человека: запоминается боль.

Когда я пришла в себя, то поняла, что наконец-то рядом со мной люди. Теперь я не одна. Я рассматривала комнату, где лежала на полу, на каком-то тёплом одеяле. Это была юрта, это я поняла позже. Круглая юрта. В ней было тепло, пахло хлебом. Хлебный запах плавал в воздухе, щекотал мои ноздри. Я почувствовала резкую боль в животе, снова вспомнив о голоде и своих девочках. А как я попала сюда? Помню дверь, я её пыталась открыть. Дверь не сразу, но поддалась».

Сара почувствовала, как тёплый воздух жилого помещения чуть не сбил её с ног. Голова стала вновь кружиться. Боясь упасть на пороге чужого дома, Сара судорожно схватилась за дверной косяк и еле-еле устояла, чтобы не упасть.

«Меня позвали. Я не могла идти, только пыталась хотя бы сесть, но и этого не смогла сделать. Ко мне подошли, кто-то протянул мне лепёшку, тёплую, даже горячую. Я приложила её к губам. От лепёшки шёл невероятно чудный запах. Запах моего дома, запах мамы, запах родного и потерянного. Я заплакала. Тихо, как-то про себя. Слезы вытекали из меня, как когда-то вытекало молоко из опрокинутой бутылки. Эти слёзы лились, я не могла остановить их. Вот так из меня вышла моя прежняя жизнь, вылилось моё горе, вытекла моя беда. Я, опустошённая и оглушённая новыми событиями, лежала в углу на полу и плакала. Лепёшку держала в руках, и слёзы капали на неё. Когда я ела лепёшку, она была солёной от моих слёз. Запахло мясом.

Началась моя новая жизнь. Новая, та, которую я и не ждала, та, что вновь подарила мне потерянную любовь, детей, семью, близких и родных, дом и ещё много чего. И знаешь, она подарила мне и вас, моих внуков. Казахстан стал домом, родиной, тем краем, где рождаются новые мысли, где рождается новая мечта, где люди не теряются, а обретают уверенность жить, жить, даже если жизнь тяжела...».

Моя бабушка умела слышать приближающихся к городу птиц. У неё был тонкий музыкальный слух: вроде бы птиц даже и не видно, а глядишь – и буквально через пару минут воздух наливается сотнями птичьих голосов, и по глазам бабушки я вижу восхищение и восторг, которые охватывают её всякий раз, когда она видит прилетевших весной птиц, парящих высоко-высоко в небе.

– А ты, бабушка, – спрашиваю я, – хотела бы летать? На самолёте, к примеру?

У нас в Атбасаре был аэродром, куда мы, дети, часто ходили смотреть на взмывающие в небо самолёты.

– Нет, на самолёте – ни за что! – отвечала бабушка. – А вот как эти птицы в небе, хотела бы! А знаешь, я ведь и есть одна из птиц, которая прилетела сюда и осталась навсегда. Да-да, я птица, конечно, я птица, но не перелётная, я птица, потерявшая крылья во время полёта сюда.

Я смотрела на свою бабушку-птицу и чувствовала: много ей пришлось пережить, но она не озлобилась, не растерялась, не ушла в себя от потерь и невзгод. И крылья у неё выросли, но она осталась здесь. Я смотрела на неё и видела счастливого человека, будто судьба специально забросила её сюда, в этот благословенный чудный край, в этот город Атбасар, на улицу Ибаррури, чтобы, испытав на прочность, одарить её простым человеческим счастьем. Я смотрела на неё и «заражалась» её любовью к казахстанской земле и людям, что жили на ней. Я тоже люблю тебя, Казахстан, я тоже могу вслух, всем сказать, не стесняясь никого и не боясь ничего, могу сказать просто и честно: «Казахстан, любовь моя!». И мне, я знаю, верят.

Светлана НАЗАРОВА

Дядя Ваня и три сестры

(Из книги рассказов

«Моё карагандинское детство»)

Дядя Ваня Гесс был нашим соседом, жил на той же улице Дзержинского, что и мы. Гулять особенно было негде, и когда мне надоедало бегать по своему двору, играть в беседке, я шла к кому-то из соседей.

Дядя Ваня рубил дрова у себя во дворе, поприветствовал меня, потрепав по голове, и стал ладить огонь под большим казанком, в котором собирался варить томат на зиму: он выращивал помидоры. А томат из них продавали он сам и кто-то из его трёх сестёр на базарчике – в стеклянных чистеньких банках разного калибра, закрытых пергаментной бумагой и обвязанных нитками (многого не хватало после войны, и люди охотно покупали дешёвый качественный продукт). Моя мама говорила, что гессовский томат даже лучше магазинного.

У нас в семье про дядю Ваню рассказывали смешную историю. Заколосил он свинью перед самой зимой, наделали они с женой разных вкусностей из свиного мяса, в том числе салтисон – начинённый сваренным мясом и салом, многократно промытый свиной желудок, запечённый затем вместе с начинкой в духовке. Кто знает – это настоящий деликатес. Моя мама тоже его готовила, как и многие другие вынужденные карагандинцы (украинцы, русские, немцы, белорусы, эстонцы и литовцы) – каждый по своему рецепту и со своими семейными традиционными добавками. Дядя Ваня подвесил салтисон храниться в сарае на крюках – чтобы мыши не достали (холодильников-то не было! Зато зимы в Караганде – отменные: благодаря морозам всё долго сохранялось в наилучшем виде). Но собака дяди Вани, которую отвязывали на ночь, каким-то образом достала этот вкуснейший салтисон, проникнув в случайно не закрытый сарай. И с аппетитом сожрала его...И дядя Ваня, едва сдерживая возмущение таким поведением верного сторожа, взял большую палку, спрятал её за спиной и вышел к виновато прячущейся от него собаке. «Шучка-Шучка, – фальшиво-ласково взывал дядя Ваня, – на кольбас (протягивал ей тоненький кусочек домашней колбаски), ей-Богу, сзади палька нету!».

Крутятся возле дяди Вани и расспрашивая его, что и для чего он делает, я спросила: «Дядя Ваня, а почему ты фамилией не вышел?».

Дядя Ваня разогнулся от своего казана и спросил: «А где ты такое взяла, от кого слышала?». Я как на духу ответила: «Мой папа говорит, хороший мужик этот Ваня, правильный, но не будет ему ходу – фамилией не вышел».

«О, майнес кляйнес заубер медхен!» – вскричал дядя Ваня и прижал меня к себе.

На глазах его блестели слёзы.

У дяди Вани было три сестры: Мария, Грета и Лиза (видимо, Эльза, но звали её все именно Лизой). Дяде Ване было, наверное, лет 50 или около того – мне он казался очень старым. Сёстры были чуть моложе, погодки. Мария была суровая, вся стерильная, несмотря на отсутствие водопровода и удобств в доме, почти бесцветная и всегда в фартуке. Она в основном готовила у них еду, стряпала. Грета, наоборот, черноволосая, красивые

глаза её лучились добротой, худенькая, какая-то вся нуждающаяся в ласке... Лиза тоже была почти черноволосой, очень симпатичная, но портила её криворотость. Были ли они замужем – не знаю. Мужчин у них в доме, кроме дяди Вани, я не видела, разве что знакомые забредали к нему по делам. Родители мои говорили, что семья дяди Вани пережила много, и криворотость Лизы – «на нервной почве». Они красиво вышивали гладью и крестом, «выбивали» из отбелённого полотна узорчатые дорожки для украшения спинки дивана, полок в посудном шкафу. Тогда всё в домах было похоже: нехитрая мебель, украшения из ткани, вышитые или выбитые собственноручно. Мои сёстры бегали в семью дяди Вани, обменивались узорами для вышивок с его такими совсем взрослыми сёстрами. Моя мама всегда угощала их семью своей сдобой, которой пекла много, и помню уважительное отношение к маме с их стороны: тесто у мамы было несравненным. Если наши родственники привозили нам из Москвы нитки мулине для вышивок, то мои сёстры делились с гессовскими. И у нас, и у Гессов в доме шторы на межкомнатных дверях, скатерти, накидушки на подушки были вышитыми. Жена дяди Вани работала продавцом в хлебном магазине. У них, как и у нас, были корова, свиньи, домашняя птица, грядки с огородными культурами. Дядя Ваня всюду сделал навесы для своего домашнего хозяйства: крупного инструмента, послезимней сушки и проветривания матрацев, одеял, домотканых ковриков, и если начинался дождь, не нужно было сломя голову бежать и хватать всё с верёвок в охапку, чтоб не намочило – как это было у нас. Дорожка к дому от калитки была посыпана песочком и обложена кирпичами как-то красиво – зубчиками. Кирпичи эти Гессы каждой весной белили извёсткой. Сёстры дяди Вани ко мне относились не просто хорошо, а как-то даже по-родственному. Однажды Грета связала мне крючком дивный кружевной воротничок, и мама пришивала его то на одно моё платье, то на другое, что делало необыкновенно нарядным мой гардероб. От них от первых в своей жизни я получила на Рождество 1955 года маленький сплетённый хвойный венок с вставленным внутрь колокольчиком из фольги от шоколада. Он долго хранился у нас в семье, пока не пожелтели и не выпали все хвойные иголки...

Рюмочная, или Прогулки с папой

Мало кто, родившись не в столичном городе, может похвастать, что название его города знают все, или почти все, или, во всяком случае, сотни миллионов людей. А мы, карагандинцы, можем. Наш город вошёл не только в давно и часто произносимую всеми на бывшем родственном пространстве могучей прежде страны поговорку «Где, где – в Караганде!», но теперь ещё у нас есть и памятник, посвящённый этой поговорке. Горняцкую Караганду всегда отличал большой интерес ко всем видам искусств, народ там живёт особый, потому и культурные традиции укоренились около века назад: театры, библиотеки, музеи, концертные залы не пустуют, любознательные и ценящие искусство карагандинцы охотно посещают их. Ну и печальные страницы советской истории выделяют наш город в особый разряд: здесь находился Карлаг, лагерь для политзаключённых, сосланных из разных городов и уголков СССР. Люди это были в большинстве своём образованные, начитанные, умелые, и их присутствие сильно влияло на интеллектуальную атмосферу Караганды. Ссылные эстонцы, чехи, поляки, немцы, русские были друзьями моих родителей. Они прекрасно играли на фортепиано, разбирались в литературе, имели в домах копии картин мировых мастеров живописи. Многим в то время запрещено было после отбывания срока в лагерях селиться в крупных городах Союза, а иные и сами не захотели из Караганды возвращаться в родные места. Ну что ж, на всё, как говорится, воля

Божья... Но этот город – особый в истории бывшей могучей Страны Советов и особый в истории моего Казахстана. А уж для меня – и говорить нечего: это колыбелька, в которой я родилась.

А возражения патриотов других городов принимаю с большой радостью: я люблю, когда любят. Город ли, страну ли своего рождения и проживания. Лишь бы была эта любовь чистой, искренней и верной.

... Мне 5 лет. Семья у нас большая – семь человек, считая маму и папу. Младшим всегда везёт, так я думаю. Я была младшей – «мазанный пирожок», как говорил папа. Я спрашивала: «А что это за пирожок – мазанный?» Папа и мама смеялись, и папа мне отвечал: «Вот пекли раньше пирожки в русской печи – румяные, поджаристые. А смазывали их, готовенькие, топлёным сливочным маслом. Масла не так много было, и вот некоторые пирожки были помазанными маслом, а остальные – просто румяными, хотя такими же вкусными. Мазанный пирожок считался вкуснее». Любви мне досталось много от старших братьев и сестёр. Разница в возрасте со старшим братом в 17 лет... Но как раз его-то и не было в моём самом раннем детстве... Старший брат – сын моего папы от первого брака. Его жена Дуня умерла в 26 лет от малярии, которую тогда не умели лечить. Её сняли с поезда, который катил из Оренбурга в степи Казахстана. А Сашенька, сын Дуни и моего папы, остался. Ему тогда было два годика. И моя мама вышла замуж «на отца с ребёнком». Она полюбила папу с первого взгляда – красивого, стройного, с военной выправкой казака, зеленоглазого и с чёрной вьющейся шевелюрой. Папа играл на гармонии. Папа был очень щедрым человеком. А ребёнка его, нашего старшего брата Сашеньку, мама приняла как своего. И о том, что он нам не родной по матери, мы узнали уже взрослыми. Я – когда мне было 18 лет. Мама всегда вспоминала, что в войну именно Саша был её опорой: папа-то был сначала в армии («на действительной службе», как говаривали мои дорогие родители), а потом началась война, и папа с 1941 по 1945 годы всю её прошёл, урывками видясь со своей семьёй. И брат Саша помогал маме, оставшейся в тылу в Казахстане, во всём, и возился с сёстрами и братом, которые родились до меня. И ни разу не нагрубил ей, не отказался от любого заданного ему мамой дела, и был единственным свидетелем её слёз, и когда она опускала руки и ей казалось, что уже всё – предел, именно Саша поддерживал её... Он был Мужчиной в доме, из которого война изгнала отца-кормильца. Он был нежной нянькой для моих старших сестёр и брата. Вспоминали родители мои дорогие, как Саша нёс на руках Кольку, моего брата, который старше меня на 10 лет, в одной рубашонке. А Колька, мною нежно и горячо любимый до сей поры, был в ту детскую пору как ангел: чёрные кудряшки, молочно-белый цвет лица, губки бантиком... И вот встречавшиеся на пути моего старшего брата с младенцем Колей на руках умильно говаривали: «Ах, какая прелестная девочка! Сестра?». Брат мой Саша отвечал хмуро и неприязненно: «Да мальчик он. Брат. Показать?». И вздёргивал при этом рубашоночку, сшитую мамой, на пузе маленького Кольки, чтоб они убедились: мужик! И родители мои до конца своей жизни Сашеньку по-особому трепетно любили, как и мы все, выражая свою любовь вполне материальными поступками и реальным участием...

Я одна в семье послевоенная. И Сашу я почти не знала, потому что он учился в Омске в военном училище тогда, когда я стала помнить себя. Но образ Саши как хорошего, чуткого, верного человека, с которого нужно брать пример, был на устах моей матери столько, сколько я себя помню... И когда мы со старшим братом стали общаться наконец (он служил как пограничник на морских границах СССР – островах Симушир, Кунашир, потом в Вентспилсе, Клайпеде,

и я знала его только по переписке), мне было лет 12. Расхождения в том, о чём рассказывала мама, с тем человеком, которого узнала я, не было. Я снова ощутила себя счастливой девчонкой в хорошей, дружной, искренней и простой семье.

Но вернёмся к моим 5-ти годам в Караганде... Это был конец 50-х годов XX века.

Папа приходил с работы домой поздним вечером. Его комиссовали из армии по здоровью – у него открылась в конце войны нелеченная язва желудка... До конца жизни он сохранил военную выправку, стройность, самодисциплину, аккуратность в одежде и обуви, которую тщательно начищал (причём начищал не только свою, но и нашу, детскую. Может, с тех пор и не приемлю неначищенную обувь?..). По гражданской специальности папа был бухгалтером. А должность, которую он занимал в те годы в Караганде, была «крутой» – он был замначальника ОРСа, ведавшего снабжением продуктами и товарами Караганды. Контора эта подчинялась Москве, то есть у неё было «союзное подчинение». Эта должность была бы для нынешних бессовестных воротил истинным Клондайком. Но папа был коммунист, честный человек. И у него были свои честные и незыблемые принципы. Мы жили так же, как и всё наше окружение: от зарплаты до зарплаты и от даров, которые давали нашей семье выращенный огород и домашняя скотина.

К приходу папы с работы всегда приурочен был ужин (так сохранилось на все годы, пока папа был жив). Обедали мы без папы, который был на работе, и обедали тоже всегда в одно и то же время. Во-первых, мама считала залогом здоровья приём пищи в одни и те же часы. Во-вторых, у мамы было дел по горло – огород, скотина (корова, две хрюшки), «птица» – куры и индюки. Она крутилась с утра до вечера, наша чудесная мама, успевая всё бельё постельное и одежду на 6 человек перестирывать вручную в оцинкованном корыте со стиральной доской, успевая готовить еду для нас и домашней скотины...

Когда наступал наконец долгожданный день отдыха (а тогда он был только один – воскресенье), папа был дома...

Он что-то налаживал в сбоях по электричеству (хотя большим мастером по этой части не был, сколько я себя помню), что-то где-то прибывал и мастрячил по указанию мамы (тоже, помнится, не особенно успешно), но потом у него наступал «потехи час». И тогда папа говорил: «Настенька (именно так он называл мою маму до последнего часа своей жизни), наряди Светланку – я хочу с ней прогуляться». Мама строго смотрела на папу и отвечала: «Только не пей, Коля». Папа слегка смущался, но тут же возмущённо и как бы клятвенно говорил: «Да боже упаси!!!». При этом он косил глаза на меня – мол, с ребёнком же иду гулять, какая уж тут выпивка...

Мама наряжала меня в перешитые ею из платьев моих старших сестёр и сшитые «по купонам» (видимо, это были готовые выкройки – лекала. Их привозили родственники папы из Москвы) замечательные одеяния: платьица с оборочками, какими-то кружавчиками, рюшечками, вшитыми ленточками. Надевала мне на голову панамку, шитую из изношенных папиных белых полотняных (общемодных в то время) одежд, заставляла меня непременно надеть носочки, прежде чем совать ноги в коричневые общепринятые сандалики, и – отпускала нас с папой на прогулку...

И вот мы шли по Караганде... То есть по нашему близкому к дому райончику. Все встречные с папой здоровались за руку. Кто-то останавливался, чтобы поговорить с ним о чём-то важном – я с нетерпением переживала эти скучные моменты. Мы задерживались в парке, где играл духовой оркестр –

чудесные медные трубы слепили глаза. Мальчишки-подростки играли в этом парке в лягу, в асыки. На скамеечках сидели пожилые орденосцы, молодые влюблённые пары. Мамы, накрывши марлей колясочки со спящими детками, ели мороженое или читали книжки. Наконец, мы с папой достигали зелёного промежуточного сквера, после чего выходили к «Рюмочной» – было такое заведение в Караганде тех лет, а читать, хоть и по слогам, и тем более крупными буквами, я уже умела. Папа становился очень оживлённым. Он говорил мне: «Сейчас, Светлана, я тебе куплю твою любимую шоколадку – твою «мумутеньку», ну ты ведь знаешь, там коровка нарисована, да? А ты будешь умницей. И не станешь заходить в эти двери (он указывал на вход в «Рюмочную»). Ты поиграй здесь, ладно? Смотри как хорошо!». Тут папа оглядывал голое пространство без игрушек, без других детей вокруг, скучное и однообразное, и неправдоподобно радостным голосом извещал: «Тут свобода! Бегай себе, прыгай! Играй, доченька!».

«Доченька» играла в течение часа... За это время в «Рюмочную» входили разные люди, молодые и старые мужчины. А выходили многие совсем пьяными – трудно было разобрать, кто молодой, а кто – старый. (Что такое «Рюмочная» изнутри, я узнала уже будучи почти взрослой во время каникул, когда ездила в Россию – было интересно, куда же-таки заходил мой папа... «Рюмочная» – это такое заведение, где продавали спиртное – водку, вино, коньяк – на розлив. И обязательно в цену рюмочки входил, оказывается, небольшой бутербродик с маслом и сыром. Или с маслом и килечкой, или с маслом и кружочком колбасы. То есть, если нет у человека желания или денег покупать целую бутылку спиртного, можно было вполне обойтись рюмочкой-другой, да ещё и с закуской, и на этом остановиться. Став взрослой, в Алма-Ате таких заведений я не помню).

Наконец появлялся папа...

Он был оживлён. Хвалил меня за терпение и послушание – ещё бы, в «Рюмочную» я не заглядывала и далеко от неё не отходила. Он по пути к дому купил мне мороженое – белую сладкую рыхлую ледяную шайбочку, прижатую двумя вафельками, за которые нужно было держать это мороженое – самое вкусное в мире. Его продавала добрая тётяшка. В её голубой тележке лежали, как минимум, миллиарды штук этого лакомства, и она отмеряла стандартную дозу с помощью особой блестящей трубочки-дозатора, откуда и вылезала эта чудесная шайбочка, и прижимала эту божественную снедь двумя кругляками вафель... Далее по пути к дому папа пытался танцевать в сквере, который мы опять проходили.

Он брал меня на руки и высоко подкидывал – я была счастлива! И он говорил в нескольких минутах от дома: «Не говори маме, что мы были в «Рюмочной» и я там выпил».

Да папа мог бы и не предупреждать! За такое счастье – быть доверенной в дружбе – я готова была умереть. Но тем не менее я пылко замечала на его просьбу: «Папочка, я-то не скажу. Но мама как-то ведь и сама всё узнаёт...».

... Мы входили в наш дом. В доме вкусно пахло лепёшками или пирожками. Выходила нам навстречу мама. Лицо её из радостного становилось чуть грустным, и она, глядя на папу, разочарованно вполголоса выдыхала: «Ну-у-у, Коля, ты выпил, да?».

И тут же я разражалась искренним, горьким плачем и, глядя на папу, извергала вместе со слезами: «Ну вот, видишь? Я же тебе говорила – она сама всё узнает!».

И тут, как ни странно, мама и папа начинали хохотать, и оба обнимали и тискали меня, целуя в голову, в щёки, в глаза...

И по прошествии многих десятков лет я думаю: предавала я папу или нет? И вообще: ЧТО есть предательство?

Дед Купцов, или Традиции чаепития

Моя сестра Тамара, что была старше меня на 12 лет, дружила с Милой Купцовой. Когда меня поручали ей, а сестре не хотелось сидеть дома, она брала меня в гости к своим подружкам. Вот и к Миле Купцовой брала.

Помню их особняк – он был богаче нашего. Но я не в детстве это поняла: в детстве я поняла только его отличие от нашего. Уютный, за высоким зелёным забором, он имел большую веранду с застеклёнными маленькими ромбическими окнами, большую же гостиную, три спальни и кабинет деда Купцова. Чем уж таким важным занимался дед Купцов – не знаю, но к нему не полагалось входить, если он работал у себя в кабинете. И это меня сильно интриговало: я с детства не люблю никаких закрытых комнат «синей бороды», мне всюду хочется сунуть свой нос из любопытства, даже если это опасно: а то вдруг умру и не узнаю какую-то важнейшую тайну этого мира. И вот как-то раз, придя с сестрой к Купцовым, я осталась одна в этой гостиной, обложенная совсем не интересными мне взрослыми книжками с картинками какого-то Дюрера, с вазочкой, наполненной мятными леденцами, которые ненавижу, с безглазым, почти полностью распоровшимся по швам плюшевым мишкой из Милкиного раннего детства... А сестра ушла с Милой в её комнату. Громко тикали большие настенные часы в этой огромной (так мне казалось) гостиной... От моих шагов кивали головами семь сероватых слоников на полочке дивана... Мне стало жутко, одиноко, я поняла, как сильно я люблю маму – только маму мою единственную на всей земле! – и я отчаянным ором позвала сестру. Но она не услышала: там они с Милкой слушали патефон. Зато открылась дверь вот этого жуткого, неизвестного никому КАБИНЕТА, и из него вышел почти Дед Мороз – так я восприняла этого благородного старика с седой бородкой и густыми седыми кудрями. Я онемела.

– Ты чего тут кричишь? – строго спросил он.

– Я тебя не люблю, – пряча страх, оборонялась я. – И я тут боюсь, – призналась я сразу.

– Чего боишься-то? Может, ты дурочка? – язвительно спросил старик.

– Ты сам, – сказала я в надежде, что он позовёт сестру за эту мою грубость. И мы с ней пойдём домой. – Одна сижу, к маме хочу.

– Ну-у, к маме всегда все хотят. А чаю ты хочешь? – он подмигнул мне как свой.

– Не знаю... (Я растерялась: самим им всем хорошо, а я тут пропадаю).

– У меня чай непростой. Кто его выпьет – тот уже никогда ничего не боится.

– А-а-а – догадалась я, – вот почему к тебе в КАБИНЕТ всегда нельзя. Ты там чай варишь?

Дед засмеялся, у него были на удивление белые красивые зубы.

– Ты правильно догадалась, – сказал он. – Но больше никому не говори, хорошо?

Я кивнула.

Дед Купцов взял меня за руку и повёл в свой КАБИНЕТ. А там-то – ничего особенного: стол, кресло, настольная лампа да полки с книгами. Как у всех. Только машинка пишущая на столе – я впервые её увидела и заинтересовалась. И не знала, как она называется.

– Что это? – спросила я и осторожно нажала на букву «а». Буквы там были расставлены в беспорядке, постичь это было невозможно – не то что в азбуке!

– Это то, на чём я варю свой чай, – улыбнулся дед Купцов.

– Ты обманщик? – спросила я деда Купцова. – Чай варят в самоваре или в чайнике на печке.

Он смутился.

– Да нет, что ты, – стал оправдываться он. – Я тут действительно кое-что варю в своей голове.

Я удивилась: как это в голове можно что-нибудь варить? Кастрюля она, что ли?

– Ты же сказал – чай варишь!

– Ну да! – засмеялся он. – Вот угощу тебя сейчас, такую смелую.

Он усадил меня в кресло, а сам вышел на минутку, и когда вернулся, принёс с собой два стакана чаю в гранёных стаканах, поставленных в подстаканники. А подстаканники были – чудо: там на металле жёлуди переплетались с виноградом, витали крошечные бабочки...

А в самом дымящемся золотисто-коричневом чае плавала долька лимона, а лимон для меня с детства – высшее наслаждение и редкое тогда лакомство: могу есть его без сахара и с корочкой...

– Пей, – сказал дед Купцов. – Раз ты такая смелая девочка, этот чай для тебя.

Я пила этот чай с лимоном, дуя в стакан и стараясь прихватить зубами дольку плавающего там лимона, глядя на волшебного деда Купцова, а он тихо посмеивался...

В комнату залетела моя сестра Тамара.

– Извините, – сказала она, испуганно и подобострастно взглянув на деда Купцова. – Вот такая она девчонка (тут она взглянула на меня с возмущённой ненавистью) – никого не боится, везде лезет...

– Мы прекрасно поговорили с нею, – улыбаясь, ответил дед Купцов. – И она проявила интерес к единственно ценному инструменту в нашем доме.

– О, к пианино, конечно, – усмехнулась догадливая сестра, положив свою руку на мою голову и незаметно больно сжав при этом мои волосы...

– Нет, – ответил дед Купцов. – К моей пишущей машинке.

Скупой рыцарь шоколада, или Завскладом Шашкин

Папа был величиной в то время (это я сейчас понимаю). Но он не пользовался своим положением никогда. Нормальный, не бессовестный человек, он принимал «взятку» только в виде бутылки коньяка, которую и распивал вместе с «взяткодателем». Причём ему нужна была беседа с умным человеком во время этого «принятия на грудь» – не от всякого он принимал этот бахусовский дар и не со всяким выпивал эту бутылку.

Был у него приятель Шашкин. Он заведовал складами прославленной тогда, в послевоенное время, кондитерской фабрики города Караганды. В те годы кондитерская фабрика Караганды соперничала с лучшими кондитерскими предприятиями Москвы – и по качеству своей продукции, и по её оформлению. Я, будучи тогда ребёнком, прекрасно помню все фантики от конфет того времени, все чудесные обложки шоколадок и коробочки с выпуклыми тиснёными иллюстрациями на них из сказок Пушкина.

Помню и Конька-горбунка, несущегося на фоне синего звёздного неба, конфеты «Весна», «Цитрон» или «Радий» в красивой обложке, «Ну-ка отними» с девочкой, которая держит в руке лакомство для пёсика. А ему ещё предстоит до него допрыгнуть! Про «Мишек» на Севере и прочих широтах не говорю, «Красная шапочка» была из этой же серии очень дорогих и праздничных, покупаемых совсем понемногу конфет. Четырёхугольные ириски «Золотой ключик», карамельки

«Барбарис», «Театральная», «Мятная» были общеупотребительными... А все шоколадные конфеты упаковывались не просто в фантик: там ещё были тоненькие бумажки и фольга – причём в каждой конфетке! Арахис в карамельной оболочке был бледноватого оранжевого цвета (его красили морковью, а не химической гадостью, как сейчас), вкуснейшие «подушечки» были обсыпаны порошком какао, а круглая карамель «Крыжовник» и по форме, и по размеру напоминала эту ягоду, а внутри неё было крыжовенное варенье...

Папа в вечерних разговорах с мамой говорил (меня, маленькую, всё впитывавшую, он не принимал в расчёт), что Шашкин большой плут. Но работать умеет.

И вот к этому «плуту» я помню два визита – вместе с папой, конечно же.

Мы приходили на склады Шашкина, и папа, осмотрев стеллажи с продукцией, садился затем с Шашкиным за стол, что-то писал, о чём-то они говорили. Шашкин был внешне как разваренный пельмень: и ушки у него были круглые и бесцветные, и все черты лица такие же. Меня на время своей беседы они отправляли в экскурсию по складу, и папа при этом наставлял: «Выбери себе что хочешь. Но только одно, поняла?».

Папу послушаться я не смела, но как было выбрать «что-то одно» в этом прекрасном море коробок, коробочек?! Всё было очень красиво, аромат от этих коробок шёл фантастический... В конце концов, расплакавшись, я подходила к папе с Шашкиным и говорила: «Ничего я не хочу, пойдём домой!».

Папа и Шашкин смеялись, и Шашкин сам выбирал мне коробку конфет с иллюстрациями к сказкам Пушкина и ещё что-то попроще – пачку вафель или мармелада.

Я угрюмо принимала подарок: возможность широкого выбора – это всегда большое искушение, и человек неспособен оценить то, чем он в конце концов завладел.

Когда мы с папой приходили домой, у меня не было вожделения к этим конфетам. Гораздо больше я радовалась, если мои сёстры или брат приносили мне откуда-то одну красивую конфету, или когда мама покупала в магазине на развес чудесные карамельные подушечки (у них форма настоящей подушки была) «Популярные». Что интересно, папа на меня не сердился за такое моё несветское поведение, не выговаривал мне, а как-то даже уважал, что ли. Не знаю. Мы с ним никогда об этом не говорили.

г. Алматы.

Июлай МАСАЛИН

Строптивая и Чудовище

Повесть

О пчёлы! Разве вы не для себя собираете мёд?!

Публий Вергилий

Глава первая

Этот апрельский день для неё заканчивался крайне неудачно. И как следствие, около полуночи она вынужденно прогуливалась под морозящим холодным дождём по тёмной безлюдной окраине Пригородного посёлка, граничащего с мегаполисом. Она, ученица десятого класса частной престижной школы-гимназии и единственная дочь преуспевающих в бизнесе родителей, не помнила, когда и при каких обстоятельствах прилипло к ней нелестное прозвище «Строптивая». Иногда ей казалось, что прозвище особо не унижает её достоинство, поскольку при словесных перепалках другие люди не раз обзывали её вредной, гадюкой, бессердечной и даже красной тряпкой для быка. А для стороннего наблюдателя могло показаться, что чередой колких слов она преднамеренно пытается причинять боль другим, навлекая при этом на себя беду.

От её строптивного характера больше всех страдали родители и педагоги, за исключением уроков математики, поскольку этот предмет она считала трудным и вела себя в классе корректно, опасаясь ответного посягательства учителя. Однако частенько бывало, что она, начитанная и остроумная ученица, ставила в тупик учителей физики, биологии и химии, задавая им неудобные каверзные вопросы, такие как: «Отчего у дятла не болит голова?», «Может ли паук плести паутину в условиях невесомости?», «Куда исчезают зимние виды птиц весной?», «Зачем травим микробов антибиотиками? А не разумно ли заставлять их вырабатывать электроэнергию так, как рабов в древности приковывали к тачкам?» или «Защитит ли человека от радиации освящённая в храме священная вода?».

Прежде её любимым предметом была литература. Однако в последнее время Строптивая потеряла интерес не только к ней, но и ко всем другим предметам. И теперь получала одни тройки, конфликтуя с учителями по поводу несправедливых, по её мнению, оценок. Не так давно Строптивая упорно доказывала классному руководителю, что она, наизусть знающая формулы всех сильнодействующих ядов, заслуживает по химии только отличной оценки.

А сегодня на уроке истории она вступила в полемику с учителем.

– В каких зарубежных странах вы были? – спросила его Строптивая.

– Ни в одной, – последовал ответ.

– Человек, не видевший ничего кроме своей страны, не сможет познать по-настоящему свою страну и её историю.

– Говорят, что путешествия развивают людей. Не совсем так. Человека развивает новая информация. Масса народу умудряется путешествовать, не замечая при этом вообще ничего. К своей персоне отношусь с уважением, поскольку я добросовестно изучил историю в университете и продолжаю изучать её до сих пор, – ответил учитель.

– В большинстве случаев историки не воспринимают прошлые события такими, какими они на самом деле были.

– Откуда это вам знать?

– Чем ближе к нам события прошлого, тем больше расходятся во мнениях люди при их оценке. А причина заключается в том, что исторические факты часто безжалостно отутюжены цензурой в той или иной стране. И тогда зарождаются мифы и ложь. Последняя из них может быть оправдана только в случае тяжёлой болезни пациента. И историки безжалостно сжигают Жанн д'Арк, но уже на костре истории. Кровопролитные войны и революции напоминают мне процесс бесконечно повторяемого укорачивания или удлинения женской юбки под диктатом переменчивой моды на «мини» и «макси». И это весьма печально, поскольку схожие по сценарию смуты повторяются снова и снова, а из человеческой трагедии извлекают уроки только военные хирурги. Следовательно, такой бесполезный предмет, как история, в школах преподают только для того, чтобы молодые люди не забывали прошлое.

– Невозможно переписать или изменить историю, а можно лишь пережить её заново, вернувшись мысленно в прошлое. Правда и то, что в исторических событиях непросто найти баланс между правдой и вымыслом. В таком случае, почему вам самой не разобраться в деталях, исследуя прошлое и одновременно черпая вдохновение из истории?

– Вдохновение можно найти где угодно. Не так давно меня сильно поразила и вдохновила картина взаимодействия лейкоцитов и туберкулёзных клеток под микроскопом, напоминая тропический цветок редчайшей красоты.

– Пусть будет так. Однако ваша критика историков с подчёркиванием бесполезности предмета истории абсолютно беспочвенна и неконструктивна.

– А в чём она состоит, «конструктивная критика»?

– Указывая верное направление, она вовсе не ублажает душу, но взывает к совести. Я надеюсь, вы знаете – что означает слово «совесть».

– Разумеется. Совесть – это внутренняя сила человека, сопротивляющаяся лишению невинности ещё не развращённого компромиссными «делками» его сознания.

Дискуссию прервал звонок, извещающий об окончании урока. По внешне невозмутимому лицу учителя следовало понимать, что состоялась вполне цивилизованная дискуссия, чего нельзя было сказать на следующем уроке литературы. На ней ученики обсуждали «Муму» Тургенева, за исключением Строптивной. Подойдя к ней, учительница попросила снять наушники и отложить в сторону мобильный телефон.

– Я слушаю классическую музыку. В отличие от литературы она выражает реальность, – ответила Строптивная.

– Рассказ Ивана Сергеевича Тургенева о глухонемом дворнике и его собаке не есть вымысел, – возразила учительница.

– Сомневаюсь. Рассказ слишком печальный. Читая его, я не чувствую, что он написан для меня. Классики – скучные и дико страдающие от одиночества люди со странностями, поскольку плодотворно писать удаётся только при полном одиночестве. Следовательно, оторванные от реальной жизни писатели вынуждены придумывать сюжеты своих книг или заимствовать их из мифологии. А мне это совсем неинтересно. Только сочинители собственных историй становятся лучшими среди писателей.

– По-вашему, в чём состоит «странность» классиков?

– Не один из них закончил свой жизненный путь, собственноручно всаживая в себя пулю. Можно привести и другие нелюбимые факты. Один из корифеев литературы всю свою жизнь страшился, что его непременно похоронят живьём. Другой классик, проходя через сталинские лагеря, панически боялся запертых дверей. Когда однажды заболел, вопреки протестам он оказался запертым на ночь в VIP-палате. На другое утро его обнаружили мёртвым. А выдающийся классик 20-го века, прежде чем закончить свою жизнь в психиатрической клинике, на швейцарских альпийских лугах выловил свыше 4000 несчастных бабочек, каждая из которых затем, прежде чем стать музейным экспонатом, медленно умирала от голода мучительной смертью. Чтение прозы таких писателей равносильно восхищению непонятными рисунками, нарисованными на асфальте окаменевшим собачьим помётом.

– Озвученные вами примеры оскорбляют слух. Они всего лишь единичные случаи и отдельные проявления жизненной трагедии, что может приключиться с кем угодно. Человек может оступиться или даже застрелиться, но уважение к создателю шедевров сохранится на века. Нет выше наслаждения, чем чтение произведений классиков, не говоря уже о современной литературе.

– Современная литература мне напоминает отражение реалий современного общества в кривом зеркале, где пошлость и разврат принимается за любовь, а любая гадость становится сенсацией. Пена. Отстой. Между ними бессодержательная пустота. В современной прозе изобилуют сцены насилия с применением гранатомётов или автоматов Калашникова и «страшилки» о военных переворотах. И это происходит потому, что для авторов главной мотивацией выступает только коммерческий успех, а не проповедничество и даже не попытка донести до читателей жизненную правду. А сами современные авторы – крайне недоброжелательные и завистливые люди. Когда их спрашивают об их любимых писателях, они непременно называют имена Толстого, Бунина, Горького, Достоевского и других, не желая выделять кого-либо из современников из зависти к ним. Нужно писать хорошие книги без секса, сцен насилия и крови, иначе свою воспитательную роль потеряет не только литература, но и взаимосвязанное с ней школьное образование. Однако я вовсе не настроена против всех писателей, и уважала бы тех из них, которые извиняются перед читателями за неудавшееся литературное произведение в предисловии к нему.

– До недавнего времени вы выделялись среди других учеников класса особо ценным качеством нестандартно мыслить на уроках. Я считала вас знатоком мировой литературы. Прежде чтение способствовало тому, что вы не опускались ниже недозволенного уровня как личность. Однако теперь, когда вовсе перестали читать, ваша голова занята совершенно не позитивными мыслями, а сами постоянно стараетесь причинять боль другим. Так можно вырасти бесполезным для общества человеком.

– Бесполезных для общества людей не бывает, поскольку после смерти все мы превращаемся в удобрение.

– Крайне циничное суждение! Незачем вам думать о смерти в таком молодом возрасте. Лучше бы всем нам быть чуточку сердечней друг к другу. Разве вас совсем не беспокоят муки совести после высказанных вами слов?

– Меня сейчас беспокоит только позыв на мочеиспускание.

В классе раздался дружный смех.

– Можете выйти, – сказала учительница с возмущением.

Покидая здание школы, по мобильному телефону она попросила личного водителя отчима не заезжать за ней. Сама села в такси, за рулём которого сидел молодой парень, часто возивший её в город и обратно.

– Куда едем? – спросил он.

Не дождавшись ответа, догадливый таксист направил машину в сторону города. Зная о сложном характере Строптивной, он старательно избегал скандала с ней, не желая терять постоянного клиента. А на всякий случай переспросил:

– В нужном ли направлении едем?

– Не беспокойтесь – ведь земля – то круглая, – ехидно вымолвила она.

– Неужели вы представляете себе земной шар размером не намного больше моей машины? – пробормотал недовольный таксист в ответ.

В центре города из такси она вышла у ресторана.

За свободным столиком Строптивная ожидала официантку. В это время к ней подошли двое парней и девчонка – на вид её однокласски. Они желали присоединиться к ней, а Строптивная не возражала.

– Мои друзья прозвали меня Непоседой. Говорят, что я живой, как ртуть, и не умею спокойно сидеть на одном месте, – представился кудрявый весельчак, время от времени напевавший строку из какой-то песни, придавая словам оттенок пошлости каламбуром слегка заикающегося человека: «Насра... нас ра... нас радует весна...».

Когда Строптивная обратила внимание на Непоседу, он представил ей других членов компании.

– Моего друга с грустными глазами не так давно мы прозвали Рогоносцем. Смотри, его голова глубоко опущена в плечи под отягощающим бременем личного позора. А как же иначе! Ему тайком изменяет подруга по прозвищу Малина. А она такая сладкая, что нельзя её оставлять ни на минуту без присмотра, особенно в ресторане. Здесь мы собираемся отметить их очередное примирение. Я посоветовал Рогоносцу простить Малину

и пережить своё горе благополучно. А если говорить о себе – мне интересны только три темы: «секс, джаз и футбол». Но больше всего на свете я люблю футбол. Даже вне футбольного поля мною движет инстинкт центрального нападающего, – сказал Непоседа с чувством собственного превосходства.

– В своих монологах тебе не следует так часто употреблять слово «я». В противном случае можешь оказаться в положении «вне игры». И как только разговор пойдёт о сексе, я уйду отсюда. Пусть каждый человек переживает сексуальную революцию про себя, в одиночестве или рассуждает вслух на эту тему в кабинете сексопатолога, – сказала Строптивная, обращаясь к Непоседе, который, услышав эти слова, моментально встревожился.

– По-твоему, выражаясь футбольным языком, я могу оказаться в положении «вне игры»? Правда? Разве ты разбираешься в футболе? А что такое «пас» по-твоему? – спросил он её с ехидством.

– Пас?

– Да, именно.

– Пас – это когда мои партнёры по команде направляют мяч мне и только мне так выверенно для моего же удобства, чтобы я его приняла без особого труда и без обработки.

Наморщенный лоб Непоседы выразил досаду. В словесной перепалке он безнадежно проигрывал языкастой девчонке. Желая поставить её на место, он решил прибегнуть к ранее испытанному сценарию нанесения обиды собеседнице в подобных случаях.

– Мне кажется, что ты сильно страдаешь и часто злишься от недостатка вздыхающих по тебе почитателей, хотя выглядишь вполне иконографичной. Как только снимешь очки, я дам тебе ценный совет.

Строптивная сняла очки.

– О-о-о! Оказывается, без очков ты совсем недурна собою, – с притворным восхищением вскрикнул Непоседа.

– Когда я на тебя смотрю без очков, ты также выглядишь вполне симпатичным, – ответила Строптивная.

Раздался одновременный хохот Рогоносца и Малины. С лица Непоседы исчезло выражение озорства. Придя в себя от обиды, он ответил:

– Поздравляю! Смеётся даже Рогоносец, до сих пор представлявший собой образ мировой скорби. Ты поставила меня в смешное положение. Извини, если я выразился не так. Я всего лишь выразил тебе своё сочувствие, а ты начала язвить.

– По-другому я не умею разговаривать.

– Мне жаль твоего будущего мужа.

Распивая вино в густом табачном дыму, они веселились и танцевали до самого позднего вечера. Не отрывая глаз от Рогоносца, Малина старательно изображала на своём лице влюблённость. Перед расставанием Непоседа обратился к Строптивной:

– Я рад нашему знакомству. Мне по душе твой строптивный характер. Только что у меня в голове созрел грандиозный план. Давайте вместе отправимся на Северный Кавказ и там отдохнём хорошенько на горнолыжной базе.

– А школа? Ведь летние каникулы наступят нескоро, – ответила Строптивая ему в нерешительности.

– Мне наплевать на школу! Ненавижу кем-то написанные бессмысленные правила! Мы должны посещать не школу, а академию для детей богатых отцов. Наши «предки» наверняка договорятся с директором школы. Они обменялись телефонными номерами.

Возле дома Строптивую ожидала мать, сильно обеспокоенная долгим отсутствием дочери.

– Где ты была? Почему не предупредила меня и отключила свой мобильный телефон? Ты опять выпила? – спросила она сердито.

Оставив вопросы без ответа, Строптивая вошла в дом. Мать последовала за ней в её комнату. Появился отчим Строптивой.

– На тебя опять пожаловалась учительница литературы, – сказала мать дочери.

– Разве? Пусть жалуется. Разве всем угодишь? Покидая даже давненько засиженное благополучное местечко, человек непременно поворачивается к кому-то лицом, а к кому-то – задом. Мне не хочется быть совершенным человеком.

– Почему?

– Совершенство грозит смертью от восторга.

– Твоё упрямство неискоренимо, когда делаешь всё для того, чтобы другие принимали тебя за заносчивую девчонку. В своё время я зря доверила твоё воспитание моим родителям...

– Об этом и о невыносимом моём характере, в точности напоминающем характер дедушки, я слышала много раз от тебя. Характер человека не его собственное изобретение. Даже если я характером действительно пошла в деда, то в этом нет ничего удивительного. Родителей всего двое, а дедушек намного больше. Тем самым предоставляется широкий выбор на генном уровне. К тому же учёные признали бабушек и дедушек бесполезными в воспитании внуков существами. К твоему огорчению, они меня воспитали неправильно. Особенно преуспел дедушка, который чересчур меня избаловал.

– Он был хорошим человеком, но с трудным характером. А твой характер вовсе невыносимый.

– От изъянов в воспитании страдают не только дети, но также их родители. Они сами провоцируют своих детей на действия, которые им не нравятся. Большинство матерей – монстры, а их дети – тоже не ангелы, поскольку рождаются от глупых женщин и потом всю жизнь «играют» своих мам. Я не исключение.

– Как ты смеешь оскорблять родную мать?! Побойся Бога!

– Ты вспоминаешь Бога только тогда, когда тебе совсем худо. А я говорю тебе правду. Разве не ты в детстве укладывала меня спать так рано, желая скорее избавиться от обузы, насильно превращая совёнка в жаворонка? И какими только карами ты ни пугала меня. Когда мне было шесть лет, впервые от тебя я услышала, что непослушные дети могут оказаться в колонии строгого режима за совершённые им преступления, как только им исполнится шестнадцать лет.

– Если даже матери совершают подобные ошибки, всё равно они любят своих детей.

– Не рассуждай за всех, когда разговор идёт о нас с тобой. В любой семье дети должны быть любимы только за то, что они есть. Мамы должны быть готовы даже полететь в космос только для того, чтобы потом рассказать своим детям о своих впечатлениях. До сих пор ты воспитывала меня своим невмешательством в мою жизнь. Теперь уж продолжай в таком же духе.

– Я тебя совершенно не узнаю ...

– А я узнаю тебя только потому, что в младенчестве моя жизнь сильно зависела от тебя.

Женщина беззвучно заплакала. Отчим Строптивной старательно утешал супругу. А когда мать немного успокоилась, Строптивная перевела разговор на другую тему:

– Сегодня я познакомилась с парнем, предложившим мне вместе поехать на горнолыжный курорт. На дорогу мне нужны деньги ...

– Что ты мне говоришь? – переспросила мать, вытирая платком глаза.

– Жду ответа.

– Ты же совсем не знаешь этого парня. Кроме того, школьный год ещё не закончился, – негодовала женщина в истерике.

– Я не желаю оканчивать среднюю школу дважды.

– Не поняла...

– Я давно освоила школьную программу. Теперь мои школьные годы превращаются в «посещение ради посещения». Было бы разумно сократить срок пребывания в школе до 9 лет.

– Я запрещаю тебе встречаться с этим парнем и денег тебе не дам!

– Неужели родители должны побывать в концлагере, чтобы своим детям дать полную свободу? Без неё жизнь слишком скучна.

– Господи, как можно говорить такие вещи? Я же желаю тебе добра и счастья.

– Насильно никого не сделаешь счастливым. Я ничего в жизни не буду делать по твоему примеру. Признайся честно, что пытаешься из меня «вылепить» заискивающую перед тобой коленопреклонённую послушницу женского монастыря, целыми днями отлёживающуюся на диване в окружении конфет и пирожных. А что потом? Разве моё место в музее в качестве экспоната с надписью «Образцовая дочь своей мамы»? И тогда у тебя точно не было бы хлопот. Между прочим, что значит счастье? Побывав много раз замужем, ты всё время мечтаешь о том, чтобы в выборе мужа я была удачливой, чем ты сама.

– Что за вздор! Я всего лишь напоминаю о том, что тебе не нужно вешаться на шею первого встречного парня.

– Ты себе уже представила, что я, увидев его, ахнула и влюбилась с первого взгляда. Успокойся, я не целовалась с ним на виду у всех на движущемся эскалаторе и не ношу на теле татуировку с его именем. Если даже со временем он меня совратит, то не надо воспринимать совращение как

извращение. А если на Домбае я стану жертвой снежной лавины, то можешь всем объявить: «Моя дочь убита по собственному желанию». Ссылка на форс-мажорные обстоятельства освобождает тебя от ответственности.

Быстро одевшись, Строптивная бегом покинула дом.

– Дождь идёт. Возьми зонтик! – раздался выкрик отчима.

– Ничего страшного! Я совершу такой слалом между дождевыми каплями, какой могла совершить на горных лыжах на Домбае, – раздался ответ из темноты.

Плядя вслед уходящей дочери сквозь слёзы, мать тихо прошептала: «Господи, одолжи ей немножечко здравомыслия и рассудка!».

Глава вторая

Было далеко за полночь. Сильно подуставшая девчонка со строптивым характером без спешки обходила слабоосвещённые здания одно за другим, шлёпая по лужам и временами с треском пробираясь сквозь мокрые кусты. Потеряв ощущение времени, она не хотела возвращаться домой, трезво рассуждая, что чем дольше затянется её ночная прогулка, тем больше за неё будут переживать отчим и мать, а последняя может смягчиться и разрешит ей поехать на Северный Кавказ. Часто оглядываясь по сторонам, каждый раз она выбирала удобный маршрут между различными сооружениями и складскими помещениями.

Холодные капли дождя били её по лицу. Насквозь промокший плащ отягощал плечи, влажные стопы мёрзли в добротных кроссовках, а сама начала утомлённо зевать на ходу. И вдруг в темноте она почти наткнулась на железное ограждение вокруг кладбища. Сильно испугавшись, она подумала, что ушла слишком далеко в сторону от посёлка. Её привыкшие к темноте глаза еле различали тёмные очертания наиболее высоких надгробных плит за оградой. Когда решила возвращаться назад, Строптивная поскользнулась и, почти падая, оттолкнулась спиной от железного ограждения. Спешно выпрямившись, пошла в направлении домика с единственным светящимся окном. Когда подошла близко к домику, неожиданно раздался лай собак. Выскочив из темноты, они остановились на расстоянии опасной близости от неё. В тусклом свете электрической лампы, висевшей на отдалённом придорожном столбе, она едва различала силуэты собак, огрызавшихся на неё с нарастающим остервенением. Строптивная энергично размахивала палкой, подобранной из-под ног в нужный момент для самозащиты. А когда собаки окружили её со всех сторон, на неё опустилось сознание беды. В это время послышались стуки, а следом с протяжным скрипом открылась дверь дома. Тут же раздался мужской голос. Строптивная не откликнулась. Нашарив на стене выключатель, незнакомец включил свет над входом в дом. И в сиянии брызнувшего света электрической лампы Строптивная увидела старого человека среднего роста в нелепой неопрятной одежде и с взлохмаченными волосами. Однако дом, у крыльца которого он стоял, выглядел намного старше.

Как только хозяин повелительно окликнул, собаки разом притихли. По другой команде в неразборчивом протяжном крике они вовсе пропали

из виду. Вздохнув облегчённо, она повернулась лицом к своему спасителю. Несколько секунд они смотрели друг на друга в упор. Она узнала человека по прозвищу Чудовище, о котором жители Пригородного посёлка отзывались крайне нелестно. Как ни одна другая фигура в посёлке, его имя обросло легендами и обрело ореол таинственности. Его, человека со скрытым характером, люди видели нечасто. Когда он надолго исчезал из поля зрения, все предполагали, что Чудовище ушёл в бессрочный запой, хотя даже самый чувствительный анализ не установил бы ни малейшей концентрации алкоголя в его крови за всю его жизнь.

Чудовище заговорил снова, но Строптивная опять не понимала произносимых им слов и подумала: «У него совершенно нереальное произношение. Возможно, либо он нетрезвый, либо он косит под Муму с намерением меня напугать».

– Не бойтесь! Подойдите поближе, – сказал Чудовище вдруг совершенно ясно.

Демонстрируя слабый жест доверия, Строптивная несмело приблизилась. И с близкого расстояния увидела обожжённую левую половину лица стоявшего перед ней человека и безжалостно оторванную его верхнюю губу. Строптивная тут же сообразила, что при разговоре он вынужден закрывать ладонью покалеченную часть челюсти для того, чтобы люди понимали его речь. В это время Строптивной показалось, что человек с физиономией, изображающей вечный оскал, оглядывает её с ног до головы со злорадной усмешкой.

– Не стойте под дождём. Пройдите в дом, – сказал он.

Она не решалась довериться человеку с устрашающим прозвищем и захотела его оскорбить, прежде чем навсегда расстаться с ним.

– В человека нужно верить, если даже он вор или преступник, – произнёс вдруг Чудовище.

Она слегка вздрогнула от удивления. Если это не случайное совпадение, то он, похоже, читает мои мысли, подумала Строптивная. И спросила:

– Почему? А я предпочитаю сомневаться...

– Никто из нас не должен терять веру в человеческое добро. К тому же преступник или вор может оказаться вашим братом, другом или даже сыном...

– Если даже он вор человеческих душ? – язвительно спросила она.

– Да, именно. Прошу вас великодушно простить моих четвероногих друзей за то, что они признались вам, как вы подумали, в нелюбви. Ведь собаки – как малые дети. Мы не должны забывать о том, какие они нежные и уязвимые. В подобной ситуации в их распоряжении имелось весьма ограниченное количество алгоритмов поведения.

– Не понимаю, что вы имеете в виду. О какой ситуации вы говорите?

– Перед незваной незнакомкой они исполнили ритуал древнего ответственного обряда, не испытывая особо враждебного чувства. А в ответ незнакомка размахивала палкой...

– Разумеется, они меня не встретили радостным лаем. Скажите, каким ещё образом я должна была защищаться от рассвирепевших собак?

– Только безальтернативная доброта обладает разоружающей силой. Вам следовало бы общаться с ними на языке любви и доброты.

– Неужели можно даже ограбить банк, вооружившись только добротой?!

– Почему вы бросаетесь из крайности в крайность? В любом случае мои собаки ограничились бы лишь показной ритуальной агрессией. Настоящий агрессивный конфликт между собаками и людьми следует искать не в особенностях породы, а в неправильном воспитании и содержании конкретного животного. А мы с вами – представители человеческого рода, можем вполне довериться друг другу. Постарайтесь забыть всё плохое, что обо мне прежде слышали. Не знаю – какие мифы слагаются обо мне. Если даже другие меня считают душевнобольным, уверяю вас – психические недуги незаразны...

– Человек, с энтузиазмом рассказывающий о проблемах своего здоровья перед дамой, мне представляется весьма жалким зрелищем.

– Я восхищён вашей строптивостью, – пробормотал Чудовище в ответ.

«Довольно странный человек. Последние его слова прозвучали с оттенком детской обиды. Он не похож на жалкого старца, пребывающего в состоянии упадка духа. Он ранимый, но сильный человек. Его взгляд совсем необычайный, но необыкновенно пытливый. За короткий промежуток времени трудно распознать незнакомца. Нужно больше разговаривать с ним, чтобы лучше узнать его», – рассуждала она, не решаясь войти в дом. И, желая произвести впечатление не по годам взрослой девчонки не из робкого десятка, она попросила у него сигарету. И это было своего рода вызовом.

– Перед вами дилемма: *либо жить, либо курить*. Вы никогда не задумывались о том, что сигареты являются убийцами, и причём – все на одно лицо, – последовал его ответ.

От кого только прежде Строптивная не выслушивала скучные наставления о вреде курения, но продолжала курить. А теперь в один миг она бесповоротно решила больше никогда не притрагиваться к сигарете. И попыталась разобраться – что, собственно, с ней произошло. Было ясно одно – слова, обращённые к ней с гипнотической силой, крепко встряхнули её душу. И стоя под дождём, Строптивная задавалась вопросами: «Кто он есть на самом деле? Почему его прозвали Чудовищем? Не является ли он человеком с безошибочным чутьём и безграничными возможностями или обладающим священными знаниями?»...

Её мысли были внезапно прерваны, когда Строптивная увидела перед собой руку, протягивающую ей трёхрублёвую банкноту.

– Что это значит! Разве я дала вам повод обращаться со мной таким образом? – возмутилась Строптивная.

– Успокойтесь. Я всё объясню. Только что вы бесповоротно решили бросить курить. В таких случаях от чистого сердца я поздравляю любого человека и вручаю ему символическую сумму в качестве премии за отказ от курения. Об этом известно многим жителям Пригородного посёлка, и люди часто обращаются ко мне за получением премии.

– Откуда вам знать – насколько искренни намерения таких людей?

– Бросив беглый взгляд на человека, я безошибочно сужу по его глазам об искренности его намерений. Обычно ко мне обращаются школьники и бездомные. Прощу вас не нарушать традицию.

Строптивная приняла протянутую ей банкноту. И не желая мокнуть под дождём, она решила войти в дом, но медлила, вспомнив о том, что выглядит неряшливой.

– Ваши золотистые волосы усыпаны бриллиантовыми каплями дождя. А сами выглядите очень красивой даже при таком тусклом освещении, – сказал Чудовище, вглядываясь в её спутанные волосы.

«О Боже! Ему безразличны собственные всклокоченные волосы или нелепая одежда. Однако он не поспешил на комплименты, уверяя, что я выгляжу великолепно, прочитав в очередной раз мои мысли. И какой ещё сюрприз можно от него ожидать?» – подумала она.

Ждать долго не пришлось.

– Секрет успеха в жизни заключается в том, что всегда нужно слушаться маму. А у меня самого такой возможности не было. Любая мама должна быть путеводной звездой для своего ребёнка, – произнёс Чудовище, как бы с грустью рассуждая вслух.

«Неужели он знает даже о сегодняшней нашей семейной ссоре?» – спросила она себя. И теперь он пугал её не обликом своим или нелепым прозвищем, а загадочностью. В конце концов, уступив его очередной настоятельной просьбе, она последовала за ним в дом.

– Мне здесь нравится, – сказала она без особого энтузиазма, обретая чувство спокойствия и защищённости в пропахшей плесенью комнатке, лишённой многих предметов первой необходимости. Посередине комнаты на выцветшем старом коврик беспечно дремали кошки, свернувшись в клубок.

– За неимением ничего лучшего?

– Действительно, без привычки здесь нелегко жить.

– Смените ваше мокрое одеяние на чистую одежду моей сестры. Она меня навещает изредка. Хотя эти тряпки выглядят совсем старыми, они переживут тех, кто их собирается носить.

За занавеской Строптивная помыла руки и лицо холодной водой над раковиной, подсушила волосы чистым полотенцем и привела в порядок причёску перед разбитым зеркалом. Торопливо сбрасывая с себя мокрую одежду, облачилась в сухое платье не своего размера. Постояв у печки, отдававшей тепло, она почувствовала себя комфортнее. К ней стали приближаться кошки. Только теперь Строптивная стала замечать, что все они были либо покалеченными, либо ущербными от роду созданиями, возможно, подобранными на улице хозяином дома.

Строптивная окинула взглядом комнату. В одном её углу ютился маленький столик, заваленный кухонными принадлежностями вперемешку с книгами. На полу рядом со столиком разместился маленький телевизор. В другом углу комнаты стояла железная кровать. Письменный стол с двумя табуретками находился посередине комнаты. Строптивная с удивлением осматривала окрашенные чёрной краской стены дома и рисунки,

нарисованные чёрным фломастером на белом фоне потолка. Затем её внимание привлекла приклеенная к стене журнальная обложка с фотографией Андрея Аршавина, ликующего после забитого им гола.

– Вы – футбольный фанат? – спросила Строптивая.

– Нет. Но я люблю футбол. Природа хорошего футбола загадочна и красива, а сам он относится к интеллектуальной игре, близкой к искусству и утончённому творчеству.

– А что значит для вас творчество?

– Ясновидение и прозрение. А самый сладостный момент в творчестве – это когда приходит идея, до этого момента парящая над миром и выискивающая – в кого бы вселиться, – ответил Чудовище.

– И во время футбольного матча она часто вселяется в Аршавина, который забивает гол в своём фирменном стиле?

– Не совсем так. Обычно люди ждут пожилого возраста, чтобы рассказать что-то другим. А Аршавин сказал своё слово в относительно молодом возрасте. Во время телевизионной трансляции футбольных матчей я наблюдаю не только за его филигранными пасами и неожиданными финтами, но также мимикой его лица. Например, на этой фотографии после очередного забитого гола Аршавин показывает вверх пальцем, приставив его к губам. В моём понимании такой жест подсказывает зрителям, что преуспел не сам футболист, а Бог, управляя его действиями свыше.

– Вы верующий человек?

– Да. Но в Бога люди верят по-разному. Бог есть тот, кто видел всех людей живыми, для него нет тайн, и знает не только всех нас, но и догадывается о замыслах каждого из нас. Как только человек серьёзно задумается о таинстве сотворения мира и происхождения разума, не находя ответа на умопомрачительные вопросы, он непременно обратится к вере. И такой человек, понимая, что все науки по существу являются младенцами, находит утешение в молитвах.

– Человек не будет сыт молитвами, когда суровая реальность над ним висит дамокловым мечом.

– Реальность не есть настоящая истина, а полуправда, вырванная из контекста жизненной книги. Настоящая истина заложена в глубокой божественной сущности каждого происходящего вокруг нас явления.

– Мне не совсем понятны ваши мысли ...

– Ничего страшного. Стремление к духовному совершенству начинается с непонимания.

– Я хочу знать: куда Бог девается во время войн и прочих бедствий? Если у вас нет ответа на этот вопрос, то я вам скажу, что Бог либо не любит страдающих людей, либо он есть, но мы ему не нужны.

– Бог не посылает нам тех испытаний, которых человек не может вынести. Если трудности не убивают человека, то они делают его сильнее. Следовательно, Бог желает, чтобы прежде каждый человек помог себе сам.

– Сегодня ночью, часто спотыкаясь на каждом шагу в крошечной тьме, я часто думала о том, что Бог – это свет. А каким образом можно установить связь с Богом?

– Подумайте сами хорошенько о том, что такое человеческая интуиция, не торопясь с ответом.

– Я хочу услышать ваш ответ.

– В длительном процессе эволюции и выживания, отказавшись от язычества, человечество потеряло связь с Богом. Эту мысль можно легко понять, ответив на следующий вопрос: «Кто лучше приспособлен к жизни в дикой природе: волк или собака?». Разумеется, волк приспособлен лучше. В контексте сказанного выше он является больше «язычником» по сравнению с одомашненной собакой. Однако при желании верующий человек непременно установит связь с Богом. Разве вам не приходили в голову интересные мысли неожиданно и неведомо откуда?

– Бывало. Однако такие мысли забываются безвозвратно без моментальной фиксации их на бумаге.

– Верно. И подобные мысли плохими не бывают. На данном примере я вижу одностороннюю попытку Бога установить связь с человеком, предоставляя ему шанс для самосовершенствования. При неустанной работе над собой с напряжением воли и памяти человек со временем может постоянно улавливать божественные мысли и запоминать их с первого раза, даже не записывая. В результате устанавливается двусторонняя связь, и человек получает знания не из книг, а свыше. Ведь все беды людей происходят от недостатка знаний.

Строптивая задумалась. В наступившей тишине раздавался мерный стук капель воды, вытекающей из изношенного крана.

– Вы завидуете другим? – спросила Строптивая.

– Многим.

– Например?

– С белой завистью завидую тем людям, которые смеются легко, – ответил Чудовище.

– Я верю в искренность ваших слов, поскольку вижу, что ваше лицо истосковалось по улыбкам.

После непродолжительной паузы она задала ему очередной вопрос:

– Каким образом вы зарабатываете себе на жизнь?

– Мы находимся на территории кладбища Пригородного посёлка, где я работаю могильщиком. А с наступлением отопительного сезона подрабатываю ещё и кочегаром в ночной смене.

– Ясно, вы отправляете покойников в землю.

– Не нужно так выражаться! Я провожаю покойников в последний путь с болью в сердце, даже близко не зная их. И земля, дыша грибной сыростью, вместе со мной горюет в безмолвии. В момент погребения усопшего многие вещи и явления выглядят совершенно по-другому, чем мы привыкли их видеть прежде. Печальны плывущие в небе облака, их движение становится всё замедленнее, словно они готовятся принять в свои объятия душу усопшего и препроводить её дальше к небесам. Вся природа вокруг могильного холмика, теряя свой прежний облик и сливаясь в некую бесформенную материю, покажется символом неискупленной вины. А в воздухе витает вопрос: «Кто из живых посетит эту могилу завтра и потом, или же она утонет в безмолвном покое забвения?»...

– А в кочегарке наверняка вы воображаете себе сожжение плохих людей и ваших врагов, мысленно отправляя их на костёр.

– Это вы зря – у меня нет врагов. Трудясь с большим удовольствием, в кочегарке я люблюсь неповторимой красотой пламени поочерёдно разгорающегося и затухающего угля в первозданном цвете как в момент сотворения мира. Как вы могли так плохо подумать обо мне?

– Ведь это не секрет, что не все люди к вам относятся дружелюбно...

– Мне менее важно – как ко мне относятся другие люди, но более важно – как я к ним отношусь.

Строптивая густо покраснела от стыда, как сама подумала – первый раз в жизни. Желая быстрее забыть о своей досаде, она обратила свой взор на висевшую на стене фотографию женщины и спросила:

– Она ваша сестра?

– Нет.

– И кто же?

– По профессии – она театральная актриса.

– Вам нравятся роли в её исполнении?

– Ещё бы! Как женщина и как актриса она не похожа на других женщин. Она выходит на сцену для поклонения зрителям и наслаждения их аплодисментами, которые помогают ей лучше лекарств.

– Болеет?

– Она часто страдает от мучительных приступов астмы.

– Видимо, самая большая ваша мечта была как-то связана с ней, не так ли?

– Верно. До сих пор я мечтаю вместе с ней выступить на сцене, играя роль её мужа.

– Вы актёр?

– Нет. По профессии я – адвокат. Как видите, моя мечта абсолютно несбыточна.

– Не считаете ли вы себя неудачником?

– Нет. Я нашёл гармонию между несбыточной мечтой и обретенной реальностью. В жизни как таковых неудачников не бывает, поскольку в течение всей жизни каждый человек непрерывно приобретает духовный опыт.

– Трудно ли быть счастливым?

– Совсем нетрудно. Моё счастье в моём хорошем отношении к другим. Кроме того, каждый день я вижу мир вокруг себя словно впервые.

– О чём вы больше всего жалеете, оглядываясь назад и вспоминая прожитые годы?

– Моё сожаление чем-то напоминает вечное сожаление палеонтологов: *мы никогда не узнаем, какой окраски были доисторические животные...*

– Такой ответ меня не устраивает. Вы уходите от искреннего ответа.

– Понимаю досаду человека, не осмелившегося спросить меня о том, почему до сих пор я не был женат.

Строптивая опять густо покраснела.

– Ответ весьма простой, хотя мне трудно сформулировать его кратко. Вы когда-нибудь ходили по канату? – спросил Чудовище.

– Нет. А какое это имеет отношение к делу?

– До сих пор я мечтаю и надеюсь встретить ту самую единственную женщину, которую мог бы полюбить безумно, так же, как она меня.

– Безумно? *Безумие*. Чем оно измеряется?

– Поступком или действием. Представьте себе протянутый через пропасть канат. В воздухе гуляет сильный ветер. Мы – Я и Она – как два канатоходца, идём навстречу друг другу с разных концов каната, который упруго прогибается под нашими ногами. Каждая пядь каната под нашими стопами кажется божьей целиной, никем прежде не истоптанной, по которой проложена единственная во всём мире соединяющая наши судьбы незнакомая тропа. Любой неверный шаг грозит нам смертью. Пот заливаёт нам глаза. А ветер злобно свистит: «Провалитесь! Погибнете! Поверните назад!». Но мы продолжаем идти навстречу друг другу, движимые самым страстным в мире чувством – Любовью. А когда оказываемся лицом к лицу, мы, влюблённые *безумно*, одариваем друг друга страстными поцелуями, забыв о смертельной опасности. И мы непременно сохраним равновесие, стоя на канате, протянутого над пропастью благодаря точкам опор наших душ. Жизнь впереди нас кажется бесконечно длинной...

– Понятно, дальше не продолжайте. Вы рассказываете красивую, но вредную мечту – вот и весь сказ.

– А если вы ошибаетесь?

– Тогда мне страшно находиться рядом с вами.

В это момент Строптивая осознала, что в её душе происходило нечто такое, что понемногу способствовало тому, что она становилась другой. Но вдруг совершенно неожиданно для себя задала вопрос:

– Не рановато ли мне затевать с вами серьёзный разговор подобным образом?

– Если намекаете на мой возраст, я вам скажу, что для меня важнее всего мой внутренний возраст, хотя человек попросту никто без своего биологического возраста. Между прочим, среди соловьиного племени молодые поют хуже стариков, потому что сила голоса зависит от зрелости, – ответил Чудовище, укоризненно покачивая головой.

– Простите! Временами меня одолевают приступы агрессии, и я ничего не могу с ними поделать. Иногда думаю, что меня можно перевоспитать только телесными наказаниями...

– Всё намного проще. Для начала вам следует отказаться от чувства собственного превосходства над другими. При желании любой человек себя легко контролирует. Добросердечность и сочувствие в нас заложены природой, и не надо убивать в себе эти драгоценные качества. Поговорите с людьми через их сердца, а не через зрение. Абсолютная безнаказанность не способствует умению посмотреть на себя со стороны. Годы спустя люди не должны говорить о том, что *в ней так и не проснулась спящая красавица*, имея в виду вас. Став носителями света, люди засияют сами и становятся красивыми. А вы забыли об этом, но знаете – каким образом и чем можно обидеть людей. Но важно, чтобы ваша вина не стала трагической.

В сознании человека может зародиться таинственный монстр, толкающий его на совершение совсем небезобидных поступков, полагаясь на инстинкт, но пренебрегая разумом. Нужно уметь бороться не только с внешним, но и с тем злом, что сидит внутри. Вы на грани взросления: уже не подросток, но ещё и не взрослый человек. И вам кажется, что знаете обо всём лучше других. Отсюда возникают конфликты с теми, кто вас окружает. Такие люди в своих ощущениях ставят знак равенства между мучением других и собственным эгоистическим наслаждением.

Она резко вскочила с места с искривлённым лицом оскорблённого человека. Уловив резкую перемену в настроении собеседницы, смотрящую на него с нескрываемым презрением, Чудовище вежливо попросил её присесть и сказал:

– Человеческая культура проявляется в цивилизованном разговоре между людьми. А это очень интересно. Интеллектуальная нагрузка приносит людям радость. Я всегда радуюсь появлению заинтересованного собеседника, – сказал Чудовище примирительно.

– Опишите мне образ идеального человека, – попросила она его снова с нескрываемым ехидством.

– Идеальных людей не бывает. Когда мужчина мечтает об идеальной женщине, по существу он мечтает о единственной для него любимой женщине.

– Может ли человек в моём возрасте изменить свой характер в лучшую сторону?

– Может. А для этого нужно себе представить, что вы являетесь гостем своего собеседника, если даже тот гостит у вас.

Строптивая задумалась. Признавая в душе правоту Чудовища, она вспомнила день, когда первый раз совершила поступок, в дальнейшем способствовавший изменению её характера до неузнаваемости. Это было в конце ноября прошлого года. Ночью выпал обильный снег. Наутро во дворе школы-гимназии шумно резвились учащиеся во время большой перемены, играя в догонялки и перекидываясь комками мокрого снега. А Строптивая стояла в стороне от резвящихся соклассников, переживая за исход предстоящей контрольной работы по математике. И вдруг четверо напали на одного и завалили на снег соклассника Строптивной по прозвищу Профессор, который на уроках математики с непостижимой лёгкостью решал трудные задачи. Лёжа на снегу в одном пиджаке без пальто, Профессор умолял нападавших пощадить его. А в это время, незаметно подкравшись к нему со спины, Строптивая начала незаметно набивать снегом боковые карманы пиджака Профессора.

После звонка на урок все участники недавней игры сосредоточенно сидели за партами, решая контрольную задачу по математике. Только Строптивая никак не могла сосредоточиться. Она затаённо ждала эффекта своего озорства в нетерпении, не находя себе места от любопытства. А Профессор, всецело поглощённый решением задачи, до конца урока так и не заметил, как из его карманов на пол капала вода растаивающего снега, увлажняя его брюки ниже пояса. К концу урока Строптивая была безмерно довольна собой при виде сильно расстроенного и недоумевающего

Профессора, представшего перед всем классом страдающим от ненадёжного функционирования своего молодого организма в стрессовых ситуациях, как, например, во время выполнения контрольной работы.

Её снова тянуло к подобным приключениям, но подходящий случай больше не представился. И тогда в общении с другими она начала отпускать остроты, с большим усердием язвила своим собеседникам и обижала их необдуманно высказанными выражениями с оттенком недоброго юмора. Со временем подобные выходки вошли в привычку. А теперь после недолгого общения Чудовище ненавязчиво ей напомнил о человеколюбии и чуткости. Почувствовав себя «разоблачённой», одновременно она прониклась к нему уважением и сильно заинтересовалась необычным незнакомцем.

– Расскажите мне историю вашей жизни, пожалуйста, – попросила Строптивая, нарушая затянувшуюся паузу.

– Вспоминая прошлое, человек непременно возвращается к печальным событиям, которые причиняют ему боль, – ответил Чудовище без раздумья.

– Я вас очень прошу. Повествуя от третьего лица, будто речь идёт не о вас, в своём рассказе можете опускать некоторые факты вашей жизни.

Глава третья

Человек с прозвищем Чудовище не помнил свою мать, умершую в его двухлетнем возрасте. Его и старшую сестру воспитал вечно занятый отец – симпатичный мужчина небольшого роста, родившийся 7 ноября 1917 года. Таким образом, отец был ровесником Великой Октябрьской социалистической революции и гражданином Советского Союза. В раннем детстве брат и сестра ни в чём не упрекали тогда ещё молодого главу семейства, никогда не привозившего им даже самые дешёвые безделушки, возвращаясь из многочисленных командировок. Отец на личном примере учил своих детей бережливости. В магазине он тщательно проверял полноту каждой спичечной коробки энергичным встряхиванием в зажатом кулаке, прежде чем доставал медные монеты из кожаного бумажника, выцветшего до неузнаваемости. За обеденным столом он демонстративно выжимал последнюю каплю сока из тонко нарезанного лимона. Каждое куриное яйцо расколупывалось им долго и тщательно для исключения мельчайшего отхода белка вместе с шелухой. А когда втроём они посещали дневные сеансы в кинотеатре, отец покупал самые дешёвые билеты на места подальше от экрана. А когда начинался фильм, по настоянию отца дети дружно пересаживались ближе к экрану на места, за которые пришлось бы платить дороже.

Не раз отец говорил детям, что должен был вырасти в два метра ростом, но этого не произошло из-за постоянного голодания, бедности и крайней нужды в детстве, и вырос, питаясь одним хлебом, а фрукты, овощи и мясо видел только во сне. При этом он с гордостью подчёркивал, что в молодости при росте метр шестьдесят никогда не прятался в кустах, когда нужно было защищать слабых и обиженных людей.

Когда дети пошли в школу, отец им не давал денег на проезд и посоветовал научиться бесплатно ездить на общественном транспорте. Одновременно он учил их не просить ничего ни у государства, ни у людей, уверяя, что всё равно никто ничего им не даст. Не берите в долг, говорил он, и тогда можно ничего не отдавать. Отец советовал своим детям не попадать в сложные ситуации, поскольку при выходе из них свет в конце тоннеля может оказаться ловушкой. По его словам, жизнь напоминает шахматную игру, которую нужно играть, полагаясь только на свой ум, когда советы посторонних могут привести к мату твоему королю. Отец также советовал детям рассказывать о своих проблемах как можно большему числу знакомых и друзей, и тогда, уверял он, проблемы исчезнут вместе с ненужными друзьями. Одновременно он подчёркивал волшебную силу лесты, открывающей широкие возможности перед человеком, умеющим в красноречивой манере излагать свои мысли. Время проходило, а дети, вынужденные сами зарабатывать на собственные карманные расходы, бережливыми так и не стали. Мальчик собирал пустые бутылки и сдавал их в пункты приёма стеклотары, а девочка торговала на базаре семечками в свободное от школьных занятий время. На заработанные собственным трудом деньги мальчик посещал художественную школу. Его детская мечта купить себе велосипед так и не сбылась. И тогда же он увлёкся искусством хождения по канату, натянутому на небольшой высоте между двумя столбами бетонного ограждения вокруг их дома.

Хотя семья не голодала, дети редко наедались досыта. Отец часто повторял, что человек почти целиком состоит из съедаемых им блюд. По воле главы семейства из домашнего меню исключалось мясо, а предпочтение отдавалось местной дешёвой рыбе, другим блюдам из различных сортов крупы и молочным продуктам.

Дома отец гостей не принимал, хотя в узком семейном кругу иногда хвастался своими друзьями-физиками, бывшими однокурсниками, занимавшими теперь высокие посты в солидных режимных учреждениях, от которых изредка получал письма. Наличие иногородних друзей отец считал несомненным плюсом в том смысле, что никто не просится к тебе в гости или не просит денег в долг и никого не нужно посещать в больнице. При составлении автобиографии и анкетных данных, а также во время деловых переговоров отец любил писать и говорить вслух о том, что имеет диплом физика-теоретика. Подобное признание главного бухгалтера крупной торговой организации удивляло многих. В действительности же после окончания Московского физико-технического института отец Чудовища по специальности проработал в течение всего семи лет. За это время успел заочно окончить Московский институт народного хозяйства. И тогда сменивший профессию бывший физик-теоретик заново строил свою профессиональную карьеру с чистого листа, для начала работая рядовым бухгалтером. И только к 42 годам он стал главным бухгалтером. Смена профессии была продиктована жаждой наживы. Ещё в юные годы он самостоятельно изучил бухгалтерию и банковские операции, и одновременно в его голове созревали хитроумные планы головоломных финансовых операций. Тогда он подбадривал себя мыслями о том, что как только начнёт

работать бухгалтером, обязательно заживёт на широкую ногу. Навязчивая мечта о лучшей жизни, не оставлявшая его в покое ни на минуту, возможно, наряду с проблемой малого роста, была одной из главных причин того, что, овдовев на восьмом году супружества, повторно он никогда уже не женился. На расспросы сочувствующих ему людей отвечал, что ему нужна женщина, умеющая прощать, а такую женщину ему никак не найти.

Отец Чудовища был человеком довольно общительным, но требовательным к выбору круга людей даже для непродолжительного общения. Дома и на работе поддерживал безукоризненный порядок. Всегда носил аккуратно выглаженную рубашку с галстуком под неизменным пиджаком. Некоторые его старые знакомые подшучивали, что в том пиджаке, который носил годами, как будто он и родился. Опасаясь заразиться инфекцией, человеку, не являвшемуся его начальником, обычно он протягивал свою согнутую в локтевом суставе правую руку, предлагая ему «стукаться» локтями вместо рукопожатия. С малознакомыми людьми отец Чудовища вёл только поверхностный разговор, в совершенстве владея приёмами ведения занимательной игры слов, смысл которых было невозможно выразить по-другому. Репрессии тридцатых годов прошлого столетия негативно сказались на психике тогда ещё молодого человека. Отец Чудовища никогда сам не рассказывал анекдоты на политические темы и не слушал их, когда рассказывали другие. В те молодые годы чувство самосохранения помогло ему осознанно выработать в себе привычку рассуждать о секретах долголетия, и он мог говорить на эту тему бесконечно долго и преднамеренно надоедливо. И тогда нетерпеливые слушатели постепенно покидали его общество под разными благовидными предложениями. Позднее, с наступлением «хрущёвской оттепели», когда не нужно было бояться внезапного ареста за неосторожно высказанные слова, всё равно он не мог отделаться от старой привычки и продолжал досаждать собеседникам своими рассказами о секретах долголетия.

Невинная игра отца «в жадность» постепенно приобрела уродливые формы, превращаясь в нешуточную страсть. Когда дочь окончила среднюю школу, он дал ей понять, что та должна работать и учиться одновременно на вечернем отделении института, не вынуждая отца тратить деньги. И дочь покинула дом с затаённой обидой и стала жить в общежитии завода, устроившись там на работу. Через полгода она вышла замуж, так и не получив высшее образование. Отец спокойно отнёсся к выбору дочери, философствуя о том, что по-настоящему умная женщина понимает, что быть домохозяйкой, испытать радость материнства, растить детей и готовить еду – всё это вовсе не унижение, а повод для гордости.

По окончании средней школы Чудовище поступил на юридический факультет университета. Без материальной поддержки отца вечерами он зарабатывал себе на жизнь, разгружая вагоны на товарной железнодорожной станции и трудясь на мясокомбинате по воскресным дням. Времени не хватало на самые любимые занятия – чтение художественной литературы и рисование. На последнем курсе университета Чудовище мечтал о карьере адвоката, умеющего оказывать неопределимую правовую помощь своим клиентам благодаря полученным в университете знаниям.

По ночам Чудовище занимался своей речью в общежитских душевых, где от кафельных стен возникал сильный отзвук.

Чудовище окончил университет с красным дипломом с записью «юрист». А когда начал работать адвокатом, удовлетворения от работы не получал. В стране отсутствовал институт присяжных заседателей. Следовательно, его зажигательная речь в защиту клиента мало на кого могла оказывать впечатление. Следствие часто велось с нарушениями элементарных прав подозреваемых, а судьи неукоснительно выполняли указания влиятельных вышестоящих людей и ведомств. В результате всего этого, по мнению Чудовища, законы имели только декларативный характер и никого ни к чему не обязывали. Молодой адвокат, начинавший свою профессиональную карьеру с душевным жаром очарованного будущими успехами первопроходца, очень скоро разочаровался в судебной системе страны и подумывал о смене профессии.

В пятидесятипятилетнем возрасте отец Чудовища купил автомашину «Волга». И тогда главному бухгалтеру завидовали знакомые, родственники, соседи и сослуживцы. Поползли слухи о том, что главный бухгалтер стал советским подпольным миллионером за счёт совершаемых им финансовых махинаций и растраты бюджетных средств родной организации. Следом помимо плановых проверок участились внезапные ревизии в исполнении сотрудников финансового надзора. Но каждый раз главный бухгалтер выходил сухим из воды, поскольку никогда сам не совершал финансовых махинаций, а лишь консультировал руководителей других крупных организаций и получал свою долю по завершении каждой удачной сделки.

Выйдя на пенсию в конце 1980-х, в Пригородном посёлке отец Чудовища построил большой дом со всеми удобствами. Злые языки окрестили его ростовщиком, тайком ссужающим знакомым деньги под умеренные проценты. В своём доме хозяин установил бронированную дверь, а на окнах появились железные решётки. Однажды, проснувшись летним утром, отец Чудовища был сильно расстроен, увидев местами вскопанную вокруг дома землю. Под покровом темноты какие-то люди искали в саду закопанные хозяином дома свёртки с бриллиантами. Таким образом, прозвучал тревожный сигнал, поскольку семье теперь приходилось опасаться не только воров. Угнетаемый плохим предчувствием, отец плохо спал ночами, часто страдал от сердечных приступов. Предчувствие его не обмануло. Скоро в дом нагрянули сотрудники соответствующих органов с ордером на обыск. Всю домашнюю мебель перевернули вверх дном, сканировали территорию сада и стены дома металлоискателем, но ничего ценного не нашли. Хозяин дома, наизусть знавший те места в квартире, где воры могут искать ценные вещи в первую очередь, давным-давно припрятал свои сбережения внутри водопроводных труб среднего диаметра. Однако с наступлением эры великих перемен он стал жертвой непредвиденных обстоятельств. Денежная реформа и гиперинфляция обесценили все его сбережения, и они улетучились как дым. Но к удивлению злорадствующих, семидесятичетырёхлетний пенсионер расстраивался совсем недолго. Не изображая жертву, воспрянув духом, он утешал себя мыслями о том, что

его сбережения не достались никому, оказавшись бесполезными даже для родного государства. Готовый достойно ответить вызову времени, отец обратился к сыну со словами:

– Слово «перестройка» звучит многообещающе. Закончилось время сказок и выдумок воодушевляющих глупцов! И теперь, когда в моде антисоветский тип мышления, будто немое кино уступило место звуковому, как только люди заговорили о том, где хорошо отдыхать, о роскошных особняках и дорогих автомашинах. На дорогах появляется всё больше шестисотых «Мерседесов». Бывшие партийцы теперь стоят со свечами в храмах. Пьющие господа становятся трезвенниками, одновременно наступает золотой век взяточников. Совсем скоро появятся олигархи в образе бессмертных Кощеев. В неразберихе эпохи перемен даже сам Государь становится взяточником. В течение минувших семидесяти лет в нашей стране совершились антагонистические по направленности и характеру два события. Если в 1917 году отказ от капитализма сопровождался большими кровопролитиями, то трансформация в обратном направлении произошла без единого выстрела и плавно по мере того, как председатель Совмина Николай Иванович Рыжков одним росчерком пера утверждал постановления о малых предприятиях, о кооперации, о частном предпринимательстве и так далее. В них можно обнаружить так необходимые деловым людям спасительные лазейки. А если меняются правила игры, мы также изменимся вместе с ними. Несмотря на преклонный возраст, я докажу всем правильность ставшей до утомительности крылатой фразы о том, что ищущий человек способен на многое! Однако сильно не стоит обольщаться, поскольку ни один талантливый писатель в симпатиях к капиталистической экономике замечен не был. Я тебе говорю об этом, предвидя с твоей стороны укоры в будущем по поводу моих безжалостных действий и циничной предприимчивости в жёсткой конкурентной борьбе под солнцем.

И тогда же раскрепощённый предоставленной «перестройкой» свободой слова отец впервые рассказал сыну занимательную анекдотическую историю. Её суть заключалась в следующем. В 1948 году мало кому известный немолодой профессор-микробиолог обратился к Сталину с просьбой об оказании ему помощи для открытия научной лаборатории, где учёный гарантировал создание эликсира молодости в кратчайшие сроки. Идея пришлась по душе дряхлеющему генсеку, и просьба была удовлетворена. Время проходило, и спустя три года Сталину сообщили о смерти профессора. Услышав печальную весть, сильно расстроенный вождь невольно вымолвил: «Ох, подлец! Всех нас обманул!».

Далее отец говорил сыну о том, что, вне зависимости от уровня образованности или занимаемых ими высочайших постов, в принципе все люди одинаково легковерны и наивны, особенно когда ситуация складывается не в их пользу или когда она сулит им выгоду. И сейчас, сказал отец сыну, наблюдается массовый психоз, когда каждый человек жаждет обогащения, а нам следует этим воспользоваться.

Слова старого человека не расходились с делом. Он обосновал собственную консалтинговую фирму, кое-как собрав нужную сумму в размере уставного капитала. Чудовище числился заместителем директора-отца

по правовым вопросам. Для расширения бизнеса они сильно нуждались в стартовом капитале. Фирма оказывала посреднические услуги юридическим лицам при совершении различных финансовых операций. Но выручка от них без остатка расходовалась только на содержание офиса. И тогда отец начал заниматься весьма сомнительными видами бизнеса. В сговоре с сотрудниками служб грузоперевозок и по доставке корреспонденции он перехватывал извещения, направляемые получателям больших грузов. Время шло, а груз слишком долго залёживался в складских помещениях или на таможне. И как следствие, нарастала сумма иска к грузополучателям со стороны заказчиков и администрации складов. В конечном итоге последние делились выручкой с автором преступной идеи после снятия ареста с грузов и выплаты немалого штрафа грузополучателями.

Другой раз, по совету отца, какие-то нечестные люди взялись оказывать небескорыстную помощь будущей состоятельной жертве при переправке крупной суммы в долларах через таможню. Суть такой «помощи» состояла в том, что деньги должны быть выкрашены «умельцами» в чёрный цвет и сложены вместе в виде сплошного рулона типа стеновых обоев. Для большей убедительности преступники продемонстрировали эффективность метода клиенту, удалив чёрную краску с поверхности нескольких сто долларовых банкнот с помощью обычного растворителя. А другие долларовые денежные купюры были обычными бумажками.

Постоянный доход фирма получала от владельцев других компаний, которых отец Чудовища консультировал и учил уклоняться от уплаты налогов через реализацию схемы умышленного банкротства.

Через год отец с гордостью заявил сыну, что финансовый год завершён с прибылями.

– Украденные деньги не являются прибылями! – возмутился сын, впервые в своей жизни повысив голос на отца.

– Ну и что ты хочешь этим сказать?

– Накопления на вашем счету вовсе не ваши деньги!

– Да скажи ты мне, что с тобою произошло, сын мой? Для меня не существует понятия о своих или чужих деньгах. Как только взял – они стали моими, а как только отдаю – деньги становятся чужими. Финансы не существуют сами по себе, за ними стоят люди. Финансы принадлежат всем одновременно...

– Хуже всего то, что вы крадёте у других!

– А что ты скажешь, если то, что я украл, оказалось уже краденным? Невозможно обокрасть или обмануть тех, кто не желает быть обманутым. Также я не терзаюсь мыслями о том, что у кого-то краду, не позволяя себе мыслить негативно хотя бы по той простой причине, по которой мы стараемся не стоять на краю пропасти. В результате подобных усилий я становлюсь должителем. Долго жить – весьма интересно. Плохо лишь то, что при этом человек неизбежно переживёт дорогих ему людей, хотя большинство из них могут оказаться весьма заурядными личностями. А почему я живу так долго? Никогда я не верил тому, что Добро может победить Зло.

Ещё в детстве прекрасно понимал, что, живя во враждебном мире, невыгодно быть добрым человеком. Меня не волнует и то, что кто-то взял недоступную для меня высоту. В жизни не завидовал никому, даже когда зарплата немногих избранных советских физиков – моих сокурсников по университету – сразу же выросла в разы, как только американцы впервые в мире взорвали атомную бомбу. Я понимаю, что сердце тонко реагирует на эмоциональное малейшее воздействие со стороны – на радость и огорчение, а также на самую невинную ложь...

Отец говорил долго, часто преднамеренно отвлекаясь от темы разговора. И он благополучно дождался момента, когда сын на время оставил попытку призвать отца к совести. А отец намеревался сказать сыну о том, что он не вечен и старается не для себя, а желает оставить свои сбережения ему и дочери. Но, видимо, грустная мысль о бренности земной жизни и сознание собственной смертности сильно расстроили отца, который вдруг сказал:

– Получается как-то нехорошо...

– О чём вы?

– Умер мой ровесник...

– Не понял. Кто умер? – спросил Чудовище с тревогой в душе.

– ... уже давно распалось государство, зарабатывавшее на вредных привычках своих граждан. А я ещё живой!

– По какой причине умер ваш ровесник? – спросил Чудовище отца.

– Обезглавленная туша недоразвитого быка не выдержала жёсткой конкуренции с живым динамичным американским буйволом, и заодно она проиграла холодную войну. Да, именно обезглавленная туша для меня является символом советского режима. Ты должен помнить схему мясной туши, расчерченную на сектора для разделки, висевшую в советское время во всех мясных лавках и магазинах.

На другой день Чудовище снова потребовал от отца покончить с криминальным бизнесом. Пообещав выполнить его просьбу, отец заодно попросил сына разработать новый бизнес-план.

– Я по-прежнему чувствую себя студентом, – ответил Чудовище и тут же углубился в чтение.

– Если ты шутишь, то тогда твой юмор – самая настоящая катастрофа. Люди даже с весьма развитым чувством юмора живут недолго. Их беспечность и легкомыслие создают большой риск для здоровья и жизни. Оптимизм полезен только в крайне критических ситуациях и малых дозах. Предусмотрительность и расчётливость больше способствуют продлению жизни. А твоя жизнь напоминает мне попытку достать приз на макушке намыленного гладкого столба. Даже эхо в пустыне намного отзывчивее тебя. Когда пятилетним мальчиком ты листал толстую книгу без единой картинки, я радовался безмерно. Но теперь мне больно смотреть на кучу книг на твоём рабочем столе. Неужели ты носишь на плечах не голову, а незрелую тыкву?! Я тебе советую перед сном положить подушку не под голову, а под ноги, поскольку они приносят тебе большую пользу, чем твоя голова. Зачем человеку нужны книжные знания, не приносящие

ему конкретной пользы? На земном шаре есть море, которое тысячелетиями обогащалось различными минералами. Сегодня мы его знаем под названием «Мёртвое море». Кроме того, нельзя считать себя богатым, когда деньги держишь в одном месте. Почему бы тебе не открыть собственное дело? Я помогу стартовым капиталом. Ты хотя бы добейся этого. И тогда наши сбережения будут застрахованы от форс-мажорных обстоятельств.

В течение месяца отец работал усердно. С самого раннего утра до поздней ночи в офисе раздавались телефонные звонки, и на встречу с директором консалтинговой фирмы приезжали солидные на вид люди на дорогих иномарках. Потом гости уезжали куда-то вместе с директором, либо терпеливо заседали, уединившись в комнате для гостей. Спустя полгода настроение отца явно улучшилось. Не скрывая своей радости, он больше не засиживался допоздна в офисе. Чудовище сильно насторожился и решил сам разобраться во всём. Оставаясь на ночь в офисе, роясь в деловой переписке и договорах до самого утра, своими глазами он увидел многочисленные доказательства того, что отец снова занялся преступным бизнесом. Когда утром отец пришёл на работу, сын встретил его с криками:

– Отец! Как вам не стыдно! Вы же грабите тех, кто честным трудом строит свой бизнес и зарабатывает на жизнь.

– Прекрати истерику! А сколько людей совершают поступки куда гораздо хуже моих? Разве те, которые выдают микрокредиты под макропроценты, не грабят людей? А жилищное ипотечное кредитование разве не является грабежом?

– Каждый отвечает сам за себя. Всё ниже и ниже опускаетесь с позволения вашей совести, а я – немой беспомощный свидетель, с горечью фиксирую каждый ваш шаг по траектории вниз. После совершённых вами опустошительных и безжалостных махинаций гибнут невинные люди, страдают их семьи. В компании подобных себе преступников вы занимаетесь рейдерским захватом чужого бизнеса. С вашим умом следовало бы изобретать противоядие вместо изобретения смертельного яда!

– Сын мой, послушай меня внимательно. На моём долларовом счету идёт накопление в шестизначных цифрах...

Недослушав не проникшегося раскаянием отца, Чудовище стремительно выбежал вон из офиса.

Окончание в следующем номере.

Два гостя

В квартире всё было разбросано и не убрано, мебель сбита в кучу, стол завален посудой, повсюду нераскупоренные ящики, как всегда бывает после переезда.

Супруги Шалины собрались уже ложиться спать, как вдруг услышали в передней звонок, Шалин сам пошёл отворять и вернулся в гостиную, ведя за собой гостя, – племянника жены – Шуру Велина.

– Тётечка! – закричал Шура. – Я к вам радостным вестником. Сегодня собирается провести у вас вечер целая компания. Все кузиночки и их приятели, человек одиннадцать, и все в масках и костюмах. Я нарочно заехал вперёд, чтобы предупредить.

Шалина только руками развела.

– Да вы с ума сошли. Мы только что переехали, ничего не разобрано, часть вещей ещё на той квартире... Да и что я им подам? У меня, кроме чая, ничего нет, а теперь и лавки заперты. Я велю сказать, что я больна, и не пущу никого.

Шура стал упрашивать: ведь на одну минутку только. Не засидятся. Ну к чему там угощение. Масок снимать не будут, – такой уговор. Можно сделать вид, что никого не узнали.

Во время спора раздался звонок, прислуга бросилась открывать.

– Ряженные! – крикнула она радостно.

В комнату вошёл высокий бородатый человек в остроконечной шапке, – в костюме халдейского жреца.

Он остановился посреди комнаты, поднял ладони и, приложив большие пальцы к вискам, воскликнул:

– Приветствую!

– Bravo! Bravo! – закричали хозяева. – А где же остальные? Халдей подумал минутку и ответил:

– Будут и другие. Всё свершится своим чередом. Хозяйка вздохнула и дала халдею стакан чаю.

– Это не дантист ли Фейгин? – спросила она Шуру.

– Может быть. Мы ведь не сговаривались относительно костюмов.

Стали съезжаться названные гости. Пастух с пастушкой, маркиз с маркизой, два чёрта, два индейца, мужик с бабой и цыганка.

Потом пришёл отдельно маленький совершенно лысый человек в коротеньком халатике и огромных голубых очках. Он внимательно осмотрел всех гостей и юркнул в столовую, где за пустым столом сидел халдей.

Надежда

Александровна

ТЭФФИ (настоящая фамилия ЛОХВИЦКАЯ)

(1872–1952), русская писательница. Автор сборников сатирических стихов, фельетонов, юмористических рассказов «Дым без огня» (1914), «Неживой зверь» (1916) и др. С 1920 г. жила за границей.

– Кто эти два? – спрашивала хозяйка. Но никто не мог их угадать.

– Так и знал, что вы тут, – говорил новый гость халдею. – Так ненавижу вас, что не поленился два века пробежать, лишь бы вам снова сообщить об этом. Что же вы? Валяйте чудеса. Ведь для того и пришли.

– Син по правую руку мою! Шамаш по левую! Не победишь! – глухо ответил халдей, и глаза его сверкнули фиолетовым огоньком.

Человечек завертелся на стуле.

– Батюшки, страсти какие! Кто угодно струсит, только не я! Не тратьесь понапрасну. У нас на фабриках вырабатывают превосходные средства против всех ваших страхов.

– Какое слово ты сказал, человек? – удивился халдей.

– Какое слово? Я сказал слово «фабрика». Это вас удивляет? Фабрика – учреждение почтенное: на фабрике из всякой материи делают всякие вещи. Впрочем, для вас слишком мудрёно. – И он постучал пальцем по лбу.

В столовую вошёл Шура, держа в руках прядь шёлковых ниток.

– Вы видели, господа? – спросил он. – Какие теперь чудеса на свете делаются. Вот смотрите: этот шёлк добывает один мой приятель – инженер – из чего бы вы думали? Из кремня. Из простого кремня! Он открывает фабрику и будет ткать шёлковые материи.

– Это что, – сказал маркиз. – Я читал в газетах, будто в Америке приготавливают чудесный жареный кофе из старых подошв. На вкус прямо не отличить от настоящего, и стоит гроши.

– Вот бы мне сегодня такое чудо пригодилось, – вздохнула про себя хозяйка.

Халдей посмотрел на неё внимательно и сказал:

– Это трудно.

– Это сущие пустяки, – злорадно усмехнулся маленький человечек. – Прямо ерунда. Дело пяти минут.

– Как пяти минут? – с негодованием сказал халдей. – Ты должен прочесть тридцать и три заклинания и послать сон великого Пергала на душу отрока, и в час полнолуния знойного месяца Шавана возьмёт отрок, где найдёт, пищу сию или питье и принесёт по слову твоему.

– Долго ждать, батюшка! – хихикнул человечек, – Где у вас здесь кухня? Дайте мне старую подошву или вот кусочек ремня от чемодана.

Ему дали кусочек ремня, и он заперся в кухне, выгнав оттуда кухарку.

Все смеялись. Халдей что-то тихо шептал, повернув лицо в угол и поднимая правую руку левой.

Через пять минут вошла кухарка и сказала:

– Они просят чайные чашечки.

Достали чашки.

Через несколько минут прибежал маленький человечек. Кухарка внесла за ним дымящийся ароматный кофе.

Долго не решались попробовать.

– Ну, не беда, – нашлась, наконец, хозяйка. – Ремень был, в сущности, чистый. – И принялась за свою чашку. Мало-помалу надумали и остальные. Пили и смеялись.

– Это он, верно, варил кофе из ремня, как солдат суп из топора. Ремень в кофейник сунул, водички налил, а сверху кофею посыпал. Ха-ха-ха!

– Зачем же я буду это делать, когда можно гораздо проще? – оправдывался человек. – У меня с собой вся моя лаборатория.

И он вытащил из кармана нечто вроде карманной аптечки.

– Может быть, вы желаете угостить нас хорошим ужином? – обратился он к хозяйке.

Та страшно сконфузилась.

– Милые гости, я, конечно, очень вам рада, но это уж ваша вина, что я не могу ничем угостить вас, лавки закрыты... Мы только что переехали...

– Хотите рыбы? – спросил человек.

– Рыбы? – удивились все.

– Ну да, рыбы. Холодной? Горячей? Я вам сделаю какую угодно рыбу.

– Ха-ха! Пусть валяет осетрину, соус провансаль! – захохотал один из чертей.

– Смеяться тут решительно нечему. Дайте мне кусочек стекла. Битую рюмку, что ли. Вот это не жалко?

Он схватил со стола стакан, снова кинулся в кухню и заперся там.

Пришла кухарка, накрыла на стол. Через десять минут все ахали перед огромным блюдом заливной осетрины.

Попробовали – вкусно.

Не ел только халдей.

– Что же вы не кушаете? Или у дантистов болят иногда зубы? – Смеялся Шура.

Человек ехидно пофыркивал, попросил у хозяина старых перьев, сделал из них ростбиф, из катушки ниток наскоро сваял мороженое и под конец подал шампанское, состряпанное из ночной кофты хозяйки.

– Будем наслаждаться, – сказал он. И, взяв на ложку немного горчицы, сделал из неё граммофон, который тут же прекрасно исполнил «Туся! Туся!» и даже прокричал сам себе «браво», совсем как настоящий.

– Вот что может сделать человек будущего, человек XXII века. Что вы на это скажете? – обратился он к халдею.

Тот вскочил и весь затрясся.

– Меродах, бог, грозно палящий! Син, мстящий до двенадцатого колена! Рамман, в буре опаляющий! Нергал, томящий в вечности! И все, ведомые и неведомые, взгляните, что создали вы! Человека-фабрику!

– Ха-ха! – визжал человек. – А вы что сделаете? Покажите ваши фокусы.

– Рамман! – заревел халдей. – Рамман, в буре опаляющий! Явись!

И в тот же миг комнаты наполнились удушающим дымом, загрохотал гром и сверкнула молния.

– Не надо! Не надо! – засуетились гости. – Вот невежа! Кто его сюда пустил?

– Утоли себя! Сгинь! – сказал халдей. Всё стихло.

– Какие у вас неприятные сюрпризы, – ехидничал человек. – Вы бы выдумали что-нибудь веселенькое.

Халдей молча сверкал глазами.

– А это у тебя что? – вдруг спросил он, загадочно усмехнувшись, и указал на маленькую хрустальную капсюльку, болтавшуюся на шее у человека.

– А эта штучка, миленький, даёт мне возможность вернуться туда, откуда я явился.

– Я знаю. А если ты потеряешь?

– Не беспокойся. Она держится крепко.

– Я вернусь и всюду буду без всяких машинок. Я могу хотеть, и моё тело слушается моей воли во всяком пространстве и времени.

– Ха-ха! Лучше сделай что-нибудь весёленькое.

– А верно, – вместились гости, – сделайте что-нибудь занятное, а то вы такой неприятный.

Халдей приуныл.

– Вот дайте мне палочку, и я сделаю вам из неё змею, она вас всех перекушает, – придумал он наконец. – Хотите?

Но все отказались.

– Я бы мог вызвать солнце великого Шамаша, только ночью он всё равно не придёт.

Человечек хихикал.

– Я могу усыпить вас навсегда, и прекрасная Аллата покажет вам сады смерти, где томится Фаммуз, вечно воскрешающий.

Гости поблагодарили его за любезность, но отказались и от этого.

Халдей стал сердиться.

– Вы скверные люди! – кричал он. – Я триста три дня творил заклинания на великом столбе храма Бэла и получил дар приходить к вам через каждые три года, а вы ничего не понимаете в мудрости веков. Вы любите фабрику!

– А ну-ка! – сказал человечек. – Сделай что-нибудь хорошенькое!

– Ну ладно! Вот я оживлю вам старое дерево. Мёртвому дереву дам жизнь.

Он поставил стулья в ряд, приложил ладони ребром к вискам и стал читать заклинание.

Кто-то фыркнул от смеха.

Халдей свирепо взглянул на него и сказал:

– Смеющемуся говорю: подниму племя Урарту и племя Шалештим, и не оставит ему пса на камне.

Между тем со стульями стало делаться что-то странное: они как-то разбухли, кое-где появились сучки, показались листья. Халдей взметнул руками и воскликнул:

– И всё, что дерево здесь, – живи!

И вот качнулся диван, размяк, зазеленел; стол пустил длинные ветвистые корни, которые шевелились и змеились, ища земли, и незаметно обвивались вокруг человеческих ног.

Затрещал буфет и выпустил с боков кленовые ветви,

– А столляр уверял, что настоящий дуб, – вздохнула хозяйка.

Чайная шкатулка покрылась хорошенькими жёлтенькими цветочками, на дамских каблуках появились почки.

– Не довольно ли? – сказал хозяин, когда в дверь просунулись ветки от письменного стола. – Там у меня деловые бумаги, неудобно.

Запузырился паркет; по углам поднялись целые заросли молодой ольхи.

– Увидит дворник, сгонят нас с квартиры. Халдей обернулся, сверкнул фиолетовым огоньком.

– Прощайте!

Он вдруг весь затрясся, сделался совсем маленьким, метнулся в сторону человечка, так что тот упал, и вдруг исчез из виду.

– Какая пошлость! – сказал человек, поднимаясь, и вдруг дико взвизгнул.

– Где моя капсулька? Негодяй, украл мою капсульку! Как я вернусь домой...

– Украл! Укра-ал! – послышался откуда-то насмешливый голос. – Иди ко мне. Я отдам. Прямо в город Ур, у восточных ворот при храме великого Меродаха, спросить жреца Амельсара. Очень просто. Жду тебя с нетерпением. Приходи скорее.

– Очень нужно! – чтоб вы ещё там меня съели!

– Наш народ не ест людей.

– Ну всё равно – принесёте в жертву богам.

– Ха-ха, – ядовито захохотал голос. – От Нивевия до Вавилона все знают пословицу: «Принести в жертву уroda – оскорбить бога». Ты в безопасности, человек-фабрика. Прощай!

Послышался лёгкий свист.

– Ушёл, мерзавец! Что я буду делать? Как я попаду домой?

– А разве у вас в вашей лаборатории не найдётся какого-нибудь средства?

– Что за вздор! У меня только рецепты, полезные в домашнем обиходе. Не превратиться же мне в бифштекс!

– А если вы сами приготовите ту жидкость, что была у вас в капсульке?

– Не умею я! Это у нас на фабриках делают...

– Вот положение!

– Да вы не отчаивайтесь! – успокаивал его индеец. – Вы и у нас прекрасно можете устроиться. С вашими талантами. Подайте, например, прошение в министерство финансов. Скажите, что будете из воздуха муку делать. Да вам сейчас и чины, и орден, и всё, что угодно. Или в интендантство...

– Не могу я! – плакался человек. – Мне уже пора ванну брать из радиной настойки с солнечным тяготением. Иначе я к вечеру умру!

Он сидел и плакал так сильно, что слёзы проступали даже через лысину.

А деревья кругом росли, и в углу на маленькой этажерке зацвели груши.

Газета «Русское слово», 1909 г.

Публикация **Р. СОКОЛОВСКОГО**.

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы 8-701-337-45-55.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

www.niva.ucoz.kz

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Корректор **И. Н. Юзупанова.**

Набор и вёрстка **Ю. В. Богдановой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан **В. Р. Гундаревым**
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 18.01.2013 г.

Подписано к печати 07.02.2013 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.

Заказ № 704.

Номер набран и свёрстан

в ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.